

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА

РАЗБОРЪ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ПОЛОЖЕНІЙ

СОВРЕМЕННАГО МАТЕРІАЛИЗМА

СОЧИНЕНІЕ

В. РОЖДЕСТВЕНСКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1868

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА

РАЗБОРЪ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ПОЛОЖЕНІЙ

СОВРЕМЕННАГО МАТЕРІАЛИЗМА

СОЧИНЕНІЕ

В. Рождественскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный просп., № 39

1868

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе» за 1868 годъ.

Имя Бюхнера еще недавно было однимъ изъ популярнѣйшихъ между представителями новѣйшаго германскаго матеріализма и пользовалось въ нѣкоторыхъ сферахъ современнаго европейскаго общества едва-ли не бóльшею славою, чѣмъ имена его наставниковъ и собратовъ по убѣжденіямъ—Молешотта и Фогта. Появленіе въ свѣтъ перваго пресловутаго сочиненія Бюхнера въ защиту матеріализма „Kraft und Stoff" было литературнымъ событіемъ въ Германіи и вызвало самую одушевленную и энергическую полемику между защитниками и оппонентами его. Сочиненіе это, въ теченіе пяти лѣтъ, выдержало семь изданій,—что, по словамъ французскаго переводчика его Гампера,—неоспоримо доказываетъ высокое достоинство его ([1]). Какъ бы, впрочемъ, мы ни цѣнили ученыя достоинства Бюхнера, слава его, какъ популяризатора матеріализма, несомнѣнна. Изъ Германіи матеріалистическая

([1]) Force et Matière. Ouvrage traduit de l'Allemand d'aprés la septième édition avec l'approbation de l'auteur par L. F. Gamper, Leipzig, 1863 an. avis au lecteur, p. V. За неимѣніемъ подлинника подъ руками, и мы будемъ цитовать мѣста изъ „Kraft und Stoff" по этому переводу.

доктрина Бюхнера быстро распространилась по всѣмъ образованнымъ странамъ Европы и всюду находила себѣ широкую пропаганду; не только для умовъ молодыхъ, неопытныхъ, но и для умудренныхъ наукою и опытомъ жизни небольшая, бойко написанная книжка: „Kraft und Stoff" имѣла самое вліятельное, законодательное значеніе; матеріалистическія понятія и выводы ея стали для многихъ нормою въ убѣжденіяхъ. Свѣжо еще преданіе, какъ и у насъ, на Руси православной, теорія Бюхнера проповѣдывалась какъ „послѣднее слово науки, самое полное и справедливое", а здравый, научный протестъ противъ нея вызывалъ не просто одушевленную, энергическую полемику, какъ въ Германіи, но положительную брань, направленную противъ чести и добросовѣстныхъ научныхъ убѣжденій лицъ, осмѣливавшихся поднять свой благородный голосъ (¹).

Такъ обоятельна была (а можетъ быть, кое-гдѣ есть и доселѣ) для многихъ умовъ нашего вѣка матеріалистическая теорія Бюхнера! На самомъ дѣлѣ, Бюхнера ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать корифеемъ и ученымъ защитникомъ нынѣшняго матеріализма, доставившимъ ему какими-нибудь своими учеными трудами прочность и силу, хотя онъ, дѣйствительно, и воображаетъ себя реформаторомъ въ европейскомъ образованномъ мірѣ (²). Ученая слава и популярность его имени, какъ представителя современнаго матеріализма, есть слава и популярность тѣхъ людей, во всякое время встрѣчающихся въ ученомъ мірѣ также, какъ и въ жизни прак-

(¹) Разумѣемъ полемику, бывшую въ нашемъ литературномъ мірѣ, по поводу статей г. Юркевича, направленныхъ противъ Чернышевскаго и Антоновича, популяризировавшихъ матеріалистическія идеи Бюхнера.
(²) Natur und Geist, p. XII; Aus Natur und Wissenschaft, p. V.

тической, которые, какъ говорится, ловко умѣютъ чужими руками жаръ загребать или рядиться въ павлиныя перья для прикрытія собственнаго безобразія. Бюхнеръ всюду въ своихъ сочиненіяхъ показываетъ въ себѣ искуснаго мастера поговорить съ чужихъ словъ и не сказать ничего своего; онъ ловко эксплуатируетъ въ свою пользу сочиненія по разнымъ отраслямъ естествознанія различныхъ естествоиспытателей, нерѣдко вербуя при этомъ безъ разбору въ число защитниковъ матеріализма ученыхъ, — какъ нар. Либиха, І. Мюллера, Лётце и др., никогда и не помышлявшихъ о такой не лестной чести для себя; онъ беретъ также нерѣдко факты, совершенно безразличные и думаетъ ими подтвердить или изъ нихъ вывесть напередъ уже заданныя себѣ положенія. Отъ того-то страницы сочиненій Бюхнера, особенно „Kraft und Stoff", испещрены щедрымъ наборомъ фактовъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, выпискою именъ и фамилій разнообразныхъ представителей науки, нерѣдко весьма авторитетныхъ. И все это—не напрасно. Такая ученая обстановка дѣла дѣйствуетъ, очевидно, подавляющимъ образомъ на воображеніе и умъ неопытнаго читателя, привыкшаго благоговѣть не предъ истинною, а предъ книгами и именами ученыхъ, не всегда имѣющихъ эту истину у себя, и невольно располагаетъ его слѣпо, на вѣру принимать идеи автора сочиненія. Въ этомъ случаѣ справедливо сдѣланное относительно Бюхнера, въ сравненіи его съ Молешоттомъ, замѣчаніе А. Вебера, что тогда какъ заблужденіе послѣдняго только преступно, заблужденіе перваго и *преступно* и еще *коварно* (1).

---

(1) Die neueste Vergötterung des Stoffs, Dr. Med. A. Weder; Giessen, 1858. ss. XIII, XIV.

Кто любопытствовалъ прослѣдить внимательно историческое развитіе новѣйшаго германскаго матеріализма (а оно очень любопытно и поучительно), тотъ знаетъ, какимъ образомъ могло выработаться и еще всюду пріобрѣсти себѣ громкую славу и популярность такое узкое и грубое міровоззрѣніе, какое проповѣдуетъ Бюхнеръ, гдѣ та особенная почва, изъ которой извлекаетъ для себя соки подобное міровоззрѣніе, и на которой только и возможно его существованіе. Историческая критика успѣла доказать съ очевидностію, что нынѣшній германскій матеріализмъ, вмѣстѣ съ подобными литературными явленіями его; какъ „Kraft und Stoff" „Natur und Geist" и проч., есть болѣзненный плодъ того неестественнаго, крайняго раздѣленія между философіею и естествознаніемъ, вслѣдствіе котораго въ первой, какъ говоритъ Р. Вагнеръ, фразы взяли перевѣсъ надъ фактами, а во второй, наоборотъ, масса нахлынувшихъ съ успѣхами естествознанія, необработанныхъ фактовъ перепутала понятія натуралистовъ, чуждыхъ полнаго всецѣлаго образованія, и потому, естественно, неспособныхъ къ сколько-нибудь всестороннему, философскому воззрѣнію на вещи" (¹). „Мы избавлены были бы, — говоритъ Шлейденъ, — отъ страннаго явленія новѣйшаго матеріализма, если бы *естествоиспытатели*, не хотѣвшіе ничего знать о философіи и ея изслѣдованіяхъ, *хотѣли точно дѣлать свое дѣло*, если бы они въ такомъ положеніи по отношенію къ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы опыта, довольствовались простымъ „я не знаю". Но естествоиспытатели, вмѣсто того, чтобы сказать, какъ говоритъ человѣкъ, имѣющій въ карманѣ мѣдный грошъ:

(¹) Der Kampf um die Seele von Standpunct der Wissenschaft R. Wagner. Göttingen, 1857. S. 211.

„*здѣсь* нѣтъ золота“, ошибочно стали утверждать, что *во-все* нѣтъ золота ([1])“. Такой приговоръ произноситъ нынѣшнему германскому матеріализму здравая и безпристрастная историческая критика! Она трактуетъ его какъ болѣзнь естественной науки и образованія нашего времени. Не такихъ понятій объ историческомъ значеніи нынѣшняго германскаго матеріализма держится Бюхнеръ. Онъ дорого цѣнитъ историческое значеніе матеріалистическаго направленія новѣйшей науки естественной и, съ утвержденіемъ господства этого направленія, находитъ возможнымъ произвести самую широкую реформу въ современномъ образованномъ мірѣ. Ученіе новѣйшаго матеріализма, по мнѣнію Бюхнера, есть законный плодъ научныхъ успѣховъ и открытій современнаго естествознанія,—составляетъ гордость и признанную славу нашего времени. Выступать на борьбу съ нимъ—значитъ идти противъ ясныхъ и очевидныхъ для всякаго фактовъ, противостоять которымъ невозможно. Близкое торжество его надъ своими врагами несомнѣнно ([2]). Наоборотъ, Бюхнеръ изливаетъ самое желчное негодованіе противъ ненавистной для него философіи идеализма или спиритуализма. Онъ смѣло произноситъ ей смертный приговоръ. „Мы должны, — говоритъ Бюхнеръ,—устранить всю философскую болтовню, которою блещетъ германская философія, возбуждающая справедливое отвращеніе какъ въ ученыхъ, такъ и въ неучахъ. Теперь прошли времена, когда научныя фразы, фило-

---

([1]) Матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма. Взглядъ Шлейдена на матеріализмъ, стр. 235.—Подробности историческаго развитія новѣйшаго матеріализма можно читать у Ланге въ его сочиненіи: Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart, Iserlohn, 1866. 2 13 a, Abschn. I u II.

([2]) Force et Matière, pp. VIII, IX; 256—258.

софскій шарлатанизмъ и умственное гаерство были въ модѣ" ([1]). Мѣсто философіи и самаго богословія, со всѣми входящими въ нихъ вопросами, съ полнымъ правомъ можетъ и должна, по мысли Бюхнера, занять точная наука естественная; въ ней—начало и конецъ всѣхъ нашихъ знаній о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ ([2]). Итакъ, вотъ какую смѣлую, капитальную реформу хотѣлось бы произвести Бюхнеру въ европейскомъ образованномъ мірѣ!

Пора наконецъ спокойно и безпристрастно обсудить такъ ли прочны и состоятельны предъ судомъ науки и здраваго разума матеріалистическія понятія и выводы, чтобы на основаніи ихъ можно было дѣйствительно преобразовать весь религіозно-нравственный строй современныхъ европейскихъ обществъ. Сущность всего вообще матеріализма, какъ отрицательнаго нигилистическаго міровоззрѣнія, можно выразить въ двухъ положеніяхъ: нѣтъ *Бога*, какъ духовной, внѣ міровой личности, какъ Творца и Промыслителя вселенной, и нѣтъ *духа*, какъ самостоятельной субстанціи въ человѣкѣ. Но эти два положенія составляютъ только слѣдствія одного основнаго и существеннаго начала всей вообще матеріалистической доктрины: разумѣемъ *ученіе о матеріи*, какъ первооснов ѣ и послѣдней причинѣ всякаго бытія. Къ защитѣ и развитію этихъ трехъ положеній направлены также и всѣ вообще литературные труды Бюхнера ([3]). Примѣнительно къ этимъ тремъ положеніямъ поведемъ и мы свой разборъ его матеріализма.

([1]) Ibid., p. IX.

([2]) Ibid. p. 257—259.

([3]) Главныя сочиненія Бюхнера, въ которыхъ излагается его матеріалистическая система, суть слѣдующія: „Kraft und Stoff", „Natur und Geist" и—сборникъ разныхъ статей —„Aus Natur und Wissenschaft".

I.

Къ матеріалистической системѣ Бюхнера, какъ и вообще ко всему новѣйшему матеріализму, со всею справедливостію можетъ быть приложено собственное же, остроумное изрѣченіе Бюхнера, высказанное имъ относительно новѣйшихъ философовъ: „наши новѣйшіе матеріалисты (вмѣсто: философы) любятъ разогрѣвать намъ старыя, остывшія блюда, величая ихъ новыми названіями, какъ будто бы послѣдними изобрѣтеніями кухни современной естественной науки“. Что, въ самомъ дѣлѣ, особенно новаго и отличительнаго представилъ намъ современный матеріализмъ въ сравненіи съ матеріализмомъ энциклопедистовъ XVIII вѣка или даже съ матеріализмомъ Левкиппа или Эпикура: расширилъ ли онъ болѣе, чѣмъ они, кругозоръ нашей мысли, придвинулъ ли ближе къ нашему пониманію природу вещей, установилъ ли болѣе прочныя и вѣрныя, чѣмъ они, начала для нашего познанія міра явленій, далъ ли болѣе удовлетворительные и ясные, чѣмъ они, отвѣты на насущные вопросы ума о происхожденіи міра, о началѣ и внутреннемъ основаніи органической и духовной жизни въ мірѣ, и природѣ человѣка и пр?... Въ рѣшеніи и обоснованіи ни одного изъ этихъ и множества другихъ пунктовъ современный матеріализмъ, какъ философская система міровоззрѣнія, не опередилъ ни на одинъ шагъ ни матеріализма энциклопедистовъ XVIII вѣка, ни даже языческаго матеріализма Левкиппа или Эпикура. Разница только въ суммѣ доказательствъ, которыми располагаетъ современный матеріализмъ, благодаря ненормальному въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ направленію современной естественной науки, выходящей во многомъ изъ предѣловъ своихъ изслѣдованій и своихъ сужденій,—разность, слѣдовательно, чисто внѣшняя, но никакъ не внутренняя, въ самыхъ принципахъ и ихъ развитіи. Матеріалистическая система Бюхнера оправдываетъ на себѣ самымъ точнымъ образомъ это сужденіе наше отъ начала до конца. Во всѣ времена матеріализмъ, отвергавшій бытіе премудраго, духовнаго Существа—Бога, какъ Творца и Промыслителя міра, искалъ себѣ опоры въ атомистической теоріи: въ ней же ищетъ опоры своей матеріалистической системѣ и Бюхнеръ. Онъ съ благоговѣніемъ преклоняется предъ необыкновенною мудростію Левкиппа, Демокрита и Эпикура, которые, на основаніи одного философскаго умозрѣнія, дошли до результатовъ и взглядовъ, которыми, какъ капитальнымъ открытіемъ, по его мнѣнію, хвалится и современная естественная наука (1). И по ученію Бюхнера, какъ по ученію этихъ древнихъ философовъ, весь міръ, со всѣми населяющими его существами и происходящими въ немъ явленіями, есть только механическая игра недѣлимыхъ матеріальныхъ частицъ или атомовъ. „Атомъ, говоритъ Бюхнеръ, есть тотъ Богъ, которому всякое бытіе, и низшее и высшее, обязано своимъ происхожденіемъ; онъ не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія; онъ вступаетъ только съ теченіемъ времени въ новыя соединенія, или выходитъ изъ нихъ, но всегда есть неизмѣнно одинъ и тотъ же, одаренный одними и тѣми же, отъ вѣка ему присущими, силами и свойствами (2). Итакъ, по этому принципу Бюхнера, высшая всѣхъ

(1) Natur und Geist, S. 101—102.
(2) Natur und Geist, Ss. 7—8.

наукъ, долженствующая объяснить намъ все міроздание и указать начальную причину и послѣднюю цѣль всѣхъ явленій мира, есть очевидно, *механика*, съ вспомогательными для нея физикой и химіею, поколику все въ мірѣ существующее можетъ быть сведено въ послѣднемъ своемъ основаніи къ безсознательному механико-химическому движенію атомовъ. Богословіе, съ своимъ ученіемъ о Божественномъ твореніи міра и промышленіи о немъ, философія съ своими умозрѣніями о метафизической основѣ бытія и порядка міра явленій, не могутъ имѣть мѣста и никакого смысла въ системѣ человѣческаго вѣдѣнія. Таковъ, естественно, слѣдуетъ выводъ изъ основныхъ онтологическихъ положеній системы Бюхнера, — выводъ, какой и сдѣланъ былъ нѣкогда Гольбахомъ въ его системѣ природы, но котораго не дѣлаетъ такъ прямо Бюхнеръ.

Такимъ образомъ, современной философіи опять приходится имѣть дѣло съ грубою атомистическою системою, надъ несостоятельностію которой философствующій разумъ уже давно изрекъ свой правдивый судъ, и о которой исторія философіи расказываетъ, какъ о попыткѣ еще младенчествовавшаго философствующаго ума языческой древности — разрѣшить путемъ однѣхъ матеріальныхъ данныхъ всѣ проблеммы міра и духа человѣческаго. Повидимому, на почвѣ христіанской философіи возрожденія этой системы менѣе всего можно было бы ожидать. Тѣмъ не менѣе она является уже вторично и съ удвоенною надеждою — измѣнить, если можно такъ сказать, лице земли, весь духовный бытъ человѣчества, а главное — всегда также съ самолюбивою претензіею на современность своихъ понятій, на уровень ихъ съ послѣдними результатами точной

науки. Бюхнеръ никакъ не хочетъ признать дѣйствительнаго, внутренняго тожества своей атомистической системы съ древними системами Демокрита или Эпикура. Какъ бы въ защиту европейской современной науки, онъ говоритъ, что атомы древнихъ были только философскими категоріями, произвольными спекулятивными предположеніями, въ которыхъ много было мистическаго и ложнаго, тогда какъ атомы новѣйшей естественной науки, къ которой тѣсно пріурочиваетъ Бюхнеръ свою систему, составляютъ *положительное открытіе ея, результаты точнаго наблюденія* (¹). Но эта оговорка Бюхнера совершенно напрасно и ею онъ только профанируетъ европейскую науку XIX христіанскаго вѣка, желая спасти свою систему отъ этой профанаціи. Дѣло въ томъ: справедливо ли Бюхнеръ называетъ атомъ положительнымъ *открытіемъ* современнаго естествознанія, а отсюда и свой грубый эпикурейскій атомизмъ выставляетъ, какъ несомнѣнную, оправдываемую всѣми опытами и наблюденіями естественной науки, *теорію* ея? Тѣмъ болѣе имѣетъ ли онъ какое-нибудь основаніе и право поставлять вообще матерію какъ послѣднее; метафизическое начало для объясненія всѣхъ явленій и міра физическаго и міра нравственнаго? Рѣшая эти вопросы, мы прослѣдимъ состоятельность одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ матеріалистической системы Бюхнера — естественно-научную и философскую состоятельность его ученія *о матеріи*.

Отвѣчая на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ, мы неизлишнимъ считаемъ, прежде всего, указать на собственныя убѣжденія Бюхнера, какихъ нѣ-

---

(¹) Natur und Geist, S. 102.

когда держался онъ самъ относительно атома и атомистической теоріи. По видимому, отъ Бюхнера, судя по первому его сочиненію — „Karft und Stoff“,—менѣе чѣмъ отъ кого-либо другаго, нужно было ожидать согласія—принять *атомъ*, какъ метафизическое начало всего существующаго и атомистическую теорію, какъ разумнѣйшую и основательнѣйшую изъ всѣхъ возможныхъ теорій философіи и естествознанія. Въ главѣ „о безконечности матеріи“ своего перваго сочиненія „Kraft und Stoff“ самъ же Бюхнеръ всѣми силами старается убѣдить себя и другихъ, что матерія дѣлима въ безконечность, что слово „атомъ“ есть только выраженіе необходимаго для насъ, нами *извнѣ* къ веществу привнесеннаго, представленія, въ которомъ мы имѣемъ надобность для извѣстныхъ внѣшнихъ цѣлей, что ни наблюденіе, ни идея, какую мы имѣемъ о матеріи, никогда не доведутъ насъ до того пункта, гдѣ можно было-бы намъ остановиться,—и мы отказываемся отъ надежды когда-нибудь достигнуть его (¹). Въ доказательство неопровержимости, истинности этого взгляда на матерію Бюхнеръ ссылается и на спекулятивную философію, такъ мало въ другихъ случаяхъ имъ уважаемую, и на ту же всегда, по его мнѣнію, *точную* естественную науку,—особенно на ея удивительные опыты и открытія, совершаемые при помощи сильнѣйшихъ микроскоповъ. Убѣдилъ ли Бюхнеръ кого-либо изъ своихъ противниковъ въ справедливости этой безконечности матеріи и ея, вслѣдствіе этого, божественномъ достоинствѣ,—не знаемъ, но его собственное убѣжденіе въ этомъ случаѣ несомнѣнно: „мы объявляемъ

(¹) Force et Matière, p. 25.

её, т. е. матерію, говоритъ Бюхнеръ, безконечною съ той и другой стороны—въ макрокосмѣ и микрокосмѣ". Но вотъ не проходитъ и двухъ лѣтъ, и Бюхнеръ съ удвоенною ревностію проповѣдуетъ ученіе, діаметрально-противоположное первому—ученіе объ атомѣ; и опять тѣ же философскія соображенія; та же точная естественная наука, съ ея могущественными микроскопами, открытіями и опытами, ставятся рѣшительнымъ образомъ на сторону этого ученія. Какому же, спрашивается, изъ этихъ двухъ ученій Бюхнера вѣрить? На сторонѣ котораго изъ нихъ и здравая философія и точная естественная наука? Словомъ—гдѣ истина? Искать ее въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, у Бюхнера, былъ-бы напрасный трудъ. Отъ перваго своего ученія Бюхнеръ отказался безъапеляціонно самъ,—и совершенно въ этомъ случаѣ справедливо. Безконечная дѣлимость матеріи, неоправдываемая опытомъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и въ началахъ здраваго разума, если разобрать дѣло строго-логически ([1]). Но онъ отказался въ пользу другаго, не менѣе ложнаго ученія, какъ атомистика. Истины и нельзя было ожидать отъ него. Прежде ему необходимо было понятіе о безконечности матеріи, въ ея микрокосмѣ и макрокосмѣ, чтобы возвеличить ея мнимое божественное достоинство, подтвердить ея вѣчность и безсмертіе ([2]). Попытка не удалась,—и Бюхнеръ, для той же цѣли, ищетъ опоры въ

([1]) Доказательства и разборъ этого положенія, котораго касаться подробно мы не имѣемъ нужды, можно читать у Ульрици: „Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, Leipzig, 1862. Ss. 337—341; также у Шельвейна: Kritik des Materialismus, K. Schelwein, Ss. 53—57; у Поль Жане. Le Matérialisme contemporain en Allemagne. Examen du Système du Dr. Büchner, pp. 42—46.

([2]) Force et Matière, pp. 23—27.

атомѣ. Но и настоящая опора не болѣе ли еще шатка и несостоятельна, чѣмъ прежняя?..

Самъ Бюхнеръ является тѣмъ же неисправимымъ радикаломъ и въ ученіи объ атомѣ, какъ и всюду, неостанавливающимся ни предъ какими крайностями и смѣлостію, эксцентричностію своихъ понятій какъ бы желаетъ защитить ихъ внутреннюю несостоятельность. Отъ того вся его атомистическая философская теорія есть ученіе, которое, какъ справедливо замѣчаетъ А. Глоссъ, тѣмъ менѣе понимаешь, чѣмъ болѣе читаешь (1). То, что два года назадъ самъ Бюхнеръ считалъ за совершенное *ничто*, теперь онъ во всеуслышаніе называетъ открытіемъ современнаго естествознанія, справедливость котораго, по его мнѣнію, также несомнѣнна, какъ несомнѣнно открытіе Нептуна французскимъ астрономомъ Леверрье (2). Правда, атомистика есть гипотеза, но такая научная гипотеза, говоритъ онъ, которая объоснована на положительныхъ *фактахъ* и *опытѣ* и которую, посему, справедливѣе уже можно назвать положительнымъ ученіемъ науки естественной, чѣмъ гипотезою. Такъ самоувѣренно Бюхнеръ ставитъ свою атомистическую систему подъ защиту современной науки естественной и выдаетъ ее за послѣдніе результаты ея. Но оправдываетъ ли, дѣйствительно, современная наука естественная, остающаяся въ предѣлахъ своихъ точныхъ опытовъ и здравой, основанной на нихъ логикѣ, возлагаемыя на нее въ этомъ случаѣ надежды Бюхнера?..

(1) Wie viel entdeckte bis jetzt die neuere Naturwissenschaft? Ein kritischer Versuch im Sinne des Fortschrittes besonders gegen H. Dr. Büchner's Kraft und Stoff und „Natur und Geist“, A. Gloss, Braunschweig. 1859. S. 61.

(2) Natur und Geist, S. 80, 81.

Если останавливаться на одной внѣшней сторонѣ дѣла, на однихъ названіяхъ и именахъ, не давая себѣ точнаго отчета о ихъ внутреннемъ содержаніи, то, конечно, вся естественная наука будетъ на сторонѣ Бюхнера; съ нимъ будутъ за одно ученые, которые никогда и не думали служить ему подпорою своими учеными трудами. Почти въ каждомъ новѣйшемъ сочиненіи, по предмету физики, химіи, физіологіи и др., можно встрѣтиться съ именами атома и атомистической теоріи, съ замѣчательнѣйшими теоріями и вычисленіями физико-химическими, на нихъ основанными. За физически необходимое понятіе элементарныхъ частицъ матеріи, называемыхъ атомами, высказываются первѣйшіе авторитеты въ области физики и химіи,—каковы: Біо, Коши, Фехнеръ, Амперъ, Пуассонъ, Араго, Берцелліусъ, Либихъ, В. Веберъ и др. (¹). Но amicus Plato, amicus Aristoteles, magis amica veritas. Какъ бы ни былъ великъ и достоуважаемъ для насъ авторитетъ науки и высокихъ представителей ея, мы не можемъ и не должны рабски слѣдовать за ними тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ отъисканіи еще болѣе дорогой и достоуважаемой для насъ истины, относительно которой можетъ иногда заблуждаться наука съ своими представителями. Такъ именно заблуждается она, по суду знатоковъ дѣла. и въ разбираемомъ нами случаѣ, если только, впрочемъ, она будетъ смотрѣть на атомъ и атомистическую теорію такъ, какъ учатъ объ этомъ Бюхнеръ и его единомышленники. Явно не только то, что атомистика есть гипотеза, съ чѣмъ соглашается и самъ Бюхнеръ,— но и гипотеза, полная неразрѣшимыхъ противорѣчій,

(¹) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, Ss. 17—24.

сама себя уничтожающая, — что далеко еще не вошло въ общее сознаніе, хотя и объ этомъ слышатся голоса въ совершенно одинаковомъ смыслѣ и со стороны философіи и со стороны точнаго естествознанія. „Сама по себѣ атомистика, говоритъ І. Г. Фихте (¹), есть несбыточная, но безвредная *фикція* доколѣ она остается въ области физическихъ и химическихъ вычисленій. Но какъ скоро ей, со стороны философіи и естествознанія, будетъ приписана реальность, тѣмъ болѣе когда въ ней думаютъ открыть истинный принципъ къ объясненію природы, даже явленій міра духовнаго, то она такъ перепутываетъ всѣ наши сужденія, такъ обезображиваетъ безпристрастное пониманіе фактовъ, что ее нужно причислить къ наивреднѣйшимъ заблужденіямъ". Такой судъ произноситъ надъ атомистикой одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей германской философіи нашего времени. Также ясно и отчетливо несбыточность, фиктивность атомистической теоріи чувствуютъ и сами болѣе или менѣе безпристрастные физики и химики. И если большинство изъ нихъ заботливо остерегается входить въ какое-нибудь обстоятельное и внимательное изслѣдованіе принциповъ ея, понимая очень хорошо, какъ у нихъ тотчасъ исчезнетъ произвольно созданная воображеніемъ почва, на которой воздвигнуто столько незамѣнимыхъ доколѣ теорій для объясненія существеннѣйшихъ явленій физики и химіи, то другіе смѣло идутъ на встрѣчу заблужденію и раскрываютъ его вполнѣ. Ограничиваясь доколѣ собственно вопросомъ, имѣетъ ли хоть какія-нибудь данныя естественная наука допу-

(¹) Ueber die neuere Atomenlehre und ihr Uerhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, von J. H. Fichte. Ss. 26—27 (Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik, 1854, Bd. XXIV).

стить существованіе *атома*, о которомъ Бюхнеръ провозглашаетъ, какъ о знаменательномъ открытіи нашего времени, мы приведемъ мнѣніе объ этомъ двухъ современныхъ ученыхъ физиковъ, изъ которыхъ одинъ есть вмѣстѣ и математикъ,—мнѣнія *Эттинсгаузена* и *Фишера*.

На дѣлимость матеріи обыкновенно смотрятъ атомисты, какъ на главнѣйшее основаніе для принятія бытія атомовъ. Но дѣлимость матеріи, сама въ себѣ разсматриваемая, можетъ-ли простираться въ безконечность, или же въ существѣ самой матеріи лежитъ ограниченіе этой дѣлимости, т. е. существуетъ ли вообще атомъ, или нѣтъ,—объ этомъ, говоритъ Эттингсгаузенъ, ни непосредственный опытъ, ни теорія, на точномъ опытѣ объоснованная, не даютъ никакого рѣшенія, и все, что объ этомъ съ разныхъ сторонъ было высказано, основывается на простой гипотезѣ (¹). Для объясненія же самой дѣлимости матеріи достаточно, говоритъ тотъ же Эттингсгаузенъ, простаго, несомнѣннаго положенія, что тѣла состоятъ изъ частей, которыя, будучи отдѣльно взяты, по причинѣ своей малости, ускользаютъ совершенно отъ нашего чувственнаго воспріятія (²). Противъ этихъ положеній Эттингсгаузена едвали что нибудь могутъ возразить физика и химія. Физика, какъ бы далеко ни простиралось дѣленіе ею матеріи, благодаря могущественнѣйшимъ микроскопамъ нашего времени, никогда фактически не достигала и недостигнетъ, конечно, никогда до атомовъ—частицъ абсолютно—простыхъ и недѣлимыхъ, въ чемъ искренно былъ убѣжденъ нѣкогда и Бюхнеръ (³); крайній и благоразумный вы-

(¹) Ueber die neuere Atomenlehre und Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, J. H. Fichte, Ss. 35—36.

(²) Ibid. S. 35; cp. A. Weber, a. a. o. S. 15.

(³) Force et Matière, p. 25.

водъ умозаключенія, дѣлаемый ею въ этомъ случаѣ, можетъ быть именно только тотъ, какой дѣлаетъ и Эттингсгаузенъ, что тѣла состоятъ изъ частей, вовсе не опредѣляя, какой видъ принимаетъ эта раздѣльность въ своей послѣдней инстанціи; но во всякомъ случаѣ она, на основаніи всѣхъ точныхъ опытовъ и существующихъ законовъ механики, не можетъ допустить первоначальнаго раздѣленія матеріи въ видѣ атомовъ, изъ которыхъ бы она впослѣдствіи, путемъ механическаго сцѣпленія ихъ, приняла свой настоящій видъ ([1]). Опыты химіи относительно дѣлимости матеріи точнѣе опытовъ физики, но за то они съ большею точностію и рѣшительностію говорятъ противъ Левкиппо-Демокритовской атомистики Бюхнера, какъ и вообще противъ неразумныхъ приверженцевъ ея. Химіи удалось доселѣ открыть (по Грагаму и Отто) 61 простыхъ, элементарныхъ тѣлъ ([2]). Мы не выводимъ отсюда заключеній, какъ не выводитъ ихъ и химія, чтобы число этихъ, доселѣ извѣстныхъ химіи, простыхъ тѣлъ, съ усовершенствованіемъ химическаго анализа и вспомогательныхъ средствъ для этого, особенно при посредствѣ такъ называемаго спектральнаго анализа, не увеличилось открытіемъ новыхъ,— какъ оно и дѣйствительно увеличилось, — и чтобы въ самыхъ, называемыхъ доселѣ *простыми*, элементарныхъ тѣлахъ химіи не удалось открыть еще болѣе простыя, составныя частицы ихъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи

([1]) Du Materialisme au point de vue des sciences naturelles et des progrès de l'esprit humain, par A. Neth. Böhner, traduit de l' Allemand par O. Bourrit, Genève, 1861 an., p. 343.

([2]) Въ настоящее время указанное нами число химически-простыхъ элементарныхъ тѣлъ увеличилось уже открытіями Бунзена и Кирхгофа, а также Крукса, открывшихъ нѣсколько новыхъ щелочныхъ металловъ, кромѣ извѣстныхъ доселѣ.

этихъ данныхъ химіи, заключать къ бытію атома было бы еще болѣе поспѣшно и неосновательно, чѣмъ на основаніи дѣлимости матеріи въ физикѣ. И химія, точно также какъ и физика, положительно исключаетъ всякую возможность бытія отдѣльнаго атома, въ свободномъ состояніи существующаго *отъ себя* и *по себѣ*, какъ чего-то самодвижущагося и самодѣятельнаго (¹); другими словами: атомовъ въ собственномъ смыслѣ слова не существуетъ, а существуютъ только *молекулы*— элементарныя частицы матеріи, видимыя нами подъ микроскопомъ; бытіе первыхъ, слѣдовательно, есть пустое представленіе, фикція. Такимъ образомъ, приведенное нами мнѣніе Эттингсгаузена относительно объясненія дѣлимости матеріи остается во всей силѣ и непреложности. Другой ученый, берлинскій физикъ и математикъ Фишеръ, совершенно отвергая также, подобно Эттингсгаузену, ученіе объ атомахъ съ притягательною и отталкивающею силами, показываетъ и самый источникъ заблужденія. Все представленіе объ атомахъ, по его мнѣнію, основывается единственно на одностороннемъ понятіи *экстенсивной* величины, между тѣмъ какъ наполненіе пространства и специфическая плотность тѣлъ можетъ быть объяснена только изъ понятія *интенсивной*, т. е. на качественномъ различіи, равно присущемъ самымъ малѣйшимъ частицамъ основывающейся величины. Уже одно то, говоритъ Фишеръ, само по себѣ неразрѣшимое противорѣчіе, уничтожающее до основанія атомистическую гипотезу, что двѣ противоположныя силы должны существовать въ одной и той же вещи (²). На это послѣднее обстоятельство

(¹) Lehrbuch der organischen Chemie, Kekulè, Erlangen, 1858. S. 97.
(²) Ueber die neuere Atomenlehre und ihr Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, J. H. Fichte, S. 41.

противники атомистики ударяютъ съ особенною силою и совершенно справедливо. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ представить себѣ, безъ явнаго противорѣчія, бытіе такихъ атомовъ, которые одарены двумя взаимно противоположными, взаимно уничтожающими другъ друга силами? Что значитъ собственно: атомъ имѣетъ силы и еще противоположно дѣйствующія? Находятся ли онѣ въ немъ постоянно, какъ qualitates occultae подлѣ другъ друга, или же атомъ произвольно возбуждаетъ въ себѣ то одну, то другую, смотря потому—тѣло, которому принадлежитъ атомъ, приходитъ въ твердое или жидкое состояніе? Что такое попеременно возбуждаетъ эти силы въ атомѣ, такъ что то одна, то другая получаетъ перевѣсъ въ немъ, и остается ли дѣйствіе ихъ только внутри самыхъ атомовъ, или же онѣ дѣйствуютъ далѣе своего субстрата, границъ его области? Наконецъ, какъ вообще онѣ могутъ дѣйствовать *внѣ* и *между* атомами, хотя онѣ въ тоже время неразрывно соединены съ ними? Разрѣшая эти вопросы, атомисты, для спасенія своей гипотезы, должны строить гипотезу на гипотезѣ, и тѣмъ не менѣе къ рѣшенію проблеммы они не придвинутся ни на одинъ шагъ. Неразрѣшимое противорѣчіе—бытіе и дѣятельность двухъ діаметрально противоположныхъ силъ въ одномъ и томъ же субстратѣ остается во всей своей силѣ и дѣлаетъ совершенно немыслимымъ не только бытіе, но и самое представленіе атома. Но сколько также неразрѣшимыхъ, метафизическихъ и логическихъ трудностей и противорѣчій, грозящихъ ниспровергнуть всю атомистическую гипотезу, заключаетъ въ себѣ, по сознанію самихъ приверженцевъ ея, самое понятіе атома, какъ частицы матеріи абсолютно-простой, совершенно невоспринимаемой для

чувствъ, одаренной двумя противоположными силами и пр, если мы сопоставимъ его съ понятіями науки о матеріи вообще. Въ понятіи атома не уничтожается ли понятіе матеріи и одно изъ нихъ не служитъ ли отрицаніемъ другаго ([1])? Наконецъ, если большинствомъ естествоиспытателей и утверждается вообще за матеріею неизмѣняемость и атомы—мнимый субстратъ ея признаются также „неуклонно твердыми точками для построенія системы явленій“, т. е. неизмѣняемыми, то съ расширеніемъ анализа физико-химическихъ явленій оказывается болѣе и болѣе признаковъ и поводовъ—допустить, какъ говоритъ Лотце, „поступательное внутреннее развитіе атомовъ“ или, что-тоже, измѣняемость ихъ ([2]).—А въ такомъ случаѣ можетъ ли быть опять и рѣчь объ атомѣ, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ. При такомъ взглядѣ бытіе его, какъ справедливо замѣчаетъ Розенкранцъ, опять становится совершеннѣйшей фикціей, падаетъ въ область миѳовъ; не то хотимъ сказать этимъ, говоритъ Розенкранцъ, чтобы матерія не доходила въ своемъ дѣленіи до извѣстнаго minimum'а, которое можно назвать атомомъ; но очень можетъ быть, что оно идетъ еще далѣе,—именно до отрицанія самаго minimum'а не чрезъ его уничтоженіе (Vernichtung),—что невозможно,—но чрезъ его измѣненіе или превращеніе (Verwandlung) ([3]).

Представленныхъ нами данныхъ, полагаемъ, достаточно, чтобы мы могли теперь смѣло и не обинуясь дать положительный отвѣтъ на вопросъ: имѣетъ ли дѣйстви-

(1) Ulrici, a. a. o. Ss. 331—333.

(2) Lötze, Mikrokosmus etc. 1856, 1, Ss. 33, 43.

(3) Der deutsche Materialismus und die Theologie, Dr. Rosenkranz, S. 250 (Zeitschrift für Wissenschaftliche Theologie, herausg. A. Hilgenfeld, 1864. 3 Hef.).

тельно какія нибудь права современная наука естественная провозгласить, въ слѣдъ за Бюхнеромъ, объ атомѣ, какъ о положительномъ, неподлежащемъ никакому сомнѣнію, *открытіи* своихъ точныхъ изслѣдованій? Очевидно, не имѣетъ и даже не можетъ никогда имѣть; мнимое божество Бюхнера—атомъ остается и доселѣ въ области физико-химическихъ теорій такимъ же произвольнымъ, спекулятивнымъ предположеніемъ, какимъ былъ онъ и для Демокрита или Эпикура. Утверждая это послѣднее, мы отнюдь, само собою разумѣется, не признаемъ за атомистическою гипотезою того неоспоримаго, почетнаго значенія въ наукѣ, какое придается ей большинствомъ современныхъ физиковъ и химиковъ, и которое на почвѣ матеріализма становится источникомъ самыхъ крайнихъ заблужденій. Большинство физиковъ и химиковъ возлагаютъ на атомистическую гипотезу самыя капитальныя научныя надежды, какъ на теорію, въ самомъ основаніи будто бы объясняющую всѣ доселѣ необъяснимыя явленія физико-химическія, какъ напр. явленія свѣта, теплоты, электричества, магнетизма въ физикѣ, кристализаціи въ минералогіи, или законъ химическихъ пропорцій и явленіе изомеризма и изоморфизма въ химіи. Въ дѣтствѣ науки, во времена Демокрита или Эпикура, можно было еще, пожалуй, питать надежды проникнуть такъ легко до самой первоосновы, сущности вещей. Но теперь едва ли можетъ питать подобныя надежды сколько-нибудь проницательный и безпристрастный естествоиспытатель. Самое соблазнительное и увлекательное въ атомистикѣ—это есть, конечно, та наглядность и кажущаяся математическая опредѣленность, съ какими она представляетъ самые сложные, повидимому, и непроницаемые

для наблюденія физико-химическіе процессы. Атомистика не останавливаетъ нашего вниманія на одной *видимой* сторонѣ предмета; она ведетъ насъ въ самые тайники природы и тамъ наглядно представляетъ намъ, что происходитъ во время сложенія и разложенія тѣлъ, что такое дѣлается въ химическомъ процессѣ, какъ тутъ атомы располагаются другъ подлѣ друга, чѣмъ отличаются органическія комбинаціи отъ неорганическихъ и прочее.; даже такое, повидимому, сложное и загадочное явленіе, какъ зрѣніе и свѣтъ, она объясняетъ самымъ простымъ и нагляднымъ образомъ, трактуя именно, какъ движутся атомы эѳира, когда происходитъ свѣтъ, когда онъ преломляется, разлагается на различные цвѣта и проч. Все и всюду представляется такъ просто и наглядно, что, кажется, еслибы какой-нибудь микроскопъ сдѣлалъ видимыми для нашего глаза самые атомы матеріи, то мы могли бы созерцать лицомъ къ лицу всѣ доселѣ неразгаданныя явленія міра. Но именно въ этой-то кажущейся простотѣ и мнимой очевидности объясненія и заключается дѣйствительная фиктивность атомистической гипотезы. На самомъ дѣлѣ, при болѣе строгомъ и внимательномъ анализѣ его, оказывается, что и въ физикѣ, равно какъ и въ химіи, атомистическая гипотеза въ объясненіи разныхъ явленій не простирается далѣе *механической стороны* ихъ, т. е. количественныхъ и пространственныхъ отношеній элементарныхъ частицъ матеріи между собою и къ ихъ массамъ; *качественная же* сторона ихъ остается совершенно необъяснимою, непроницаемою для нея (1). Даже такое явленіе, которое, по представленію большинства

(1) Ulrici, a. a. o. Ss. 76—84; ср. Antropologie, I. H. Fichte, Ss. 192—203.

современныхъ химиковъ, составляетъ самое капитальное основаніе для принятія атомовъ, — разумѣемъ законъ химическихъ пропорцій,—оказывается совершенно объяснимымъ съ гораздо большею основательностію и законченностію помимо всякихъ атомовъ ([1]). Неудивительно послѣ сего, если со стороны болѣе строгихъ представителей самой естественной науки слышится недовѣріе даже и къ простому физико-химическому значенію атомистической гипотезы ([2]). И во всякомъ случаѣ, если атомистическая гипотеза и удерживается еще естественными науками, то удерживается, повторяемъ, какъ неизбѣжная и незамѣнимая доколѣ фикція или средство — дать по возможности простое и по крайней мѣрѣ не прямо противорѣчащее основымъ даннымъ физики и химіи представленіе, въ которомъ бы можно было обнять и объяснить множество однородныхъ явленій,—и удерживается при томъ совершенно не въ томъ видѣ и значеніи, какія придаетъ ей Бюхнеръ и его единомышленники; это стараются выставить на видъ сами приверженцы атомистической гипотезы, доказывая, что ихъ атомизмъ не имѣетъ ничего общаго съ атомизмомъ Бюхнера, кромѣ одного имени ([3]).

Такимъ образомъ, самая основа матеріалистической системы Бюхнера рушится совершенно, — и при томъ рушится подъ ударами самой точной науки естественной, на которую Бюхнеръ болѣе всего возлагалъ всѣ свои надежды. Божество Бюхнера—атомъ, о которомъ онъ провозгласилъ, какъ о славномъ открытіи нашего

([1]) Ueber die neuere Atomenlehre und ihr Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, S. 40—42.

([2]) Ibid. Ss. 38—39; 43, 44.

([3]) Du materialisme au point de vue des sciences naturelles et des progrès de l'esprit humain, par Nath. Böhner, c. v, pp. 338—344.

времени, которому все, по его мнѣнію, обязано своимъ бытіемъ, на самомъ дѣлѣ долженъ быть изгнанъ изъ предѣловъ даже физико-химической науки чрезъ судейскій приговоръ этой же самой науки. На его мѣсто всюду, — и въ физикѣ, и въ химіи и др. съ большею справедливостію и основательностію можетъ быть постановленъ принципъ *качественной динамики*, который не только не стоитъ въ противорѣчіи съ данными эмпирическаго изслѣдованія, напротивъ прямо по простотѣ своихъ объясненій рекомендуется имъ.

Но если механическій атомизмъ Бюхнера, въ смыслѣ физической теоріи, здравая, точная наука естественная должна признать крайне неудовлетворительнымъ, имѣющимъ очень ограниченное значеніе и во всякомъ случаѣ во-все не такое, какое думаетъ утвердить за нимъ Бюхнеръ, то еще болѣе въ смыслѣ метафизическомъ эту теорію, чрезъ которую пытается Бюхнеръ объяснить все въ мірѣ единственно изъ одной матеріи и силы, какъ ея свойства, и такимъ образомъ поставить матерію метафизическимъ началомъ и первоосновою всего окружающаго насъ міра явленій, и здравая философія и точная наука естественная должны отвергнуть, какъ совершенную ложь, заблужденіе.

Поставляя атомъ или вообще матерію, какъ метафизическое начало и первооснову для объясненія всѣхъ вещей и явленій міра, Бюхнеръ, очевидно, раздѣляетъ или еще болѣе—усиливается, на ряду со всѣми другими матеріалистами, подтвердить то общераспространенное заблужденіе, что матерія есть вещь наиболѣе для насъ ясная и понятная, есть нѣчто безусловно данное, существующее независимо отъ познанія субъекта, слѣдовательно какъ вещь, говоря философскимъ языкомъ,

въ себѣ, изъясняющаяся сама изъ себя и по себѣ. Бюхнеръ совершенно успокоиваетъ насъ относительно полной справедливости этихъ предположеній, утверждая, что въ окружающемъ насъ мірѣ дѣйствительно существуетъ только *матерія и сила*, какъ ея свойство, что все видимое нами безконечное разнообразіе и неисчерпаемое богатство его явленій—прекрасныхъ формъ, цвѣтовъ, блесковъ, тѣней, съ ихъ безконечными переливами и разнообразною игрой, есть только механическая игра элементарныхъ частицъ или атомовъ этой матеріи, что надобно брать вещи такъ, какъ онѣ существуютъ,—разсматривать ихъ совершенно независимо отъ вмѣшательства какой-нибудь силы, существующей внѣ вещей (1). Словомъ, по Бюхнеру, выходитъ, что нѣтъ ничего дѣйствительнѣе и существеннѣе, нѣтъ ничего яснѣе и понятнѣе для насъ матеріи. Но гдѣ же, спросимъ прежде всего Бюхнера, эта матерія? Пусть онъ укажетъ ее намъ при помощи одного своего принципа познаванія—чувственнаго воспріятія?

Матерія, по общему представленію и представленію самаго Бюхнера, есть всеобщій субстратъ видимыхъ вещей,—то, изъ чего состоятъ вещи, единое, общее всѣмъ имъ; тутъ, скажетъ намъ Бюхнеръ, и должно искать матеріи наше внѣшнее чувство. Но внѣшнія чувства представляютъ намъ матеріальные предметы въ безконечномъ разнообразіи; нѣтъ двухъ предметовъ, совершенно равныхъ между собою. Та или другая разность—въ пространственной ли формѣ или положеніи, или со стороны качественной,—непремѣнно существуетъ между ними. Если мы это безконечное разнообразіе формъ

---

(1) Force et Matière, p. IX, 1—8.

и качественныхъ явленій между вещественными предметами будемъ сводить къ единству, съ цѣлію отыскать въ нихъ общее всѣмъ имъ, ихъ сущность, основу, то этимъ общимъ, по отношенію *къ нашему чувству зрѣнія*, будетъ протяженіе и цвѣтъ. Безъ протяженія и цвѣта мы не можемъ видѣть вещи, и съ другой стороны — различіе ея пространственной формы и цвѣта образуетъ характеристическіе признаки, по которымъ мы различаемъ видимыя вещи. Разломимъ или разрѣжемъ вещь, если мы хотимъ проникнуть далѣе внѣшней ея оболочки, — мы увидимъ что-нибудь новое въ ней, но это новое для нашего глаза опять въ сущности будетъ только или протяженіе, или цвѣтъ. Но что же такое протяженіе и цвѣтъ? Есть ли это вещь въ себѣ или матерія, какъ понимаютъ ее матеріалисты? И протяженіе и цвѣтъ суть только образы явленія вещи нашему внѣшнему чувству — зрѣнію, а отнюдь не есть вещь въ себѣ, и слѣдовательно ни въ томъ, ни другомъ случаѣ мы не видимъ и не можемъ предполагать матеріи, которая, по ученію матеріализма, есть вещь въ себѣ и должна быть по преимуществу вещію, поколику составляетъ основаніе и сущность всѣхъ другихъ вещей. Также безуспѣшно будетъ наше изслѣдованіе о матеріи, какъ вещи въ себѣ, и при помощи другихъ чувствъ. Всѣ онѣ представляютъ намъ вещь только въ ея явленіи, какъ она относится къ нашей чувствительности, а не то, что она есть сама въ себѣ. Мы называемъ вещи кислыми или сладкими, мягкими или твердыми, съ пріятнымъ запахомъ или непріятнымъ и пр., но все это, очевидно, не матерія, какъ вещь въ себѣ, а только ея явленіе. Такимъ образомъ путемъ простаго наблюденія, при помощи внѣшнихъ чувствъ, мы не можемъ дойти

до матеріи, — не можемъ тѣмъ болѣе, что даже въ предѣлахъ обыкновеннаго нашего чувственнаго наблюденія совершается непрерывное движеніе или, по отношенію къ царству органическому, жизненный коловоротъ вещей, т. е. происходитъ постоянное взаимодѣйствіе элементовъ, смѣна однихъ другими. При такомъ положеніи дѣла объекты нашего чувственнаго воспріятія, какъ протяженіе или цвѣтъ для зрѣнія, твердость или жидкость для осязанія, кислота или сладость для вкуса и пр., — становятся, очевидно, еще болѣе условными и относительными, тѣмъ болѣе не могутъ быть выраженіемъ матеріи, какъ вещи въ себѣ; ее нужно искать другимъ путемъ.

Можетъ быть, на помощь нашему чувственному воспріятію явится точная наука-химія, которая, посредствомъ своего анализа, изслѣдуетъ элементы, лежащіе въ самой основѣ явленій, и такимъ образомъ можетъ указать намъ искомую нами матерію, какъ вещь въ себѣ? Въ самомъ дѣлѣ химія путемъ своего анализа достигла, повидимому, до такихъ границъ, гдѣ она должна стать предъ матеріею лицомъ къ лицу; она называетъ намъ извѣстное число матеріальныхъ элементовъ — каковы: кислородъ, азотъ, углеродъ, фосфоръ, сѣра и т. дал., какъ основные элементы матеріи, которые уже не могутъ быть болѣе разложены на простѣйшіе. Тѣмъ не менѣе могутъ ли указать матеріалисты на эти химическіе элементы матеріи и сказать намъ: „вотъ матерія, какъ вещь въ себѣ“! — Могли бы они сказать это, если бы эти основные химическіе элементы матеріи отличались чѣмъ-либо отъ другихъ объектовъ чувственнаго воспріятія, если бы они также не представляли опять чувственному воспріятію только извѣстныхъ формъ явле-

нія матеріи—протяженіе, цвѣтъ, вкусъ и пр., если бы они, однимъ словомъ, представляли намъ нѣчто *единичное* и *основное*, общее всѣмъ имъ и независимое отъ нашей чувствительности, что можно было бы назвать „матеріею“, вещію въ себѣ. Но даетъ ли намъ право на это указаніе химическій анализъ? Нѣтъ. Матерія опять, слѣдовательно, остается неизвѣстнымъ, искомымъ *иксъ*.

Итакъ, гдѣ же матерія? Отыскивая ее путемъ чувственнаго воспріятія, которое, по ученію Бюхнера, воспринимаетъ вещь въ себѣ, мы въ основныхъ химическихъ элементахъ достигли самыхъ границъ точной науки и, какъ нѣкогда говорилъ Лапласъ: „я изслѣдовалъ всюду небо, и нигдѣ не нашелъ слѣда Божія“, — что нисколько неудивительно, такъ какъ великій астрономъ искалъ Бога вовсе не тамъ, гдѣ слѣдовало,—въ настоящемъ случаѣ мы съ полнымъ правомъ можетъ также сказать: мы изслѣдовали всю область чувственныхъ явленій и нигдѣ не нашли матеріи. И это совершенно въ порядкѣ вещей, котораго только матеріалисты не хотятъ знать. Матерія вовсе не есть нѣчто готовое, данное, безусловно существующее въ мірѣ, какъ вещь въ себѣ, а есть, какъ показалъ Шопенгауеръ, только *понятіе*, имѣющее значеніе для разсудка, мыслящаго по закону причинности и для воззрѣнія, пространственно созерцающаго ([1]). Не то хотимъ сказать этимъ, чтобы матерія была въ самомъ дѣлѣ однимъ пустымъ представленіемъ и чтобы въ основаніи вещей не лежало чего-либо независимаго, реальнаго, являющагося въ явленіяхъ, но что это независимое, реальное, являющееся существуетъ, какъ вещь въ себѣ, только для на-

([1]) „Несостоятельность матеріализма“ („Труды кіевской духовной академіи“, 1864 г., іюнь), стр. 198.

шего ума, разумнаго духа, хотя и онъ не можетъ разгадать, что такое это независимое, реальное—матерія, какъ вещь въ себѣ. Такимъ образомъ не духъ предполагаетъ матерію, какъ учитъ Бюхнеръ, и имѣетъ ее, какъ метафизическое начало бытія своего, но матерія, наоборотъ, предпологаетъ духъ и въ немъ и для него только есть вещь въ себѣ ([1]). Можно судить послѣ всего этого, какова твердость матеріалистическаго начала Бюхнера, исходнаго пункта его философствованія. Бюхнеръ воображаетъ, что, поставляя атомъ или вообще матерію съ ея силами, какъ метафизическое начало, онъ имѣетъ дѣло исключительно съ однимъ веществомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не простирается далѣе субъекта, представляющаго матерію, глаза, который видитъ ее, руки, которая ощущаетъ ее, разсудка, который познаетъ ее. Въ этомъ отношеніи Бюхнеръ, какъ и каждый матеріалистъ, похожъ, скажемъ словами Фрауэнштедта, на барона Мюнхгаузена, который, плавая верхомъ на лошади въ водѣ, тянетъ ее вверхъ въ то же самое время, какъ самъ держится за ея шею ([2]). Объяснять вещи изъ матеріи, и притомъ надѣленной силами,—значитъ объяснять ихъ тѣмъ, что существуетъ только для познающаго субъекта и чего нельзя доказать, существуетъ ли оно въ себѣ именно так, какъ мы представляемъ его. Духъ, который матеріализмъ выводитъ изъ объективной природы, есть, напротивъ, основное условіе ея; міръ только для нашего сознанія, для нашего „я“ существуетъ такимъ, какимъ мы его представляемъ. Имѣй человѣчество другую голову — говоритъ Фрауэнштедтъ, съ другими пріемами представленій, тогда

([1]) Kritik des Materialismus, R. Sehelwein, Ss. 21, 26.
([2]) Несостоятельность матеріализма, стр. 206.

перемѣнилось бы и все міросозерцаніе ([1]). Другими словами: смыслъ внѣшнихъ явленій и субстратъ ихъ—матерія съ ея силами могутъ быть разгаданы только изъ отправленій нашего ощущенія и сознанія, только во взаимодѣйствіи ихъ съ разумнымъ духомъ. Можетъ быть нигдѣ философія не противорѣчитъ такъ общему представленію, но въ то же время нигдѣ не имѣетъ за собою и такой безспорной истины, какъ именно при разрѣшеніи этого вопроса, — вопроса объ основаніи и условіяхъ бытія и познанія міра явленій. Совершенно справедливо говоритъ Бюхнеръ, что нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы, но при этомъ онъ забываетъ, что обѣ онѣ, какъ абстракціи отъ дѣйствительнаго порядка вещей, не существуютъ безъ познающаю субъекта, и что посему обѣ суть нѣчто *вторичное* по отношенію къ нему; стало быть Бюхнеръ поступилъ бы гораздо раціональнѣе, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Фрауенштедтъ, еслибы въ смѣломъ положеніи „матерія есть первооснова всякаго бытія“ „*есть*“ перемѣнилъ на „*является*“ ([2]).

Но если, такимъ образомъ, вообще попытка Бюхнера—объяснить матерію единственно самою же матеріею оказывается совершенно несостоятельною предъ судомъ здраваго философствующаго разума, то, частнѣе опредѣляя съ точностію значеніе самой дѣятельности матеріи въ явленіяхъ космической жизни, ни тотъ же опять здравый философствующій разумъ, ни точная наука естественная еще болѣе не могутъ, не выходя изъ предѣловъ благоразумія и осторожности, признать матерію основнымъ метафизическимъ принципомъ для объясне-

---

([1]) Несостоятельность матеріализма, стр. 209.
([2]) Ibid., стр. 208.

нія міра явленій. Что матерія есть нѣчто дѣйствительно существующее, хотя и неизвѣстное въ своей сущности для насъ, и въ происхожденіи, развитіи космическихъ явленій принимаетъ свою долю участія—фактъ, спорить противъ котораго нельзя. Равно неоспоримо и то, что механическій принципъ міровоззрѣнія, на которомъ исключительно утверждается матеріализмъ Бюхнера, въ должныхъ границахъ не лишенъ истины и пригодности во многихъ отношеніяхъ, и ему-то естественныя науки нашего времени, особенно оптика и астрономія, во многомъ обязаны, какъ извѣстно, прекраснѣйшими результатами своихъ изслѣдованій. Отсюда и пресловутая, тривіальная, какъ называетъ самъ Бюхнеръ, аксіома его: „нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы" ничего не говоритъ сама по себѣ ни *за*, ни *противъ* матеріализма. Все зависитъ отъ того: какое значеніе имѣетъ вообще матерія и дѣятельность ея элементовъ для науки въ изслѣдованіи общей космической жизни,—то ли, какое даетъ Бюхнеръ, или иное? Рѣшеніемъ этого вопроса опредѣлятся тѣ границы, далѣе которыхъ простой механизмъ отношеній матеріальныхъ элементовъ, а съ нимъ и все вообще механическое міровоззрѣніе, возводимое Бюхнеромъ въ метафизическій принципъ, не могутъ переходить.

Съ особенною ясностію выдаются два пункта, которыми положительнымъ и неизмѣннымъ образомъ ограничивается кругъ дѣятельности матеріальныхъ элементовъ, и въ предѣлахъ которыхъ они могутъ имѣтъ полное значеніе и приложеніе въ наукѣ и принести ей существенную пользу для ея изслѣдованій. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что какъ бы ни была велика и обширна сфера дѣятельности матеріальныхъ элементовъ

и цѣлыхъ массъ въ причинной связи космическихъ явленій между собою, тѣмъ не менѣе эта дѣятельность ихъ находитъ свои опредѣленныя границы въ томъ, что она никогда не можетъ простираться далѣе и выше *механическихъ отношеній* самихъ же элементовъ и цѣлыхъ массъ между собою. Матеріальные элементы соединяются и раздѣляются взаимно, гдѣ позволяютъ это обстоятельства и вызываютъ на то различныя механическія и физико-химическія силы, или иная высшая разумная сила, вступаютъ во взаимныя отношенія другъ къ другу и пр. но дѣятельности *синтетической*, *организующей*, т. е. совокупляющей частное и обособленное въ одно стройное цѣлое, въ неорганическую и тѣмъ болѣе органическую систему,—такой дѣятельности или силы матерія сама въ себѣ не имѣетъ. И если она иногда, какъ напр. въ кристаллѣ, становится продуктомъ, представляетъ нѣчто систематически-цѣлое, то къ ея механическимъ отношеніямъ непремѣнно привходятъ силы организующія, доселѣ, впрочемъ, неразгаданныя натуралистами ([1]). Точно также мы очень хорошо можемъ понять стройное движеніе нашей солнечной системы, послѣ того какъ уже каждому міровому тѣлу разъ навсегда назначено опредѣленное положеніе въ средѣ другихъ свѣтилъ и направленіе его движенія; но начало, первичное основаніе этой системы небесныхъ свѣтилъ,—системы, основывающейся на строго опредѣленныхъ, математическихъ взаимныхъ отношеніяхъ и связи отдѣльныхъ ея членовъ, никогда никакой здраво и основательно мыслящій астрономъ не сочтетъ возможнымъ возводить къ одной *механической*, *случайной дѣ-*

([1]) Die neueste Vergötterung des Stoffs. A. Weber, S. 9.

ятельности самой матеріи. Однимъ словомъ: принципа органическаго развитія матерія не имѣетъ сама въ себѣ; ея дѣятельность не восходитъ далѣе механизма въ простыхъ и первоначальныхъ его формахъ, но и здѣсь подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ей данъ былъ *толчекъ, движеніе* (1). Матерія есть послушная, но слѣпая раба тамъ, гдѣ ей указанъ путь ея дѣятельности; но чтобы предназначать самой себѣ то или другое направленіе дѣятельности, въ тѣхъ или другихъ формахъ, къ той или другой цѣли, — сдѣлать это для нея абсолютно невозможно. На этомъ пунктѣ механизмъ и организмъ относительно своего происхожденія отличаются рѣшительнымъ образомъ другъ отъ друга.

Второй пунктъ, о которомъ мы упомянули, касается реальности матеріи, т. е. что матерія не есть призракъ или нѣчто, не имѣющее въ себѣ ничего твердаго и постояннаго, но есть *реальность*, постоянно смѣняющая свои формы, но никогда не обманывающая насъ въ своемъ бытіи. Какъ ни простою и ни обыденною можетъ показаться эта истина, тѣмъ не менѣе она составляетъ дѣйствительное, признанное торжество и славу естественной науки нашего времени. Въ этомъ понятіи она нашла какъ-бы ту точку опоры, о которой говорилъ нѣкогда Архимедъ, но не для того, чтобы на ней повернуть всю вселенную, а для того, чтобы стать въ своихъ изслѣдованіяхъ о ней на твердую почву и тѣмъ придать имъ ту математическую точность и вѣрность, которыми она въ наше время справедливо можетъ похвалиться во многихъ отношеніяхъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и приложеніи ихъ на практикѣ. Съ уясненіемъ

(1) Le materialisme contemporain en Allemagne, Paul Janet, pp. 47–48.

этой простой истины, природа, съ ея физической стороны, перестала быть для точнаго натуралиста нашего времени тѣмъ неуловимымъ миѳологическимъ существомъ, какимъ была она нѣкогда для древнихъ, напр. Эмпедокла, или Гераклита, или для средневѣковыхъ алхимиковъ. Для механическаго воззрѣнія на природу матеріальные элементы образуютъ прочный, никогда непогибающій элементъ его вычисленій (¹). Отношенія, комбинаціи, въ какія вступаютъ между собою матеріальные элементы, по разнымъ причинамъ, могутъ подвергаться постоянному измѣненію, но самые элементы, лежащіе въ основѣ этихъ комбинацій, сами въ себѣ неразрушимы, непреходящи. Ни одинъ атомъ того, что однажды въ кругу нашего наблюденія пользовалось дѣйствительностію бытія, никогда не можетъ пропасть изъ совокупности цѣлаго или перестать существовать. На этомъ простомъ положеніи основываются та увѣренность и точность, съ какими въ наше время физика и химія, равно какъ и астрономія, предпринимаютъ и выполняютъ разныя свои вычисленія и прилагаютъ свои теоріи къ опыту, къ практикѣ.

Итакъ, повторяемъ, вотъ два пункта, въ предѣлахъ которыхъ замыкается дѣятельность матеріи и ея значеніе для точной естественной науки. Бюхнеръ, переступая эти предѣлы, впадаетъ въ крайности и увлеченія, которыхъ никогда не можетъ позволить себѣ точная естественная наука. Соглашаясь съ Бюхнеромъ относительно *реальности матеріи*, точный и добросовѣстный естествоиспытатель никогда, конечно, не согласится съ нимъ въ той крайности матеріализма, что будто

(¹) A. Weber, S. 10, 11.

только то и есть дѣйствительно существующее, только то и имѣетъ истинное и дѣйствительное бытіе, что существуетъ именно подъ формами и условіями матеріальными. На взглядъ точнаго естествоиспытателя, то, что мы называемъ матеріею, есть не болѣе, какъ только необходимая форма бытія для опредѣленнаго круга существъ и явленій, составляющихъ видимый нами міръ; она образуетъ только низшую ступень, необходимый фундаментъ, чрезъ которую и на которомъ существа и явленія высшаго порядка получаютъ возможность и способность проявлять свое бытіе и раскрывать свои силы въ этомъ мірѣ явленій. Не потому матерія есть нѣчто существующее, реальное, что она наполняетъ собою пространство и всегда доступна для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ это проповѣдуютъ Бюхнеръ и его братія; напротивъ, она потому и наполняетъ пространство и становится доступною для нашихъ внѣшнихъ чувстъ и такимъ образомъ является какъ нѣчто дѣйствительно существующее, что она образуетъ необходимый членъ цѣлаго, что она въ общей связи вещей и явленій міра составляетъ нѣчто.—Другими словами: условій своей реальности и бытія она не имѣетъ въ самой себѣ; онѣ лежатъ въ общихъ основаніяхъ и условіяхъ, на которыхъ держится и развивается вообще бытіе и жизнь видимаго міра ([1]).—Матеріи вообще, въ ея сущности и, такъ сказать, въ чистомъ видѣ, въ мірѣ, какъ мы уже видѣли, вовсе не существуетъ, а существуютъ только конкретныя вещи съ опредѣленными качествами. Весь міръ матеріальныхъ вещей есть строго упорядоченная система качественныхъ единицъ, которыя связа-

---

([1]) Paul Janet, pp. 76, 77; A. Weber, S. 14, 15.

ны тѣсными взаимными отношеніями, и только при посредствѣ этихъ-то взаимныхъ отношеній возможно для нихъ бытіе и проявленіе ихъ дѣятельности.—И прежде чѣмъ говорить *о матеріальности* видимыхъ вещей, мы должны рѣшить тотъ еще вопросъ: имѣемъ ли мы какія—либо основанія и какія именно-принимать, что онѣ *сами въ себѣ* матеріальны, такъ какъ *причина* всѣхъ явленій въ матеріи и слѣд. проявленія самой матеріи есть *сила* и мы достигаемъ познанія предметовъ внѣшняго міра единственно по ихъ *дѣйствію* на наши чувства, т. е. чрезъ силу. Ничего этого Бюхнеръ не хочетъ знать,—и отъ того-то, утверждая исключительную реальность одной матеріи, онъ опускаетъ всегда при этомъ изъ виду указанную нами форму бытія вещей, забывая, что если гдѣ, то здѣсь-то именно *forma dat rei esse*. Что „нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы,"— эта пресловутая аксіома Бюхнера имѣетъ полное свое приложеніе къ той области изслѣдованій, какая предлежитъ наукѣ естественной и нашему внѣшнему опыту. Но какой же точный и основательный мыслитель сочтетъ возможнымъ измѣрять все неизмѣримое царство бытія этою матеріалистическою мѣркою,—отвергнуть безусловно возможность сверхчувственнаго духовнаго бытія, не имѣющаго нужды принимать на себя видимыя нами, космическія формы бытія? Поразительный примѣръ бытія и отношенія къ намъ сверхчувственнаго, духовнаго мы имѣемъ ежечасно предъ собою: явленія психическія также, конечно, реальны, такъ же фактически существуютъ для насъ, какъ и ближайшія къ нимъ явленія физіологическія, какъ и всѣ вообще явленія видимаго міра; большая часть самыхъ явленій физіологическихъ выступаютъ для насъ въ значеніи чувственна-

го факта, дѣлаются предметомъ внутренняго и внѣшняго опыта, эксперимента, именно потому, что онѣ являются въ тѣсной связи съ фактами жизни психической,—съ ними вмѣстѣ входятъ въ область нашего сознанія и представленія; отвергать это не можетъ самый фанатичный матеріалистъ.—И не смотря, между тѣмъ, на такую несомнѣнную реальность этихъ явленій, какое же изъ внѣшнихъ чувствъ, хотя бы и вооруженное самыми сильными инструментами, можетъ заявить намъ о бытіи той или другой мысли, того или другаго чувства лица, бесѣдующаго, наприм. съ нами, коль скоро самъ собесѣдникъ не выразитъ ихъ словомъ или другими знаками? Послѣдовательный матеріалистъ долженъ былъ бы отвергнуть реальность этихъ явленій, потому что они дѣйствительно для его чувствъ не существуютъ, ни въ какой матеріальной формѣ не являются. И сами же матеріалисты, наряду со всѣми точными естествоиспытателями, признаютъ же бытіе матеріи, такъ называемой *невѣсомой*—свѣта, электричества, магнетизма,—хотя она, по своей космической формѣ бытія, совершенно не можетъ быть поставлена на одну линію съ тѣмъ, что мы называемъ собственно матеріею въ окружающей насъ природѣ. Почему же матеріализмъ не хочетъ допустить, что есть еще высшій, совершеннѣйшій міръ существъ и явленій, не похожій, по своимъ формамъ и законамъ бытія, и на эту невѣсомую матерію, или даже стоящій выше, внѣ всякой зависимости отъ всѣхъ вообще космическихъ формъ бытія, ограниченныхъ временемъ и пространствомъ? Потому ли, что этотъ міръ не подлежитъ наблюденію нашихъ внѣшнихъ чувствъ и эксперимента? Но поставлять исключительно наши внѣшнія чувства критеріемъ реаль-

ности всего существующаго въ окружающей насъ вселенной—такая крайность, которая нарушаетъ всѣ требованія и опыта и здравой логики. Чувства наши, какъ очень хорошо знаетъ всякій, доставляютъ намъ свидѣтельство о бытіи и дѣятельности только того, что имѣетъ ту или другую пространственную форму или, по крайней мѣрѣ, совершаетъ пространственный путь въ своемъ движеніи, и мы не имѣемъ никакого органа для воспріятія и наблюденія того, что не связано съ этою формою явленій. Но даже и изъ этой области явленій огромная часть недоступны нашему непосредственному воспріятію и наблюденію,—каковы, наприм., всѣ явленія физіологическія, совершающіяся внутри живаго организма. Если такъ ограниченъ кругъ наблюденія въ видимомъ мірѣ для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, то какое же право имѣемъ мы ограничивать и измѣрять объемомъ нашихъ чувствъ все царство бытія?—

Но если, такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ изложеннымъ нами соображеніямъ, мы никакъ не можемъ признать истиннымъ и сколько нибудь основательнымъ основной догматъ матеріализма, что только то, что, является въ какой нибудь матеріальной формѣ, есть дѣйствительное, единственно и исключительно реально-существующее, то, само собою разумѣется, мы никакъ не можемъ признать и опирающагося на немъ заключенія, что все существующее, всякое бытіе и явленіе есть только функція матеріальныхъ элементовъ, одного механическаго взаимодѣйствія ихъ, — признать въ той всеобщности и безусловности, въ какихъ признаетъ это Бюхнеръ и вообще матеріалисты. Что составляетъ законъ для ограниченнаго, подлежащаго нашему внѣшнему опыту и чувствамъ, круга явленій, того еще да-

леко нельзя возводить въ принципъ для всего міра явленій. — Бюхнеръ, поставляя такой принципъ для всего міровоззрѣнія, опять, очевидно, переступаетъ тѣ границы, которыми ограничена *дѣятельность матеріи* и въ предѣлахъ которыхъ она и можетъ имѣть значеніе для точной естественной науки. Окружающій насъ міръ, какъ онъ предлежитъ наблюденію самой же естественной науки, вовсе не столь бѣденъ и ограниченъ по своему содержанію, чтобы это содержаніе можно было свести исключительно къ принципу одного механическаго движенія матеріи, ея элементовъ. Если мы подвергнемъ дѣйствительное содержаніе космоса сколько нибудь безпристрастному испытанію и внимательному анализу, то мы увидимъ на первомъ же шагу, что въ немъ соединяются весьма разнородныя космическія системы, — увидимъ, что каждая изъ нихъ состоитъ подъ управленіемъ и развивается въ кругу своихъ спеціальныхъ условій и причинъ, которыми онѣ положительно отличаются одна отъ другой, и по которымъ причины и условія бытія одной не могутъ быть измѣряемы подобными основаніями другой. Такъ отношенія массъ одной къ другой или законъ тяготѣнія, на которомъ основывается наша планетная система, составляетъ, конечно, существенно отличный родъ причинныхъ отношеній отъ того, какой мы признаемъ, какъ внутреннее взаимное средство различныхъ элементовъ, въ химическомъ процессѣ. Иной родъ причинъ управляетъ, такъ называемыми, тѣлами невѣсомыми, какъ во взаимномъ отношеніи ихъ элементовъ, такъ и въ отношеніи ихъ къ другимъ тѣламъ, и которыя физика, какъ извѣстно, излагаетъ то подъ образомъ *вибрацій*, то подъ образомъ *токовъ*. Существенно, въ

свою очередь, отличный отъ чисто механическаго и химическаго принципа причинныхъ отношенiй, который составляетъ заправляющую силу въ природѣ неорганической, тотъ рядъ причинъ и условiй, который преобладаетъ въ органическомъ творенiи. Этотъ отличительный характеръ органическаго состоитъ не въ томъ только, что химизмъ многихъ матерiальныхъ элементовъ здѣсь принимаетъ совершенно иной видъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, но главнымъ образомъ въ томъ, что эти элементы, въ своемъ соединенiи, располагаются по опредѣленному типу, въ которомъ выражаются характеристическiя отличiя родовъ и видовъ животнаго и растительнаго царства. Въ частности, въ организмахъ высшихъ мы замѣчаемъ различныя системы съ различнымъ физiологическимъ характеромъ, изъ которыхъ каждая опять предполагаетъ для себя специфическую связь причинъ и отношенiй своихъ составныхъ элементовъ между собою и въ отношенiи къ другимъ системамъ: иной рядъ причинъ развивается наприм. въ нервахъ, чѣмъ въ мускулахъ, или въ железахъ, и вообще въ растительныхъ образованiяхъ. Наконецъ, на высшей ступени бытiя, въ жизни духа человѣческаго, — въ ассоцiацiи его представленiй, въ сознанiи и самоопредѣленiи его къ дѣйствiю по чисто нравственнымъ мотивамъ и принципамъ, природа показываетъ намъ совершенно особенный, исключительный видъ причинныхъ отношенiй, которому аналогiи мы не находимъ нигдѣ въ окружающемъ насъ мiрѣ. Если только можно назвать жизнь психическую механизмомъ, то уже механизмомъ совершенно своеобразнымъ, части котораго вовсе не похожи на части физическаго механизма; для душевныхъ движенiй, если можно

такъ назвать психическія явленія, не имѣютъ никакого значенія ни законъ уменьшенія силы сообразно квадратамъ разстоянія, ни законы химическаго сродства, ни законы вибрацій и проч.; все въ этихъ явленіяхъ, сообразно самой природѣ ихъ, основывается на качественныхъ отношеніяхъ и развивается по чисто качественнымъ, нравственнымъ причинамъ — такимъ, которые доступны и понятны только разумному духу. — Такъ обширна и разнообразна, по своему характеру, и по своимъ основаніямъ и условіямъ, жизнь окружающаго насъ міра!

Послѣ всего этого, съ точки зрѣнія подобнаго внимательнаго и безпристрастнаго анализа всего богатаго содержанія міровой жизни, не должно ли показаться чудовищною односторонностію стремленіе Бюхнера — возвести все это содержаніе къ принципу одного механическаго отношенія матеріальныхъ элементовъ,—механизмъ матеріи поставить послѣднимъ метафизическимъ началомъ для изъясненія всѣхъ проблеммъ, какія представляетъ намъ жизнь міра вообще и психическая жизнь человѣка въ частности? Бюхнеръ, очевидно, раздѣляетъ въ этомъ случаѣ общее увлеченіе матеріализма — привести все обширное и разнообразное содержаніе міровыхъ явленій, съ ихъ законами и условіями, къ строгому *единству*, — уничтожить такимъ образомъ дуалистическую противоположность между Богомъ и міромъ, духомъ и матеріею, и уничтожить,—это самый больной пунктъ матеріализма, въ которомъ концентрируются всѣ его стремленія къ *единству*,—раздѣленіе между душею и тѣломъ. Но онъ раздѣляетъ при этомъ также и общее заблужденіе своихъ собратовъ по убѣжденіямъ, будто это единство міровой жизни состоитъ именно въ

матеріальныхъ элементахъ и ихъ механическомъ взаимодѣйствіи. Впрочемъ нигдѣ больше, какъ здѣсь, и не можетъ искать Бюхнеръ этого единства въ мірѣ, необходимости котораго онъ не можетъ не сознавать, потому что истинное-то единство — *разумный планъ* міровой жизни онъ отвергаетъ. Между тѣмъ, только полнѣйшее незнаніе міра и міровыхъ явленій, скажемъ словами Лётце, можетъ поставлять желаемое единство міра въ его матеріальныхъ элементахъ и взаимодѣйствіи ихъ, гдѣ, напротивъ, вся жизнь происходитъ именно только изъ разнообразныхъ и противоположныхъ дѣятельностей; это значитъ — подъ предлогомъ единства вводить печальную монотонію бытія (1). Согласиться на такое единство точная наука естественная не можетъ ни въ какомъ случаѣ; это значило бы для нея совершенно отказаться отъ самаго достоинства науки, особенно естественной, успѣшная тактика которой основывается именно на этомъ началѣ: divide et impera. Повторяемъ: механическая точка зрѣнія на природу, въ должныхъ предѣлахъ, не лишена, безъ сомнѣнія, истины во многихъ отношеніяхъ, — и ей-то естественныя науки во многомъ обязаны прекраснѣйшими результатами своихъ изслѣдованій. Наука особенно не можетъ не раздѣлять ея руководительной идеи — привести всѣ явленія природы, какъ бы ни было велико ихъ различіе между собою, къ относительному порядку, къ количественной и качественной опредѣленности, въ какой эти явленія стоятъ въ отношеніи другъ къ другу, такъ какъ ни одна вещь въ мірѣ не существуетъ собственно сама по себѣ и для себя, но находитъ воспол-

(1) Medicinische Psychologie, Dr. R. H. Lötze, S. 23.

ненiе своей сущности и своей жизни въ другой или вообще въ цѣломъ. Но возможно ли, если бы мы исключительно ограничились механическою точкою зрѣнiя на весь мiръ явленiй, получить всю истину, какой мы ищемъ, разрѣшить съ помощiю ея всѣ предлежащiя намъ въ природѣ проблеммы органической и особенно психической жизни — на этотъ вопросъ точная наука естественная даетъ безусловный отрицательный отвѣтъ (1).

Въ нашемъ доселѣшнемъ разборѣ основнаго принципа матерiалистической системы Бюхнера остается еще весьма замѣтный для каждаго и весьма важный пробѣлъ, пройти который безъ вниманiя—значило бы оставить начатое дѣло на половинѣ или, по крайней мѣрѣ, лишить себя одной изъ существеннѣйшихъ точекъ опоры въ дальнѣйшемъ разборѣ самой системы Бюхнера: разумѣемъ вопросъ о *силѣ* и *ея отношенiи къ матерiи*. Само собою понятно, что говоря доселѣ о матерiи, какъ метафизическомъ принципѣ матерiализма Бюхнера, мы уже разумѣли implicite и силу, потому что нѣтъ и не можетъ быть матерiи безъ силы. Выставляя теперь вопросъ о силѣ и ея отношенiи къ матерiи на видъ, мы хотимъ этимъ выставить для разбора собственное и особенное ученiе Бюхнера объ этомъ предметѣ,—ученiе, въ которомъ онъ полагаетъ, какъ извѣстно, краеугольный камень, какъ въ основанiе всего вообще своего матерiалистическаго мiровоззрѣнiя, такъ въ особенности для своихъ матерiалистическихъ выводовъ по отношенiю къ вопросу о душѣ человѣка. Сила, по ученiю Бюхнера, есть *свойство* матерiи или ея атомовъ, — свойство отъ

(1) Die neuere Vergötterung des Stoffs, A. Weber, SS. 17—22, 78—79.

вѣчности ей присущее и никогда и ни въ какомъ случаѣ неотдѣлимое отъ нея (¹). Почему же это? Потому,—отвѣчаетъ Бюхнеръ,—что нѣтъ силы безъ матеріи, какъ нѣтъ матеріи безъ силы; онѣ восполняютъ себя взаимно и предполагаютъ одна другую; отдѣленныя одна отъ другой, онѣ теряютъ свою реальность и становятся пустымъ, отвлеченнымъ понятіемъ; матерія не есть колесница, къ которой можно припрягать и отъ которой можно отпрягать коня—силу (²)". Вотъ всѣ существенныя доказательства и основанія пресловутой аксіомы Бюхнера, рѣшающей все для него и въ небѣ и на землѣ! Каково же достоинство этой аксіомы, и какова прочность ея основаній?

Называя силу свойствомъ матеріи и доказывая это всегдашнею нераздѣльностію ея съ матеріею, по которой одна безъ другой даже не мыслима, Бюхнеръ, какъ легко замѣтитъ каждый, становится въ этомъ случаѣ въ неисходный, заколдованный кругъ, дѣлаетъ тождесловіе, всегда близкое къ пустословію. Спросите Бюхнера, почему онъ называетъ силу свойствомъ матеріи? Потому что она,—отвѣчаетъ онъ самъ, — нераздѣльна съ нею, отъ вѣчности присуща ей. Но почему же сила не отдѣлима отъ матеріи и не мыслима безъ нея? Потому что она есть свойство ея—таковъ долженъ быть отвѣтъ. Тутъ у Бюхнера, въ постановкѣ его положенія и развитіи доказательствъ этого положенія, оказывается, очевидно, тотъ существенный недостатокъ, который называется на языкѣ логики petitio principii. Бюхнеръ утверждаетъ капитальный догматъ своей матеріалистической системы, не потрудившись пріискать для

(¹) Force et Matière, pp. 1—4; Natur und Geist, SS. 45, 48 и др.
(²) Force et Matière, pp. 1—4; Natur und Geist, SS. 45—75.

него никакихъ метафизическихъ, ни даже дѣльныхъ физическихъ основаній, ни опредѣлить съ точностію какъ смысла этихъ отнований, такъ и объоснованнаго на нихъ догмата. Бюхнеръ не дѣлаетъ этого,—и это весьма понятно. Ни метафизика, ни основанная на ней физика отнюдь не стоятъ на сторонѣ Бюхнера въ этомъ случаѣ.

Метафизика говоритъ намъ, что въ области матеріалистическаго міровоззрѣнія, утверждающагося исключительно на одномъ внѣшнемъ, чувственномъ воспріятіи, никогда не можетъ быть даже и рѣчи о силѣ, и тѣмъ болѣе о силѣ, какъ свойствѣ матеріи. Матеріализмъ, хвастающій пониманіемъ матеріи, не можетъ, какъ мы видѣли, доказать намъ и самаго существованія матеріи. Матеріи, какъ вещи въ себѣ, для него не существуетъ, а существуютъ только явленія ея, — и притомъ явленія, которыя развиваются на почвѣ нашей чувствительности, но подлинная натура которыхъ намъ неизвѣстна. Какимъ же образомъ Бюхнеръ, защитникъ матеріализма, можетъ послѣ сего трактовать о силѣ, какъ свойствѣ матеріи,—о свойствѣ чего-то неизвѣстнаго для него? Называя силу свойствомъ матеріи, Бюхнеръ дѣлаетъ, очевидно, въ этомъ случаѣ такъ называмое contradctio in adjecto т. е. придаетъ силы и дѣятельность тому, что составляетъ для него совершенно неизвѣстное X, совершенно недоступное ни для его воспріятія, ни для его опредѣленія,—о чемъ, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи. Строго вѣрный своимъ началамъ, матеріализмъ не можетъ даже имѣть никакихъ разсужденій о самыхъ свойствахъ чего бы-то ни было, но только о формахъ явленія, потому что свойства не являются, не подлежатъ нашему чувственному

воспріятію; ему подлежатъ только замѣчаемыя нами тѣ или другія внѣшнія перемѣны въ тѣлахъ, происходящія въ нихъ подъ вліяніемъ силъ. Такъ понимаетъ это, повидимому, и самъ Бюхнеръ: „о существованіи силы ничто другое, — говоритъ онъ,—не можетъ дать намъ знать, кромѣ измѣненій, какія мы чувственно воспринимаемъ въ матеріи, и которыя мы, обобщая по замѣчаемому въ нихъ сходству подъ однимъ опредѣленнымъ именемъ, называемъ словомъ „сила" ([1]). Основаніе для заключенія о бытіи силъ Бюхнеръ полагаетъ вѣрное, но въ самомъ опредѣленіи силы онъ впадаетъ уже въ заблужденіе, изъ котораго становится отчасти понятнымъ и то, почему называетъ онъ силу свойствомъ матеріи. Кто же логически разсуждающій, назоветъ силами измѣненія, являющіяся въ тѣлахъ? Безъ всякаго сомнѣнія, силами могутъ быть названы только *причины* этихъ измѣненій. Что же такое сила? Сила, какъ и матерія, существуетъ, какъ вещь въ себѣ, только для познающаго и мыслящаго субъекта; она есть только объективно — мыслимый нами законъ причинности, поколику мы къ перемѣнамъ, нами ощущаемымъ или замѣчаемымъ, ищемъ причины ихъ производящей,—и эту причину возводимъ на степень силы ([2]). Мы необходимо представляемъ себѣ силу въ матеріи, потому что видимъ постоянно вещи дѣйствующими и измѣняющимися,—дѣйствующими нерѣдко въ противоположномъ направленіи нашимъ силамъ, какъ ихъ ограниченіе, и полагаемъ причины этой дѣятельности и перемѣнъ ихъ

([1]) Force et Matière, p. 4.

([2]) Kritik des Materialismus, R. Schellubien, SS. 22—26; „Несостоятельность матеріализма" („Труды кіевской духовной академіи", іюнь, 1864 г.), стр. 203.

внѣ себя, въ самой вещи. Отсюда становится понятнымъ и то, какъ надобно отвѣчать на вопросъ объ отношеніи матеріи и силы: можно ли, дѣйствительно, назвать силы самостоятельными свойствами матеріи, какъ называетъ Бюхнеръ? Самостоятельность свойствъ матеріи предполагаетъ напередъ самостоятельность самой матеріи; такъ это, какъ извѣстно, и дѣлаетъ Бюхнеръ, разсматривая вещество, какъ самобытный субстратъ силъ. Но матеріи, какъ вещи въ себѣ, въ мірѣ мы вовсе не видимъ и не знаемъ: она есть нѣчто совершенно неизвѣстное въ своей сущности, существующее, какъ вещь въ себѣ, только для нашего мыслящаго и пространственно—созерцающаго ума; посему и силы, приписываемыя нами матеріи, выражаютъ только отношенія этой недовѣдомой для насъ сущности къ нашему уму, судящему о вещахъ по закону причинности и существуютъ только для нашего ума, какъ свѣтъ существуетъ только для глаза, звукъ для уха, запахъ для обонянія и проч. ([1]). Существуютъ ли эти силы самобытно, въ самой матеріи, какъ ея неотъемлемыя свойства, и въ такомъ ли именно видѣ и количествѣ, въ какомъ мы принимаемъ ихъ,—этого не докажетъ намъ ни одинъ физикъ, какъ и метафизикъ. Извѣстно, что настойчивое, глубже проникающее изученіе природы все болѣе и болѣе упрощаетъ понятіе о такъ называемыхъ силахъ природы, доказывая, что эти будто-бы самостоятельныя силы или вещественныя свойства суть только видоизмѣненія единой, высшей основной причины или силы. Такъ, напр., различныя невѣсомыя: свѣтъ, теплота, электричество, магнетизмъ, галванизмъ и проч.

([1]) „Несостоятельность матеріализма", стр. 203—204.

оказываются, математически достовѣрно, видоизмѣненіями одного и того же закона эфирныхъ колебаній. Съ другой стороны, и этотъ законъ, вмѣстѣ съ тяготѣніемъ, сцѣпленіемъ, химизмомъ и всѣми законами физики, подчиняется одной высшей причинѣ бытія (¹). Мы выставляемъ на видъ этотъ фактъ, чтобы показать, до какой степени *условно* бытіе такъ называемыхъ нами силъ матеріи,—условно именно потому, что онѣ суть только *предикаты*, придаваемыя нами матеріи, поколику мы наблюдаемъ разныя явленія и ищемъ причины для нихъ, и которыя, естественно, могутъ быть нами измѣняемы, или замѣняемы однѣ другими, смотря потому какъ мы относимся къ этимъ явленіямъ,—на сколько ясно и основательно понимаемъ ихъ въ разное время. Отсюда мы должны сдѣлать тотъ существенно—важный для насъ въ разборѣ матеріализма Бюхнера выводъ, что не изъ матеріи и силы, какъ ея свойства, нужно выводить и объяснять *бытіе духа и его силъ*, а на оборотъ, потому что матерія и сила только во взаимодѣйствіи съ духомъ являются намъ таковыми по своему бытію и отношеніямъ, какими мы знаемъ ихъ въ нашихъ опытахъ.

Такъ рѣшаетъ вопросъ о силѣ и ея отношеніи къ матеріи философія, поколику она разсматриваетъ ихъ какъ предметъ нашего познанія и изслѣдуетъ метафизическія основанія бытія той и другой. Но сила, какъ и матерія, не есть одно представленіе ума, не имѣющее ничего соотвѣтствующаго себѣ въ дѣйствительности. Силы существуютъ и дѣйствуютъ въ окружающей насъ природѣ. И для физики, конечно, какъ и для метафи-

(¹) Du materialisme au point de vue naturelle et... A. Böhner, pp. 355—370, 378, 379, 381 и друг.

зики, матерія и сила, въ своей сущности, непостижимы; тѣмъ не менѣе и первая, какъ и послѣдняя, должна установить для себя опредѣленныя понятія о нихъ, особенно физика, если она хочетъ, чтобы выводы ея и разныя теоріи имѣли подъ собою твердую почву. Что же такое сила для точнаго и наблюдающаго физика? Какъ онъ долженъ рѣшить, на основаніи своихъ точныхъ опытовъ, вопросъ объ отношеніи матеріи и силы? Внѣшняя природа представляетъ всюду точному наблюдателю нераздѣльность матеріи и силы: гдѣ есть матерія, въ той или другой формѣ, тамъ есть непремѣнно и силы; и даже тамъ, гдѣ простой, непросвѣщенный взглядъ не видитъ ничего, кромѣ одного грубаго и мертваго вещества, новѣйшая наука открываетъ существованіе живыхъ дѣятельныхъ силъ: разумѣемъ міръ инфузорій. Аксіома Бюхнера: „нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы", какъ фактъ наблюденія, имѣетъ свое неоспоримое значеніе аксіомы. Говоримъ, какъ *фактъ*: но какой же смыслъ имѣетъ этотъ фактъ для точнаго натуралиста—тотъ ли, что сила есть, какъ говоритъ Бюхнеръ, свойство матеріи? Выводя такое заключеніе изъ существующаго факта, Бюхнеръ, очевидно, говоритъ въ заключеніи то, чего нѣтъ въ самомъ основаніи, или, по крайней мѣрѣ, говоритъ болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ основаніе. Замѣчая тѣсную неразрывную связь между матеріей и силой, точная наука выводитъ отсюда, какъ и слѣдуетъ, только то, что онѣ соединены между собою такъ, что одна безъ другой быть не можетъ, что матерія не есть колесница, къ которой можно припрягать и отъ которой можно отпрягать коня — силу (слова Дюбуа-Реймонда.) И во всякомъ случаѣ признаніемъ взаимной нераздѣльности матеріи и силы нисколько не

рѣшается вопросъ о томъ, сила или матерія служитъ основою, носителемъ и „существуетъ для себя." Если же Бюхнеръ позволяетъ себѣ, на этомъ основаніи, назвать силу свойствомъ матеріи, то съ такимъ же или даже еще и большимъ правомъ, какъ справедливо замѣчаетъ у Бюхнера Вильгельмъ, въ бесѣдѣ съ Августомъ объ этомъ предметѣ, можно сказать на томъ же основаніи, что матерія есть только форма или свойство силы (¹). Такое именно заключеніе и выводятъ, дѣйствительно, изъ этого основанія динамисты, доказывая, что сама матерія въ своей сущности, есть не что иное, какъ только проявленіе силъ, безъ которыхъ вещество не могло бы и быть тѣмъ, чѣмъ есть, что мы и воспринимаемъ въ своихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ не матерію, а силы, дѣйствующія въ матеріи (²). И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ будетъ, напримѣръ, капля воды, если уничтожить въ ней силу сцѣпленія, которая соединяетъ въ одно цѣлое безчисленное множество ея составныхъ частицъ? Чѣмъ будетъ она, если уничтожить химическое сродство, безъ котораго она разложится на два газообразныя вещества, а эти послѣднія, можетъ быть, разложатся еще на какія нибудь другія составныя начала, хотя теперь они и причисляются пока къ простымъ тѣламъ? Съ химическимъ же сродствомъ имѣетъ тѣсную связь электричество, съ электричествомъ—магнетизмъ. Чѣмъ будетъ она, если уничтожить силу теплотворную, которая

(¹) Natur und Geist, SS. 46, 75.

(²) „Христіанское Чтеніе" 1861 г., мартъ. „Взглядъ на ученіе современной геологіи о происхожденіи міра и будущей его судьбѣ при свѣтѣ Божественнаго откровенія", Н. Г., стр. 193, 194; Ueber die Wahrnehmung und das aus ihr sich ergebende Verhältniss von Kraft und Stoff, Dr. M. Droscbach, SS. 51, 61, 62 (Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, I. H. Fichte, 1864, Bd. 1).

то приводитъ ее въ твердое состоянiе, то даетъ ей видъ жидкости, то обращаетъ ее въ пары? А съ теплотворомъ въ самомъ близкомъ родствѣ свѣтъ. Такимъ образомъ въ одной каплѣ воды заключаются всѣ извѣстныя намъ силы природы.—Возмемъ какое угодно другое вещество,—и въ немъ подобнымъ образомъ мы откроемъ всѣ силы природы, хотя нѣкоторыя иногда, по обстоятельствамъ, и не обнаруживаются, какъ напримѣръ, сила сцѣпленiя въ газообразныхъ тѣлахъ, изъ которыхъ многiя, однакожъ обнаруживаютъ ее со всею очевидностiю, бывъ обращены въ жидкости, или въ твердыя тѣла. На основанiи такихъ фактовъ чѣмъ будетъ поспѣшно или неосновательно заключенiе—сказать не только то, что безъ силъ не можетъ быть и вещества, какъ это и говоритъ Бюхнеръ, но и то, что вещество есть только *форма, свойство* бытiя и дѣятельности самыхъ силъ? Такой положительный выводъ относительно силы мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать тѣмъ болѣе, что тогда какъ матерiя, если уничтожить въ ней силы, тотчасъ, по собственному сознанiю Бюхнера ([1]), превращается въ ничто, совершенно теряя бытiе свое, сила, напротивъ всегда можетъ быть представлена нами, какъ *нѣчто* существующее и безъ матерiи, только не можетъ быть представлена въ *дѣятельности* безъ опредѣленнаго субстрата, на основанiи котораго, какъ точкѣ своей опоры, и въ предѣлахъ котораго она могла бы развивать свою дѣятельность. Таковъ истинный смыслъ аксiомы Бюхнера: „нѣтъ силы безъ матерiи;“ и только такимъ образомъ понимаемая, эта аксiома имѣетъ смыслъ. Въ такомъ именно смыслѣ пытается рѣшить и современная

([1]) Force et Matière, p. 4.

наука неразрѣшимый для нея вопросъ объ отношеніи матеріи и силы. Вопросъ этотъ для нея неразрѣшимъ съ точностію, потому что она въ совершенномъ невѣденіи остается доселѣ относительно существеннаго пункта этого вопроса: что такое матерія? Всѣ дѣлаемыя ею опредѣленія матеріи или сливаются съ понятіемъ силы, или уже напередъ необходимо предполагаютъ бытіе силы для бытія матеріи, какъ вещи въ себѣ (1). И это совершенно понятно, если не для физика, то для психолога. Матерія была бы совершенное *ничто*, для насъ по крайней мѣрѣ совершенно не существовала бы, если бы она не обнаруживала для насъ своего бытія какъ-нибудь или чѣмъ-нибудь, посредственно или непосредственно. Но это обнаруженіе ея для насъ возможно для нея только чрезъ воздѣйствіе на насъ, слѣдовательно чрезъ силу: матерія для насъ есть только *сила* или выраженіе силы (2). Въ такомъ именно видѣ рѣшается вопросъ объ отношеніи матеріи и силы и лучшими представителями современной науки,—а именно: матерія, какъ vis inertiae, служитъ выраженіемъ или проявленіемъ силы, которая находитъ въ ней только опредѣленное ограниченіе своей дѣятельности и опредѣленную форму явленія. (3) Отсюда положеніе Бюхнера: нѣтъ силы безъ матеріи—значитъ, что сила не есть что-то *общее, безразличное, разлитое во всемъ* мірѣ, но что она ограничена въ своемъ бытіи и дѣятельности извѣстнымъ пространствомъ и видимою, осязательною формою. При такомъ пониманіи отношенія матеріи и силы сами собою рушатся и всѣ тѣ выводы, какія дѣлаетъ Бюх-

---

(1) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, SS. 16, 350—357.
(2) Drossbach a. a. o. SS. 51, 62.
(3) Ulrici, a. a. o. S. 28—30 и дал.

неръ, разсматривая матерію, какъ самобытный субстратъ силъ, раскрывающій ихъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и при разнообразіи сочетанія своихъ элементовъ. Бюхнеръ выводитъ отсюда, что нѣтъ и не можетъ быть Бога, какъ безконечнаго Духа или Творческой Силы, что нѣтъ также и души человѣческой, какъ самостоятельной субстанціи,—нѣтъ ихъ, потому что нѣтъ силы безъ матеріи, потому что сила есть свойство матеріи. Но матерія, какъ мы видѣли, не есть вообще источникъ силъ, хотя бы то и неорганическихъ, а есть только *форма, проявленіе* ихъ. Утверждаясь на одномъ этомъ основаніи, какой же мыслитель, логически разсуждающій, можетъ придти къ заключенію, что вообще никакая сила, хотя бы-то духовная, существующая какъ лицо, субстанція, не можетъ существовать безъ матеріи? Что составляетъ форму бытія и дѣятельности для одного рода существъ и явленій, то для другаго можетъ быть совершенно и излишнимъ. Форма, по собственной же философіи Бюхнера, не составляетъ сущности вещи: не форма даетъ бытіе и опредѣляетъ сущность вещи, а на оборотъ—существо вещи опредѣляетъ форму ея бытія.

Этимъ мы заключаемъ разборъ основнаго принципа матеріалистической системы Бюхнера — его ученія и матеріи и силѣ какъ послѣднемъ основаніи всякаго бытія. Мы видѣли, что ни здраво-философствующій разумъ ни точная наука никогда не могутъ принять такого принципа для своего міровоззрѣнія и для своихъ изслѣдованій: это значило бы для нихъ—закрыть для себя навсегда и всѣ пути къ изысканію истины, какъ закрылъ для себя и Бюхнеръ. Доказательства этого у Бюхнера мы сейчасъ увидимъ лицемъ къ лицу.

II.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю (1): таковы первыя слова Божественнаго откровенія человѣку. Бюхнеръ безусловно отказывается вѣрить этому откровенному ученію о Божественномъ твореніи міра. Понятіе „творенія“ есть совершенно не мыслимое для него понятіе. Слово „твореніе“ я считаю — говоритъ Бюхнеръ,—за совершенно не употребимое ни въ естественной наукѣ, ни въ эмпирической философіи,—за такое, которое никогда не возникло бы изъ нѣдръ самой естественной науки и которое получило въ ней права гражданства искуственнымъ образомъ, вслѣдствіе только теологическихъ, по мимо научныхъ, интересовъ (2). Какія же основанія даютъ Бюхнеру такое неограниченное право совершенно отвергать и самую возможность творенія?

„Въ природѣ,—говоритъ Бюхнеръ,—нѣтъ ничего сотвореннаго, но есть только являющееся, и естествоиспытателю нигдѣ не удалось доселѣ встрѣтить явленіе, бытіе котораго съ необходимостію предполагало бы непосредственный творчекій принципъ. Изъ ничего не бываетъ ничего. Никогда и никакимъ образомъ ни одинъ атомъ не можетъ быть сотворенъ вновь или перестать существовать; можно измѣнять только однѣ комбинаціи. Какъ же возможно сотворить то, что не можетъ быть уничтожено? Матерія существовала отъ вѣчности, есть и будетъ вѣчна; она измѣняетъ только

(1) Быт. I. 1.
(2) Natur und Geist, S 209.

свои формы (¹). Вотъ тѣ существенныя основанія, по которымъ Бюхнеръ не хочетъ и не можетъ признать возможности творенія! Что же,—ужели на подобныхъ основаніяхъ можно серьёзно отвергать возможность творенія?

Нѣтъ творенія,—потому что никто, никогда и нигдѣ не видѣлъ его: но ужели, въ самомъ дѣлѣ, какой—нибудь натуралистъ, не потерявшій здраваго ума, можетъ серьёзно поставить себѣ задачу—подмѣтить, когда-нибудь и гдѣ-нибудь, непосредственный Божескій актъ творенія? Подобными намѣреніями могутъ задаваться только матеріалисты, всюду переступающіе предѣлы точной науки. И можетъ ли служить основаніемъ—отвергать самую возможность творенія—то, что мы никогда не видимъ слѣдовъ непосредственнаго творенія? Тоже Божественное откровеніе, которое раскрываетъ намъ исторію творенія міра, указываетъ ясно и положительно и тотъ предѣлъ, гдѣ оно окончилось: *и совершишася небо и земля и все украшеніе ихъ. И соверши Богъ въ день шестый дѣла своя, яже сотвори: и почи въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори. И благослови Богъ день седьмый, и освяти его: яко въ той почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже начатъ Богъ творити* (Быт. 2, 1—3).

Что „изъ ничего не бываетъ ничего"—*это совершенно справедливо* по законамъ природы, которая мыслится,какъ жизнь, ограничиваемая закономъ причинности. Но доказываетъ ли этимъ Бюхнеръ, что и Божественное Всемогущество не можетъ ничего сотворить? Если мы не можемъ себѣ представить, какъ нѣчто, что преж-

---

(¹) Natur und Geist, SS. 209—242; Force et Matière, p. 42.

де не существовало, начинаетъ существовать, какъ произошла матерія, которой прежде не было, то это еще отнюдь не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы и на самомъ дѣлѣ было невозможно твореніе изъ ничего; потому сила или слабость нашего духа, наше знаніе или незнаніе еще не могутъ быть мѣрою возможнаго и дѣйствительнаго. Правда, дѣло творенія есть дѣло неизмѣримо великое и непостижимо-высокое: но развѣ мы приписываемъ его какому-нибудь ограниченному существу? Творецъ неба и земли, учитъ насъ Божественное Откровеніе, есть Всемогущій Богъ, безконечная премудрость и сила, для Котораго твореніе не было ни дѣломъ невозможнымъ, ни чрезмѣрно—великимъ и превышающимъ Его совершенства. Достаточно было одного всемогущаго слова Его: да будетъ и—бысть! Для нашего ограниченнаго пониманія, твореніе міра изъ ничего всегда было тайною, уразумѣваемою только посредствомъ вѣры (Евр. 11, 3), и останется навсегда тайною, не смотря на всѣ успѣхи естествовѣденія; даже послѣ того, какъ Лавоазье точными опытами надъ сложеніемъ и разложеніемъ тѣлъ, доказалъ, что въ природѣ не только ничто не происходитъ изъ ничего, но ничто и не обращается въ ничто, эта тайна сдѣлалась еще непостижимѣе и пособія вѣры оказались еще болѣе нужными.

„Какъ возможно сотворить то, говоритъ Бюхнеръ, что не можетъ быть уничтожено?“. „Матерія вѣчна“. Но изъ того, что мы не можемъ разрушить или уничтожить ни одного атома матеріи, слѣдуетъ въ концѣ концовъ только то, что не мы создали ее прежде и никогда не можетъ создать ни одного атома ея и теперь; но слѣдуетъ ли отсюда, ссылаемся на здравый

смыслъ всякаго, чтобы матеріи не могъ сотворить и Всемогущій Творецъ? „Матерія вѣчна, безконечна“: откуда узналъ Бюхнеръ о такомъ свойствѣ матеріи? Непреложную аксіому для самаго же Бюхнера составляетъ положеніе, что чего нѣтъ въ чувствахъ, того не можетъ быть и въ познаніи, что наши познанія кончаются тамъ, гдѣ кончается внѣшній опытъ. Даетъ ли же внѣшній опытъ какія-нибудь данныя для понятія о вѣчности матеріи? Бюхнеръ, какъ всякій другой, не существуетъ отъ вѣчности, чтобы знать по *опыту*, что матерія вѣчна; не будетъ существовать въ этомъ мірѣ въ вѣчность, чтобы подтвердить свой опытъ, что и въ будущемъ матерія никогда не исчезнетъ, будетъ существовать вѣчно. Въ предѣлахъ своей жизни и своего опыта мы имѣемъ только свидѣтельства о *конечномъ* и *временномъ* существованіи матеріи. Вѣчность матеріи, которую матеріализмъ думаетъ доказать химико-эмпирически, не есть фактъ опыта. Всѣ видимыя, окружающія насъ, вещи подвержены постояннымъ перемѣнамъ и разрушенію: на мѣстѣ разрушенія однѣхъ появляются другія, которыя, въ свою очередь, претерпѣваютъ ту же участь перемѣны и разрушенія. Отсюда правильныя, логическія умозаключенія, построенныя на этихъ несомнѣнныхъ фактахъ опыта, могутъ быть только тѣ, что то, что сотворено, можетъ быть и разрушено, и что подвержено разрушенію, то должно быть и сотворено, должно имѣть начало и быть ограничено и условно по своему существованію. Заключать къ несозданности и вѣчности или безсмертію матеріи точный опытъ не даетъ намъ ни малѣшаго основанія. Бюхнеръ, дѣлая подобное заключеніе, совершенно переступаетъ предѣлы этого опыта и естественной наукѣ навязываетъ

совершенно метафизическое положеніе, котораго она никогда не можетъ сдѣлать относительно матеріи. Она можетъ только доказать своими опытами, что матерія неразрушима, неуничтожима въ *настоящій моментъ*, но что она дѣйствительно существуетъ отъ вѣчности—это положеніе не имѣетъ для себя ни малѣйшаго основанія въ ея опытахъ (¹). Что мы не можемъ разрушить матеріи—это доказываетъ только, какъ мы сказали, что не мы создали ее, что мы сами—такое же твореніе, какъ и всѣ вещи, переживаемъ тотъ же удѣлъ временнаго и конечнаго существованія, какъ и онѣ. Заключать отсюда къ вѣчности матеріи также не логично и странно, какъ если-бы кто, на томъ основаніи, что онъ *теперь* существуетъ, заключилъ, что онъ существуетъ *отъ вѣчности*. Матерія существуетъ теперь и время ея существованія превосходитъ не только жизнь частнаго человѣка, но всего человѣчества: слѣдуетъ ли изъ этого, что она существуетъ отъ вѣчности? Слѣдуетъ—скажутъ развѣ Бюхнеръ и ему подобные, для которыхъ истина и ложь безразличны, лишь бы онѣ могли быть пригодны для ихъ цѣлей.

Итакъ, вся искусно устрояемая—употребимъ выраженіе нѣмцевъ—maschinerie Бюхнера—отвергнуть самую возможность творенія, оказывается рѣшительно висящею на воздухѣ. Въ основаніи ея лежитъ жалкое заблужденіе, которое стоитъ ниже всякихъ ученыхъ опроверженій. Бюхнеръ хочетъ, очевидно, проникнуть въ самую тайну творенія, измѣрить своими силами всемогущество Творца: то и другое, какъ и естественно, ему не удается,—и онъ, на этомъ основаніи, отвергаетъ возможность тво-

(¹) Wie viel entdeckte bis jezt die neuere Naturwissenschaft, A. Gloss, SS. 66—8.

ренія. Не налагаетъ ли Бюхнеръ, въ этомъ случаѣ, руки на самаго себя? „Человѣку свойственно,—справедливо въ подобномъ случаѣ замѣчаніе Циммермана,—считать невозможнымъ непонятное для него, потому что исходною точкою всего онъ всегда считаетъ только самаго себя. Это однако, очевидно, безсмысленно даже въ устахъ величайшаго ученаго (1)". Если наше знаніе или незнаніе чего-нибудь можетъ служить критеріемъ бытія или не бытія, то, въ силу такого принципа, не долженъ ли Бюхнеръ отвергнуть бытіе и цѣлаго міра, такъ какъ не только множество частныхъ его сторонъ и явленій, но и весь онъ, по своему началу и происхожденію, есть тайна, о которой можно ученому строить тѣ или другія гипотезы, но которая останется тѣмъ не менѣе тайною, объяснимою только изъ Божественнаго откровенія. — Тѣмъ болѣе наше знаніе или незнаніе не можетъ быть такимъ критеріемъ въ предметахъ вѣры.

Итакъ, по мнѣнію Бюхнера, нѣтъ и не могло быть творенія міра,—нѣтъ живаго Бога Творца и Промыслителя вселенной! Кому же, спрашивается, обязанъ міръ своимъ происхожденіемъ и образованіемъ? Отвѣтъ Бюхнера на этотъ вопросъ намъ уже извѣстенъ. Міръ есть механизмъ и своимъ происхожденіемъ и образованіемъ никому больше не обязанъ, кромѣ механическаго дѣйствія извѣстныхъ намъ и нынѣ физикохимическихъ силъ природы,—силъ, которыя сами, въ свою очередь, въ послѣдней инстанціи, суть не что иное, какъ только различные виды движенія матеріальныхъ элементовъ (2).

---

(1) Міръ до сотворенія человѣка, соч. д-ра Циммермана, перев. Ольхина, Спб. 1862 г. стр. 80—81.

(2) Force et Matière, p. 42.

Такимъ образомъ, мы опять должны теперь обратиться къ разбору механическаго міровоззрѣнія Бюхнера, только съ другой стороны—въ приложеніи его къ космологіи.—Здѣсь мы должны фактически провѣрить механическое начало Бюхнера въ приложеніи къ разнымъ сторонамъ міра явленій и посмотрѣть, достаточно ли и удовлетворительно ли оно для объясненія ихъ безъ постояннаго и дѣятельнаго участія во всемъ высшей творческой и промыслительной силы, Всемогущаго Бога. И прежде всего, объясняютъ ли дѣйствительно однѣ механическія силы природы самое начало, происхожденіе вселенной?

Относительно происхожденія міра Бюхнеръ безусловно вѣритъ въ непогрѣшимость механической системы міра Лапласа. „Эти шары и эти системы солнечныя,—говоритъ Бюхнеръ о свѣтилахъ небесныхъ,—образовались безъ сомнѣнія изъ газообразной массы паровъ, постепенно сгущаясь въ массы круглыя и плотныя, чрезъ круговое движеніе, происшедшее въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ пунктахъ этихъ паровъ. Всѣ эти тѣла небесныя, какъ бы велики или малы ни были, слѣдуютъ въ своемъ движеніи тому же непреложному закону, который присущъ и всякой матеріи и проявленіе котораго мы можемъ наблюдать собственными глазами въ каждой матеріальной частицѣ, безъ малѣйшаго уклоненія, которое бы доказывало произвольное исключеніе. Какъ бы далеко человѣкъ ни простиралъ свои взоры, при помощи телескопа, и какъ бы онъ ни углублялся въ познаніе законовъ неба,—онъ находитъ одинъ и тотъ-же законъ, одинъ и тотъ-же механическій порядокъ, одну и ту же математическую формулу, одни и тѣже процессы основанные на ариѳметикѣ. Нигдѣ, однакожъ, онъ не

видитъ слѣда произвольной руки, которая бы устроила небо и которая бы указала свѣтиламъ и кометамъ ихъ пути. Я всюду изслѣдовалъ небо,—говоритъ Бюхнеръ словами астронома Лаланда,—и нигдѣ не нашелъ намека о Богѣ. Чѣмъ болѣе астрономія дѣлаетъ успѣховъ въ познаніи движенія небесныхъ свѣтилъ и ихъ законовъ, тѣмъ болѣе она отвергаетъ идею или признаніе сверхъестественнаго вліянія и тѣмъ легче становится для нея привести зарожденіе, группированіе и движеніе свѣтилъ къ самому простому процессу, произведенному самою же матеріею (¹). Такимъ образомъ, небеса повѣдаютъ, по мнѣнію Бюхнера, не славу Божію, а славу Лаланда и Лапласа! Участія творческой и промыслительной силы Божіей въ созданіи величественныхъ свѣтилъ небесныхъ, въ направленіи ихъ движенія, въ дарованіи законовъ этого движенія и проч. не было и быть не могло: все это произведеніе механическихъ и непроизвольныхъ силъ матеріи. Наука—астрономія отказалась, по мнѣнію Бюхнера, безвозвратно и съ пользою, отъ идеи Бога. Твореніе, въ томъ смыслѣ, какое придаютъ ему, есть теологическая хитрость (²). Такъ думаетъ и говоритъ Бюхнеръ, но такъ ли говоритъ намъ самое дѣло? Такъ ли думаютъ и говорятъ сами безпристрастнѣйшіе астрономы, несомнѣнно понимающіе лучше Бюхнера достоинство и недостатки механической системы Лапласа, какъ и вообще астрономіи? Увѣреніямъ Бюхнера, что вся система міра есть *механизмъ*, въ которомъ все, отъ малаго до великаго, расположено и устроено съ математическою, хотя въ тоже время *механическою* точностію

(¹) Force et Matière, p. 51.
(²) Force et Matière, p. 58. 59.

и опредѣленностію, мы противопоставимъ свидѣтельство знаменитаго Дерптскаго астронома нашего времени Мёдлера, въ довѣріи къ которому никто, конечно, не отважится отказать. „Въ наше время,—говоритъ Мёдлеръ,—не существуетъ болѣе сомнѣнія ни въ строгой соразмѣрности закона системы міра, ни въ безконечномъ разнообразіи ея. Ни одна планета не имѣетъ сходства съ другою ни по величинѣ, ни по плотности, ни по виду, ни по числу спутниковъ: ни въ чемъ не замѣчается одинаковаго и правильнаго закона. Образованіе поверхностей каждаго тѣла имѣетъ свои особенности, даже и на тѣхъ тѣлахъ, для которыхъ по наружности должно предполагать сходство образованія поверхности, какъ напримѣръ на землѣ и на лунѣ; точно также отношенія вида, положенія, протяженія путей и всѣ другія отдѣльныя отношенія нигдѣ не выказываются сомнительнѣе и обманчивѣе, какъ именно здѣсь, въ свойствахъ космическаго образованія. Это неизмѣримое разнообразіе вездѣ встрѣчается въ природѣ; его неистощимое богатство мы можемъ познавать или чувствовать въ каждой малѣйшей его части, пребывающей въ ненарушимомъ равновѣсіи. Единый, но всѣмъ безъ исключенія общій законъ, замѣчательный по многосложности своей, управляетъ всѣмъ объемомъ и связываетъ малѣйшія отдѣльныя частицы въ неразрушимые, правильные большіе организмы. Во всемъ прочемъ мы замѣчаемъ неограниченную свободу и каждому индивидуальному развитію предоставляется свое мѣсто. Это не *похоже на какую-либо машину*, *какъ полагаетъ человѣческое воображеніе* и *изображаетъ наша техника*. Такіе взгляды позволяютъ намъ, на сколько это вообще для насъ возможно, познать Божественное владычество и

вліяніе Его въ мірѣ вещественномъ (1). Такимъ образомъ, точные опыты и изслѣдованія астрономіи говорятъ намъ вовсе не то, что̀ такъ самоувѣренно говоритъ Бюхнеръ. Мёдлеръ вычислилъ намъ движеніе болѣе, нежели 800 неподвижныхъ звѣздъ, измѣрилъ телескопомъ небесныя пространства не менѣе, чѣмъ Лаландъ, и однакожъ, наоборотъ, не нашелъ ни одной черты, которая бы противорѣчила признанію Премудраго и Всемогущаго Творца вселенной. Если Лапласъ, какъ говоритъ Бюхнеръ, на вопросъ императора Наполеона, почему онъ нигдѣ не говоритъ о Богѣ въ своей системѣ небесной механики, отвѣчалъ, что онъ не нуждается въ этой гипотезѣ, то мы имѣемъ не менѣе замѣчательное, добросовѣстное признаніе предъ лицемъ истины, тогоже Мёдлера, — именно, что астрономія положительно ведетъ насъ къ познанію Бога, открываетъ истины, знакомящія насъ съ великими Его твореніями, и раскрываетъ законы, которые по справедливости носятъ названіе законовъ природы, не потому, что природа сама создала ихъ, но потому, что они предписаны ей Богомъ (2). Бюхнеръ думаетъ, что коль скоро астрономія могла подвести всѣ свои наблюденія подъ строго точные математическіе вычисленія, она уже вправѣ отказаться отъ признанія бытія Божія. Можетъ быть такъ и нужно думать человѣку, для котораго самая матерія съ ея силами есть Богъ. Но такъ ли думали и думаютъ дѣйствительные астрономы, знаменитѣйшіе истолкователи законовъ природы,—какъ напримѣръ: Кеплеръ, Ньютонъ и другіе?

---

(1) См. „Краткая Астрономія". Соч. д-ра Мёдлера, перев. А. Путяты, Спб. 1862 г. стр. 6—7. Срав. „Космосъ" Гумбольдта, перев. Н. Флорова. Часть III, отд. II, стр. 367—379.

(2) Ibidem, стр. 4—5.

Напротивъ, эти лица были проникнуты чувствами величайшаго благоговѣнія къ Строителю вселенной и математически—правильныя движенія свѣтилъ ея, ихъ распорядокъ, прямо объясняли непосредственнымъ управленіемъ Господа всяческихъ, Вседержителя вѣчнаго, безконечнаго, всемогущаго, вездѣсущаго ([1]). Извѣстно о Ньютонѣ, что онъ всякій разъ, какъ произносилъ имя Божіе, вставалъ и снималъ съ головы шляпу. Наконецъ, самая теорія Лапласа, на которой построяетъ Бюхнеръ всю свою матеріалистическую космогонію, не ведетъ ли, прямо или не прямо, въ разныхъ моментахъ своего развитія, если только выяснить ихъ смыслъ до конца, а не останавливаться на полпути, къ признанію въ дѣлѣ мірозданія всемогущей, творческой дѣятельности Божіей? Остановимся на этихъ моментахъ.

Бюхнеръ, повторяемъ, безусловно вѣритъ въ непогрѣшимость небесной механики Лапласа; въ ней для Бюхнера сказано астрономіею послѣднее слово о началѣ міра. Не будемъ раскрывать здѣсь, вопреки увѣреніямъ Бюхнера ([2]), что эта несомнѣнно геніальная теорія теряетъ болѣе и болѣе, предъ свидѣтельствомъ новѣйшихъ астрономическихъ открытій, самое основное положеніе свое о первобытномъ *космическомъ веществѣ*, изъ котораго будто бы, по этой теоріи, возникаютъ и донынѣ, отъ времени до времени, новые міры на тверди небесной, какъ возникли изъ него уже существующіе. Правда, въ настоящее время, наука еще не вполнѣ разрѣшила вопросъ о *туманныхъ пятнахъ* звѣзднаго неба, принятыхъ Гершелемъ за космическое вещество, и на

([1]) Прибавленія къ изданію твореній св. Отцевъ, 1847 г. „Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ“; пис. 1, ст. 199.

([2]) Force et Matière, p. 52.

основанiи которыхъ, вслѣдъ за Гершелемъ, Лапласъ развилъ свою теорiю о происхожденiи солнечной системы ([1]); но, по крайней мѣрѣ, есть основанiя слишкомъ сомнѣваться въ справедливости предположенiй Гершеля касательно этого предмета ([2]). Отъ него отказался въ свое время и самъ В. Гершель, какъ отказываются и другiе первѣйшiе авторитеты въ астрономiи, какъ Араго, которому мы имѣемъ болѣе основанiй довѣрять, чѣмъ Бюхнеру ([3]). Остановимся прямо на тѣхъ прiемахъ, какими приверженцы этой теорiи Лапласа хотятъ объяснить образованiе всей небесной планетной системы. По этой теорiи необходимъ былъ только, какъ говоритъ Бурмейстеръ, первый толчокъ первобытному космическому веществу, — а какъ скоро онъ послѣдовалъ, то съ него уже сами собою, съ неизбѣжнымъ послѣдствiемъ, начались всѣ дальнѣйшiя явленiя космогоническiя ([4]). Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, эта теорiя всюду, отъ начала до конца, должна неизбѣжно предположить участiе высшей, постоянно управляющей матерiею и ея силами зиждительной десницы Творца. И прежде всего, мы неизбѣжно должны остановиться на первомъ проявленiи движенiя, на самомъ толчкѣ, — и спросить: откуда послѣдовалъ этотъ толчекъ? Откуда это движенiе въ матерiи *бездѣйственной*? Самая матерiя,

---

([1]) См. „Космосъ“, А. Гумбольдта, изд. Н. Флорова. Часть III, отд. II, „относительно разрѣшимости туманныхъ пятенъ“ стр. 547—552.

([2]) Основанiя эти, равно какъ и самая исторiя вопроса о туманныхъ пятнахъ, коротко представлены и разобраны, на основанiи астрономическихъ данныхъ, въ соч. св. I. Заркевича, см. „Духъ Христ.“ на, апрѣль 1862—1863 г. Современный матерiализмъ предъ судомъ разума, стр. 665—667.

([3]) Nouvelle Encychlopedie theologique par l'Abbè Mignè, le mot: „nebuleuses“.

([4]) Geschichte der Schöphung, H. Burmeister, vier aufl., Leipzig, 1851. SS. 133, 134.

особенно въ газообразномъ состояніи, никакимъ образомъ, безъ участія посторонняго вліянія, не могла сама изъ себя развить это движеніе: это аксіома, ненуждающаяся въ доказательствахъ. Очевидно, у матеріализма здѣсь исчезаетъ самая почва, на которой онъ усиливается построить всю свою космогонію путемъ единственно только механическихъ силъ природы, безъ участія Творца вселенной. На этомъ пунктѣ мы могли бы и покончить съ Бюхнеромъ, какъ и вообще съ матеріалистами, всѣ свои разсужденія о невозможности объяснить происхожденіе міра безъ вѣры въ живаго Творца и Промыслителя—Бога. По ученію самаго же Бюхнера, всѣ извѣстныя намъ нынѣ физико-химическія силы матеріи, какъ ея свойство, возводятся, въ своей послѣдней инстанціи, именно къ движенію матеріи. Начало всѣхъ законовъ, которыми управляется вся нынѣшняя планетная система, также, очевидно, лежитъ въ этомъ первомъ моментѣ проявленія движенія въ первобытной космической матеріи. Абсолютный покой,—какъ справедливо въ этомъ случаѣ замѣчаетъ самъ же Бюхнеръ,— неиначе можно представить себѣ въ природѣ, какъ *абсолютное ничто*. Субстанціи не могутъ существовать безъ взаимодѣйствія силъ, имъ присущихъ,—да и эти силы суть ничто иное, какъ различные виды движенія матеріи ([1]). Послѣ всего этого первый толчекъ, данный высшею силою первобытной космической матеріи, и въ которомъ нуждаются новѣйшіе космогонисты, не есть ли въ сущности первое, всемогущее, творческое слово: да будетъ! слово, вызвавшее весь міръ изъ небытія къ бытію, со всѣми его силами и законами ихъ дѣятель-

([1]) Force et Matière, p. 52.

ности? Не есть ли это тотъ начальный моментъ въ вѣчности, когда Тріипостасный Богъ, по безконечной любви своей, благоволилъ даровать бытіе намъ и явить въ видимомъ мірѣ Свои безконечныя совершенства—тотъ моментъ, о которомъ говоритъ богодухновенный Бытописатель: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю; земля же бѣ невидима и неустроена?* Но Бюхнеръ не останавливается ни предъ какими трудностями и научными противорѣчіями, какъ скоро дѣло идетъ о его idea fixa,—онъ говоритъ, во избѣжаніе всякаго вопроса о началѣ движенія матеріи и необходимости признанія при этомъ сверхъестественной силы, что вѣчная матерія должна имѣть и вѣчное движеніе (¹). Положеніе—смѣлое, но смѣлость не рѣшаетъ дѣла, особенно въ такихъ вопросахъ, въ отвѣтѣ на которые дѣло идетъ о томъ: быть или не быть цѣлой научной теоріи, грозящей ниспровергнуть священнѣйшія убѣжденія и вѣрованія человѣчества. Наука, во имя истины и собственнаго достоинства, также не можетъ принять этого положенія, такъ какъ оно не только не можетъ быть доказано никакими данными науки, но и само въ себѣ заключаетъ внутреннее противорѣчіе, внутреннюю невозможность, особенно при газообразномъ состояніи матеріи (²). Наука, неотвѣчающая намъ на вопросъ о началѣ движенія космической матеріи, съ которой будто бы началось образованіе міра, навсегда останется въ неописанномъ долгу предъ испытующимъ и вѣрующимъ умомъ; а положеніе Бюхнера о вѣчномъ движеніи матеріи предъ его судомъ будетъ только жал-

---

(¹) Force et Matière, p. 51. 52; Natur und Geist, SS. 109—135.

(²) Доказательства этого можно читать въ выше указанной статьѣ св. І. Заркевича, стр. 743—748; 667, 668, 674, 678; Le materialisme contemporain en Allemagne, Paul Janet, pp. 47—78.

кимъ заблужденіемъ болѣзненнаго ума, который и видя не видитъ и слыша не разумѣетъ. Такимъ образомъ, на первомъ же шагу теорія Канта и Лапласа, вопреки увѣреніямъ Бюхнера, должна неизбѣжно признать участіе посторонней, высшей силы въ дѣлѣ происхожденія міра. Но только ли въ этомъ моментѣ необходимо это признаніе, какъ увѣряетъ Бурмейстеръ, наставникъ Бюхнера въ его космогоніи? Послѣдуемъ далѣе затеоріею.

Прежде всего, огромный шаръ газовый, изъ котораго будто бы возникла наша солнечная система,—какъ это представляетъ Бурмейстеръ, — никакимъ образомъ не могъ самъ собою, путемъ извѣстной намъ централизаціи массъ, образовать средоточный пунктъ или твердое ядро, около котораго бы начала концентрироваться вся космическая матерія (1). Этому противорѣчитъ, какъ извѣстно, основной законъ расширенія газовъ, по которому для газовъ нѣтъ опредѣленнаго, постояннаго, устойчиваго объема, но они постоянно стремятся занять бóльшій объемъ, какъ скоро къ этому представляется возможность, части ихъ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго слѣда взаимнаго притяженія, но находятся въ непрестанномъ состояніи отталкиванія, по которому всякое пространство, какое имъ представляется, они стремятся наполнить собою. По такому закону расширенія газовъ, первобытная космическая газовая матерія никогда не могла бы сама собою принять формы шара, какъ бы ни былъ онъ огроменъ (потому что во всякомъ случаѣ это предполагаетъ уже опредѣленное ограниченіе, опредѣленный объемъ), если бы опять какая-то высшая, разумѣется, всемогущая сила Творца, не сообщила ей сферической

(1) „Geschichte der Schöpfung“ H. Burmeister, viert. aufl. Leipzig, 1851, стр. 135. Это сознаетъ и самъ Бурмейстеръ—142 стр.

формы и не соблюдала ее постоянно, не дозволяя газамъ разсѣеваться въ безконечность міроваго пространства. Подъ этимъ только условіемъ можно представлять себѣ первобытную космическую матерію подъ видомъ шара. Признаніе той же всемогущей силы открывается необходимымъ и при образованіи средоточнаго пункта или твердаго ядра въ какомъ нибудь мѣстѣ образовавшагося газоваго шара. Иначе какъ могъ онъ явиться? Для этого нужно было только, какъ говоритъ Циммерманъ, чтобы соединить двѣ солнечныя пылинки (1). Это совершенно справедливо,—но какъ могло случиться это соединеніе? Газообразное состояніе матеріи само по себѣ, по своей природѣ, никогда не могло допустить движенія къ опредѣленной цѣли, къ центру; для этого необходима сила тяготѣнія,—еще прежде ея сила притягательная, долженствовавшая сближать между собою газообразныя частицы матеріи. Но какъ она могла проявить себя въ дѣйствіи? Возможность къ этому могла открыться для нея только съ ослабленіемъ расширительной силы газовъ, которая связывала, подавляла ее. При этомъ опять неизбѣжно является вопросъ: что же могло дать ей этотъ перевѣсъ надъ расширительною силою газовъ? Никакихъ химическихъ дѣйствій, при необычайно-высокой степени разжиженія матеріи, въ ней быть не могло, какъ говоритъ Бурмейстеръ (2). Принять, что̀ всего естественнѣе, причиною этого—*охлажденіе* первобытной матеріи,—значитъ изъ одной неразрѣшимой трудности впадать въ другую еще болѣе неразрѣшимую. Какимъ образомъ, сама собою могла уменьшиться или понизиться температура космической

---

(1) Міръ до сотворенія человѣка, стр. 29.

(2) Geschichte der Schöphung, S. 142.

газовой матеріи, долженствовавшей имѣть на всемъ протяженіи своемъ одну и туже температуру? Куда могла она выдѣлять свой теплородъ, чтобы получить возможность охлаждаться? На эти вопросы механическая теорія Лапласа не можетъ дать ни какого удовлетворительнаго отвѣта, — и современная естественная наука, съ своей стороны, на основаніи извѣстныхъ ей силъ и законовъ, также объяснить этого никакъ не можетъ ([1]). Сказать прямо,—категорически, какъ говоритъ это Циммерманъ,—что гдѣ существуетъ вещество, тамъ непремѣнно должно быть и притяженіе (28 стр.), — сказать это легко, но гдѣ на это доказательства науки, которая свидѣтельствуетъ противоположное при газовомъ состояніи матеріи? Опять, такимъ образомъ, при началѣ концентрированія газовой матеріи въ какомъ нибудь пунктѣ нужна была особенная, отличная отъ естественныхъ силъ и законовъ и, слѣдовательно, сверхъестественная сила Всемогущаго Творца, которая бы вызвала къ дѣятельности подавленную дотолѣ силу притяженія и затѣмъ тяготѣнія. Повидимому, теперь все необходимое было въ первобытной матеріи, чтобы она сама собою, безъ участія высшей руководительной силы, могла развить изъ себя все разнообразіе свѣтилъ небесныхъ Но такъ ли? Приведенныя въ дѣйствіе силы притяженія и тяготѣнія къ опредѣленному центру могли только сближать, собирать, соединять въ одно цѣлое частицы первобытной матеріи; но какимъ образомъ могло явиться въ образовавшемся газовомъ шарѣ круговое движеніе около своей оси и при томъ отъ запада къ востоку— моментъ не менѣе важный въ ходѣ образованія свѣтилъ

([1]) Современный матеріализмъ предъ судомъ разума, св. І. Заркевича, стр. 667—671, 674.

небесныхъ — даже столько же важный, какъ и первое проявленіе движенія въ матеріи бездѣйственной. Бурмейстеръ прямо говоритъ, что газовый шаръ получилъ это движеніе чрезъ какое-нибудь внѣшнее вліяніе,—и видитъ это вліяніе въ притяженіи отдаленныхъ центральныхъ пунктовъ или ядеръ, образовавшихся въ разныхъ мѣстахъ безконечной газовой матеріи ([1]). Но, очевидно, такимъ мнѣніемъ не только произвольно предполагается уже существованіе этихъ отдаленныхъ центровъ и твердыхъ ядеръ газовой матеріи, для образованія которыхъ опять, слѣдовательно, нужно было участіе Сверхъестественной Творческой силы, но главное—вовсе не рѣшается дѣло. Одна сила простаго притяженія никакимъ образомъ не можетъ произвести вращательнаго движенія около своей оси. Извѣстно, что брошенный нами съ какой-нибудь высоты шаръ отнюдь не можетъ самъ собою, въ силу одного тяготѣнія или притяженія къ землѣ, пріобрѣсти вращательнаго движенія около своей оси, если ему не сообщала этого движенія наша рука въ самый моментъ бросанія. Кромѣ того, притяженіе, если оно вообще имѣло свое дѣйствіе между образовавшимися въ разныхъ мѣстахъ космической матеріи центральными ядрами, необходимо производило бы только то, что онп приближались бы другъ къ другу и наконецъ слились бы въ одну массу, въ безпорядочный хаосъ. Слѣдовательно, если даже предположить ([2]), что враща-

([1]) Burmeister a. a o. S. 140.

([2]) Но предположить это мы не имѣемъ ни какихъ достаточныхъ основаній: двѣ противоположныя силы—каковы сила притяженія и отталкиванія,—или могли взаимно уничтожать себя при равновѣсіи своемъ, или же одна должна была связывать, подавлять дѣйствіе другой и движеніе, такимъ образомъ, могло быть только въ одну какую нибудь сторону, или если и въ противоположныя, какъ это бываетъ при дѣй-

тельное движеніе космическаго шара нашей солнечной системы около своей оси могло произойти чрезъ взаимное притяженіе отдаленныхъ центровъ ея между собою, во взаимодѣйствіи съ собственною расширительною силою газовъ, то и тогда мы все-таки поставляемся въ неизбѣжную необходимость признать дѣйствіе всемогущей, зиждительной силы Творца, Который сохранялъ неприкосновенною *самостоятельность* образовавшихся зародышей будущихъ *системъ солнечныхъ*, предопредѣлилъ каждой изъ нихъ сферу ея дѣятельности и ограничилъ пути ихъ взаимнаго движенія. Чѣмъ далѣе, такимъ образомъ, мы идемъ по пути образованія нашей солнечной системы, какъ намъ указываетъ этотъ путь механическая теорія Лапласа, тѣмъ болѣе и убѣдительнѣе говорятъ намъ разныя явленія о постоянномъ присутствіи при этомъ образованіи творческой руки Верховнаго Зиждителя.

Остановимся еще на одномъ моментѣ этой теоріи,—

ствіи силы отталкиванія частицъ другъ отъ друга, то по прямой и другимъ всевозможнымъ линіямъ, а никакъ уже не по круговой и притомъ около одного опредѣленнаго центра. Принять такое движеніе слѣдствіемъ дѣйствія притягательной силы отдаленныхъ центровъ на шаръ съ разныхъ пунктовъ, какъ это и должно было быть при множествѣ этихъ центровъ, — значитъ также ничего не сказать въ пользу этого движенія: дѣйствуя съ различныхъ пунктовъ, она должна была или уничтожать себя при равновѣсіи или, какъ мы сказали, сильнѣйшее дѣйствіе съ одной стороны должно было пересиливать дѣйствіе дуугихъ и слить всѣ центры въ одну массу. Въ объясненіи круговаго движенія солнечнаго шара около своей оси Циммерманомъ (стр. 30),—именно, что такъ какъ всѣ части стремились къ одному средоточію, то къ нему направилось движеніе, которое, по необходимости было *кругообразное, слѣдовательно газовый шаръ вращался вокругъ своей оси*,—не только нѣтъ, какъ каждый согласится, никакого объясненія этого движенія, но есть положительное противорѣчіе этому движенію: движеніе направленное къ одному опредѣленному пункту не можетъ быть само по себѣ круговымъ, а или прямолинѣйнымъ, или по кривымъ линіямъ, если есть препятствія на пути прямолинѣйномъ.

именно томъ моментѣ, съ котораго, по ея изложенію, началось отдѣленіе отъ одного доселѣ солнечнаго шара другихъ шаровъ или планетъ и ихъ независимое существованіе и развитіе.—Какъ могло случиться это отдѣленіе? На этотъ вопросъ дается отвѣтъ самый простой и, повидимому, самымъ удовлетворительнымъ образомъ объясняющій дѣло. Начавшееся,—говоритъ Бурмейстеръ (¹),—вращательное движеніе солнечнаго шара около своей оси, сначала медленное, по мѣрѣ возраставшаго сгущенія массы и, параллельно этому послѣднему, соотвѣтствовавшаго уменьшенія объема ея, становилось все быстрѣе и быстрѣе,—шаръ при этомъ все болѣе и болѣе принималъ сфероидальную или чечевицеобразную форму, потому что съ увеличеніемъ быстроты круговращенія увеличивалась также и сила центробѣжная. При возраставшемъ сгущеніи массы и равномѣрно увеличивавшейся при этомъ центробѣжной силѣ периферическихъ частей ея не замедлило произойти то, что въ извѣстное время сила центробѣжная получила перевѣсъ надъ силою притяженія, производимаго центральнымъ ядромъ на периферическія части шара. Такъ какъ это должно было случиться одновременно во всѣхъ мѣстахъ подъ экваторомъ чечевицеобразнаго шара, то очень могло случиться далѣе и то, что наконецъ отъ общей массы шара отдѣлилась кольцеобразная периферическая часть его (²). Разрывомъ этого кольца на части объясняется обыкновенно дальнѣйшее образованіе шаровъ или отдѣльныхъ планетъ. Объясненіе, повторяемъ, по видимому самое удовлетворительное и естественное. Но

(¹) Burmeister, a. a. o. S. 140. Срав. Міръ до сотворенія человѣка, д-ра Циммермана, стр. 30, 31.

(²) Циммерманъ, стр. 30, 31.

такъ ли? Не нужна ли была опять при этомъ посторонняя сверхъестественная сила? При круговращенiи шара, по Бурмейстеру, сила центробѣжная, въ извѣстное время, должна была получить перевѣсъ надъ силою центростремительною; но въ предѣлахъ естественнаго развитія и дѣйствія этихъ силъ этотъ перевѣсъ одной силы надъ другою былъ совершенно не возможенъ, по причинамъ весьма простымъ. Увеличенiе силы центробѣжной должно было идти, какъ это представляетъ самъ же Бурмейстеръ, въ строжайшей соразмѣрности съ увеличенiемъ силы притяженія или, что одно и тоже, съ возраставшимъ сгущенiемъ массы около центра и необходимымъ при этомъ уменьшенiемъ объёма. Сила центробѣжная была, слѣдовательно, въ совершенной зависимости отъ силы притяженія, или покрайней мѣрѣ развивалась параллельно и равномѣрно съ нею. Какимъ же образомъ первая, сама собою, могла получить перевѣсъ надъ послѣднею? Оставаясь въ предѣлахъ точнаго опыта, мы не найдемъ на это никакого отвѣта въ наукѣ и непремѣнно должны обратиться къ содѣйствiю всемогущей силы Творца. Такимъ образомъ, мы здѣсь опять, — скажемъ словами Грюзона [1],—застигаемъ великаго Строителя при образованiи небесныхъ тѣлъ, проникаемъ нашими взорами въ Его мастерскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы еще болѣе, конечно, должны убѣдиться, что если дѣйствительно Всеблагій Создатель не имѣлъ,—какъ говоритъ тотъ же Грюзонъ,—намѣренія скрыть отъ насъ процесса мiрозданія и въ разсматриваемой теорiи Канта и Лапласа умъ человѣческій дѣйствительно достигъ до пониманія внѣшней стороны этого процесса, то въ указанныхъ нами мо-

[1] Циммерманъ, стр. 42.

ментахъ постепеннаго образованія нашей солнечной системы Онъ благоволилъ явить намъ самымъ яснымъ образомъ свою постоянную творческую дѣятельность при этомъ образованіи и Свое промышленіе. Послѣ этого Бюхнеру и ему подобнымъ, почему бы хотя этимъ путемъ, — путемъ добросовѣстнаго, научнаго изслѣдованія дѣла, если они не хотятъ знать другого болѣе прямаго пути—Откровенія, не придти, наконецъ, къ сознанію, что міръ не есть только произведеніе однихъ механическихъ силъ природы, но есть дѣло Премудраго, Всеблагаго Бога—Творца, Промыслителя нашего: *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3).

Но мы не раздѣляемъ вѣры Бюхнера и другихъ въ безусловную истинность прославленной гипотезы Канта и Лапласа,—и чѣмъ болѣе Бюхнеръ настаиваетъ на ея механизмѣ, тѣмъ болѣе она оказывается несостоятельною предъ точными данными астрономіи. Вопреки увѣреніямъ Бюхнера, что какъ бы далеко ни простиралъ человѣкъ взоръ свой, при помощи телескопа, онъ всюду находитъ *одинъ и тотъ же законъ, одинъ и тотъ же порядокъ механическій*, мы приведемъ нѣсколько астрономическихъ данныхъ въ подтвержденіе выписаннаго нами мнѣнія Мёдлера, что, напротивъ, мірозданіе вовсе не похоже на какую-либо *машину*, какъ полагаетъ человѣческое воображеніе и изображаетъ наша техника. По мнѣнію самаго же Бюхнера, все въ природѣ совершается вслѣдствіе самой строгой *необходимости; необходимость абсолютная и непреодолимая* господствуетъ надъ матеріею; *неизмѣнность* законовъ природы такова, что она никогда и ни мало недопускаетъ исключенія (1).

---

(1) Force et Matière, p. 33, 34, 41; Natur und Geist, SS. 182, 186 и др.

Посему развитіе нашей солнечной системы, повинуясь этой непреодолимой механической необходимости законовъ, должно было идти въ самомъ строгомъ *однообразіи*, неуклонной *постепенности*, механической *правильности*. Но то ли показываютъ намъ точныя астрономическія наблюденія? Всѣ планеты нашей солнечной системы произошли, по теоріи Лапласа, популяризируемой Бюхнеромъ, изъ одного и того же колоссальнаго комическаго шара, чрезъ постепенное отдѣленіе отъ него, по однимъ и тѣмъ же законамъ: постепенность и правильность въ ихъ образованіи должны были, повидимому, идти самымъ неуклоннымъ путемъ. Между тѣмъ, по замѣчанію А. Гумбольдта, внутренняя группа планетъ нашей солнечной системы (Меркурій, Венера, Земля и Марсъ), въ сравненіи съ *внѣшними*, отдаленнѣйшими отъ солнца планетами (Юпитеромъ, Сатурномъ, Ураномъ и Нептуномъ), отъ которыхъ онѣ отдѣлены такъ называемыми *планетоидами* или *астероидами* (Веста, Юнона, Гигеа, Викторія и множество друг.), представляетъ и нѣкоторое сходство и, напротивъ, также во многомъ положительный *контрастъ*. Такъ называемыя нами, говоритъ Гумбольдтъ, 4 внутреннія, ближайшія къ солнцу планеты, лежащія между кольцомъ астероидовъ (малыхъ планетъ) и центральнымъ тѣломъ, всѣ умѣренной величины, плотныя, довольно равныя и притомъ медленно обращающіяся на своихъ осяхъ (въ 24 часа), мало сжатыя и, за исключеніемъ одной (земли), безлунныя. Напротивъ того, 4 внѣшнія, отдаленнѣйшія отъ солнца планеты, лежащія между поясомъ астероидовъ и неизвѣстною намъ границею солнечной области: Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ — значительно больше, въ 5 разъ менѣе плотны, болѣе чѣмъ въ два

раза быстрѣе вращаются на своихъ осяхъ, сильно сжаты и обильны лунами, въ отношеніи къ первымъ какъ 20 къ 1. Объясняя эти указанныя разности между планетами, Гумбольдтъ говоритъ, что хотя при существенномъ раздѣленіи планетъ на двѣ группы — внѣшнюю и внутреннюю, главныя свойства абсолютной величины, плотности, сжатія, скорости вращенія, отсутствія спутниковъ представляются какъ-бы зависимыми отъ разстоянія, т. е. отъ половины большихъ орбитныхъ осей; однакоже этой зависимости нельзя утверждать (а Бурмейстеръ и Циммерманъ утверждаютъ) для *каждаго отдѣльнаго члена этихъ группъ.* Какъ я уже прежде замѣчалъ, говоритъ Гумбольдтъ, мы не знаемъ до сихъ поръ *никакой внутренней необходимости,* никакого *механическаго закона природы,* который бы (подобно прекрасному закону, связывающему квадраты временъ обращенія съ кубами большихъ осей) представлялъ поименованные нами теперь элементы для порядка слѣдованія отдѣльныхъ планетныхъ міровыхъ тѣлъ каждой группы въ зависимости отъ разстояній ([1]). Продолжая частнѣйшее сравненіе планетъ между собою, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, относительно разныхъ элементовъ ихъ, Гумбольдтъ также не находитъ между ними ни въ чемъ той механической постепенности и равномѣрности, какихъ слѣдовало бы ожидать, если бы всѣ они обязаны были своимъ происхожденіемъ одному и тому же механическому закону, дѣйствовавшему по одной и тойже формѣ, на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Возьмемъ для сравненія плот-

---

([1]) „Космосъ". Опытъ физическаго міроописанія, А. Ф. Гумбольдта, перев. М. Гусева, изд. Н. Фролова. Москва, 1857 г. Ч. III, отд. II, стр. 367—369.

ность планетъ, такую сторону, въ которой механическое дѣйствіе силъ всего болѣе должно было отразиться. Что же видимъ? Хотя, вообще, наиболѣе плотныя планеты, говоритъ Гумбольдтъ, суть ближайшія къ солнцу, какъ это должно быть по механической теоріи Лапласа, однакоже плотность планетъ, разсматриваемыхъ по одиночкѣ, никакимъ образомъ не пропорціональна ихъ отстояніямъ отъ солнца, какъ склоненъ былъ принимать Ньютонъ. Хотя ближайшая къ солнцу планета, Меркурій, есть самая плотная, именно въ 6 или 8 разъ плотнѣе каждой изъ внѣшнихъ планетъ: Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна, но послѣдовательность въ плотности планетъ: Венеры, Земли и Марса, или Юпитера, Сатурна и Урана является весьма неравномѣрною. По порядку увеличивающейся плотности, планеты и солнце должны, по Гумбольдту, расположиться слѣдующимъ образомъ: Сатурнъ, Уранъ, Нептунъ, Юпитеръ, Солнце, Венера, Марсъ, Земля и Меркурій ([1]). И, замѣчательно, относительная плотность планетъ вовсе не стоитъ также въ безусловной зависимости отъ относительной скорости вращенія ихъ на своихъ осяхъ. Зависимость сжатія отъ скорости вращенія самымъ разительнымъ образомъ обнаруживается при сравненіи земли, какъ одной изъ планетъ внутренней группы, съ внѣшними планетами Юпитеромъ и Сатурномъ. Но Марсъ, котораго обращеніе на оси еще на 41 минуту медленнѣе обращенія Земли, имѣетъ однакоже гораздо большее сжатіе ([2]). Столько же не равномѣрно и *время*

([1]) „Космосъ“ стр. 369, 383. По разстоянію отъ солнца планеты слѣдуютъ одна за другою въ слѣдующемъ порядкѣ, если начинать съ ближайшей: Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ. Космосъ стр. 374.

([2]) Космосъ, стр. 371.

обращенія различныхъ планетъ около своихъ осей. *Время обращенія* около оси вообще, конечно, уменьшается съ удаленіемъ отъ Солнца; но опять болѣе уменьшается для Марса, чѣмъ для Земли, для Сатурна болѣе, чѣмъ для Юпитера ([1]). По возрастающей *массѣ* порядокъ главныхъ планетъ также совершенно различенъ отъ порядка ихъ по разстоянію отъ центральнаго тѣла ([2]). Наклоненіе и эксцентритетъ планетныхъ путей, послѣ массъ, суть важнѣйшіе элементы, отъ коихъ зависятъ *возмущенія.* Сравненіе оныхъ, говоритъ Гумбольдтъ, послѣдовательно для внутреннихъ, малыхъ, среднихъ и внѣшнихъ планетъ, представляетъ многообразныя подобія и *контрасты* ([3]). Наконецъ, объемы и діаметры планетъ также точно не всегда соотвѣтствуютъ разстоянію ихъ отъ солнца, какъ бы этого слѣдовало опять ожидать, какъ замѣчалъ еще это и Кеплеръ. Такъ Марсъ менѣе Земли, Уранъ менѣе Сатурна, Сатурнъ менѣе Юпитера, и этотъ послѣдній слѣдуетъ непосредственно за роемъ планетъ, почти неизмѣримыхъ по причинѣ ихъ малости ([4]). Ни въ чемъ, такимъ образомъ, планеты не представляютъ, въ отношеніи другъ къ другу, регулярной постепенности, неуклоннаго однообразія. Съ подобными же или еще болѣе поразительными контрастами и разнообразіемъ мы встрѣчаемся при наблюденіи отношенія спутниковъ къ своимъ планетамъ. По механической теоріи необходимо предположить, что всѣ вообще спутники образовались такимъ же образомъ, какъ

([1]) Ibidem. стр. 369, 383, 384.

([2]) Въ этомъ отношеніи, порядокъ главныхъ планетъ слѣдующій: Меркурій, Марсъ, Венера, Земля, Уранъ, Нептунъ, Сатурнъ и Юпитеръ. „Космосъ“ стр. 382.

([3]) „Космосъ“, стр. 384, 385, 390—392.

([4]) „Космосъ“, стр. 369, 371—373.

и планеты, чрезъ отдѣленіе отъ своихъ центральныхъ тѣлъ, и слѣдовательно должны были бы слѣдовать, относительно разныхъ элементовъ своихъ орбитъ и всего другаго, также въ строгой постепенности и однообразіи. Между тѣмъ, не говоря уже о неравномѣрномъ распредѣленіи спутниковъ въ солнечной области, о неравномѣрной ихъ величинѣ, плотности, различіи эксцентритета путей съ своими планетами, что̀ мы видѣли и въ отношеніи самыхъ планетъ къ своему центральному тѣлу (1),—мы встрѣчаемся здѣсь съ явленіемъ, единственнымъ въ солнечной системѣ, — такимъ, которое одно достаточно, чтобы отнестись самымъ скептическимъ образомъ ко всей механической теоріи Канта и Лапласа, выдаваемой Бюхнеромъ за послѣднее слово науки,—а именно: тогда какъ всѣ спутники (Земли, Юпитера, Сатурна), равно какъ и всѣ главныя планеты движутся съ запада на востокъ и, исключая нѣкоторыхъ астероидовъ, незначительно наклонены къ эклиптикѣ, — почти совершенно круговые пути *Урановыхъ* спутниковъ наклонены подъ угломъ 78° 58′, слѣдовательно стоятъ почти перпендикулярно къ эклиптикѣ, а самые спутники движутся на оборотъ отъ *Востока на Западъ* (2). Такую же противоположность движенія, кромѣ многихъ кометъ, имѣетъ также и наша Земля въ отношеніи къ Солнцу: Солнце, въ его суточномъ обращеніи, движется отъ востока къ западу, а Земля, какъ извѣстно, наоборотъ, обращается на своей оси отъ запада къ востоку (3). Что же, въ виду всѣхъ этихъ явленій и мно-

---

(1) Тамъ же, стр. 395, 397.

(2) „Космосъ“, стр. 455.

(3) Общепонятная Астрономія Ф. Араго, перев. Хотинскаго, т. II стр. 66.

жества другихъ ([1]), значитъ, положеніе Бюхнера, что всюду въ небесныхъ пространствахъ господствуетъ одинъ и тотъ же законъ, одинъ и тотъ же порядокъ *механическій*? Означаетъ просто произвольный выводъ, сдѣланный Бюхнеромъ на основаніи своего механическаго міровоззрѣнія, но котораго не можетъ принять никто, сколько нибудь знакомый съ данными астрономіи. Но не явно-ли ниспровергаетъ и самъ же Бюхнеръ это свое положеніе, когда нѣсколькими десятками строкъ ниже его, онъ начинаетъ, пускаясь опять въ крайности, задавать себѣ вопросы за вопросами о разныхъ случайностяхъ и безпорядкѣ въ устройствѣ и расположеніи свѣтилъ, о несообразностяхъ, недостаткѣ симметріи и красоты между ними, о несходствѣ ихъ по величинѣ, по разстоянію и проч ([2]). Такъ заблужденіе изобличаетъ само себя! Самъ Бюхнеръ не замѣчаетъ, впрочемъ, въ этомъ явнаго противорѣчія своимъ собственнымъ прежнимъ положеніямъ о механическомъ происхожденіи вселенной и, ни мало не задумываясь надъ заданными себѣ вопросами, спѣшитъ только поскорѣе и какъ можно рѣзче — выставить опять предъ своимъ читателемъ, что нѣтъ Творца вселенной, что эмпирическое изслѣдованіе природы, какой-бы стороны ни касалось оно, не находитъ ни одной черты, ни въ пространствѣ, ни во времени, Его сверхъестественнаго вліянія. Почему,— спрашиваетъ онъ,—Творецъ не начерталъ Своего имени

([1]) Мы не указываемъ стольже явныхъ и поразительныхъ несообразностей въ свойствахъ и движеніи кометъ съ общими законами нашей солнечной системы,—несообразностей, которыя подрываютъ окончательно вѣру, чтобы небесный міръ былъ только механизмъ, происшедшій и нынѣ управляющійся дѣйствіемъ исключительно однихъ механическихъ силъ природы. См. о кометахъ у Гумбольдта, „Космосъ“, стр. 480—482.

([2]) Force et Matiére, p. 52, 53.

въ хорѣ звѣздъ небесныхъ [1]? Видимо, что Бюхнеръ, въ своей фанатической ревности, переступаетъ наконецъ границы всякаго благоразумія,—и это совершенно естественно. Подобно астроному Лаланду, онъ ищетъ свидѣтельства бытія Бога-Творца вселенной вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и потомъ жалуется, что не видитъ ни одной черты, свидѣтельствующей о бытіи Его. Онъ допускаетъ произвольно и *самобытность* и *вѣчность* матеріи и ея силъ, равно какъ и законовъ дѣятельности этихъ силъ,—называетъ матерію и *всемогущею*, и *безсмертною*, и *божественною:* понятно послѣ сего, можетъ ли оставаться въ понятіяхъ Бюхнера какое нибудь мѣсто для Бога истиннаго! Имѣетъ ли, послѣ сего, какой нибудь смыслъ и все это исканіе съ его стороны слѣдовъ истиннаго Бога? Само собою понятно, что онъ всюду долженъ видѣть слѣды одной матеріи и силы, возведенныхъ имъ въ божественное достоинство. Бюхнеръ произвольно смотритъ на все міроздание, какъ на механизмъ, въ которомъ будто бы все основано на однѣхъ математическихъ формулахъ, на одномъ механическомъ сцѣпленіи,—и потомъ въ существующемъ разнообразіи нѣкоторыхъ частей этого механизма видитъ безпорядокъ, недостатокъ плана и цѣлесообразности. Отъ одного заблужденія переходитъ, такимъ образомъ, ко множеству новыхъ, еще горшихъ заблужденій. Между тѣмъ, міръ небесныхъ пространствъ, какъ изображаетъ его наука, есть не механизмъ, а скорѣе *организмъ,* въ которомъ разнообразіе соединено съ строгимъ и глубокимъ единствомъ, кажущійся безпорядокъ—съ самымъ гармоническимъ, дивнымъ планомъ. И вотъ въ этомъ-то планѣ,

---

(1) Force et Matière, p. 54.

этой безконечной гармоніи міровыхъ законовъ, ясно проглядываютъ для насъ слѣды всемогущей и премудрой дятельности Верховнаго Зиждителя, Который *вся, елика восхотѣ, сотвори на небеси и на земли,* Который, какъ премудрый Художникъ, давши Самъ бытіе и приведши въ дѣйствіе силы и законы природы, не предоставилъ развитіе ихъ одной механической необходимости, но постоянно и непосредственно руководилъ Самъ ими къ достиженію предназначенныхъ цѣлей. Такъ объясняли происхожденіе этаго плана и этой гармоніи міровыхъ законовъ знаменитѣйшіе истолкователи природы—Кеплеръ и Ньютонъ ([1]). Пусть астрономія еще болѣе, чѣмъ нынѣ, уяснитъ для насъ свойства и движенія свѣтилъ небесныхъ, — небеса никогда не перестанутъ повѣдать для насъ славу Божію, какъ повѣдали они ее всегда человѣку, съ благоговѣніемъ изслѣдующему и созерцающему тайны мірозданія.

Спускаясь къ высоты неизмѣримыхъ пространствъ небесныхъ къ нашей землѣ—этой каплѣ въ неизмѣримомъ океанѣ міровъ, Бюхнеръ еще менѣе, конечно, хочетъ признать въ происхожденіи и образованіи этой частицы вселенной участіе всемогущества и премудрости Творца и Промыслителя. Въ отношеніи къ происхожденію и образованію земли Бюхнеръ безусловно признаетъ достаточнымъ и вполнѣ доказаннымъ предположеніе Лэйеля (Lyell), что всѣ великіе перевороты земнаго шара совершались подъ вліяніемъ медленнаго дѣйствія нынѣ извѣстныхъ намъ силъ—воды, огня, воздуха и прочихъ силъ слѣпыхъ и непроизвольныхъ,

---

([1]) Письма о конечныхъ причинахъ. Письмо 1, стр. 199 (Прибавленіе къ твореніямъ св. отцевъ. 1845 г.).

слѣдующихъ одной механической необходимости [1]. Исторія нашей земли,—говоритъ Бюхнеръ,—въ ея главныхъ чертахъ, въ высшей степени проста и однообразна; въ ней нѣтъ ничего, что бы говорило о дѣятельности Божества,—нѣтъ ни плана или намѣренія, нѣтъ ни порядка или стройности. Вся наука относительно образованія нашей земли есть уже сама по себѣ блистательнѣйшая побѣда надъ вѣрованіемъ въСилу сверхъестественную; нигдѣ эта наука не останавливалась въ своихъ изслѣдованіяхъ, чтобы предположить вмѣшательство силы неизвѣстной,—и нигдѣ и никогда она не будетъ обязана сдѣлать это [2]". Такимъ диктаторскимъ, съ сознаніемъ полнѣйшей непогрѣшимости, тономъ произноситъ и здѣсь какъ и всюду, Бюхнеръ свои приговоры надъ вещами, разрѣшить и понять сущность которыхъ, по собственному же въ иныхъ случаяхъ сознанію его, умъ человѣческій никогда и непомышлялъ, потому что она неизмѣримо превосходитъ его силы. Къ услугамъ Бюхнера во всемъ является наука—почетный авторитетъ въ мірѣ образованномъ; каждое его слово—есть послѣднее слово науки,—результатъ ея точныхъ опытовъ и изысканій. Кто, въ самомъ дѣлѣ, осмѣлится послѣ этого свое сужденіе имѣть о вещахъ, проповѣдуемыхъ Бюхнеромъ? Но въ томъ-то и вопросъ: дѣйствительно-ли точная наука Естественная и въ разсматриваемомъ нами случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, стоитъ на сторонѣ Бюхнера и идетъ противъ Божественнаго Откровенія?

Положительное убѣжденіе Бюхнера въ этомъ случаѣ

---

(1) Force et Matière p. 55—61; Natur und Geist, Ss. 224—226.

(2) Ibidem, pp. 58, 59; Ss. 225.

составляетъ самое легкомысленное самообольщеніе. Бюхнеръ думаетъ вообще, что чѣмъ болѣе естественная наука развивается, чѣмъ болѣе она проникаетъ въ тайны природы, прежде касавшіяся недоступными, тѣмъ болѣе истина Божественнаго Откровенія теряетъ свою силу и довѣріе къ себѣ. Жалкое заблужденіе слѣпаго фанатизма! Напротивъ какъ бы далеко ни простиралась человѣческая любознательность въ своихъ изысканіяхъ дѣйствующихъ силъ и законовъ природы, какъ-бы обстоятельно и вѣрно геологія ни уяснила впослѣдствіи всѣ процессы, въ силу которыхъ получила свое настоящее устройство наша земля, со своими красотами и разнообразіемъ явленій, —все это нисколько не будетъ блистательнѣйшею побѣдою, какъ думаетъ Бюхнеръ, надъ вѣрованіемъ въ сверхъестественную силу въ дѣлѣ творенія. Безусловное признаніе этой силы будетъ всегда для науки столько же неизбѣжнымъ conditio sine qua non ея изслѣдованій, какъ неизбѣженъ всегда для нея вопросъ: откуда же получили свое начало самыя силы и законы природы, давшіе ей современное устройство, чѣмъ поддерживается ихъ существованіе и ихъ дѣятельность? Точная опытная наука, какъ и самъ Бюхнеръ, (¹) или отвѣчаетъ на это полнѣйшимъ незнаніемъ — сознаніемъ въ своей безпомощности дать, на основаніи своихъ началъ, удовлетворительный отвѣтъ на этотъ насущный вопросъ; или если и даетъ, то даетъ совершенно не въ пользу Бюхнера и его единомышленниковъ, а въ пользу сказанія Божественнаго откровенія, доказывая, что въ силахъ и законахъ дѣятельности есть *разумность*, что законы суть только вы-

---

(¹) Natur und Geist, Ss. 262—263.

раженія *воли* и *власти* Существа премірнаго, что въ нихъ проявляется Божественная сила, что это только другое выраженіе для дѣйствія во всѣ времена сущаго и все содержащаго Бога, и что, слѣдовательно, научное изслѣдованіе законовъ и силъ природы есть только стремленіе къ познанію безконечнаго ([1]). Потому-то всѣ истинно великіе и безпристрастные натуралисты, каковы бы ни были ихъ частные взгляды на природу, какъ-бы ясно и отчетливо они не уразумѣвали прежде таинственыя силы и законы ея, начало міра всегда признавали и признаютъ дѣломъ высшей, премудрой и и всемогущей силы, выражая при этомъ глубокое благоговѣніе предъ непостижимымъ величіемъ Творца вселенной. И развѣ, кромѣ того, истина Божественнаго Откровенія чуждалась когда-либо свѣта науки,—боялась ея изслѣдованій? Развѣ истина Его повѣствованія перестанетъ быть истиною потому только, что ее начинаютъ болѣе и болѣе приближать къ своему разумѣнію, анализируя ее съ разныхъ сторонъ? Очевидно, объясняя твореніе или космическое образованіе земли естественнымъ образомъ, геологія также мало опровергаетъ истину происхожденія всѣхъ вещей исключительно и всецѣло отъ одного Бога—Творца міра, какъ мало другія естественныя науки, занимающіяся настоящимъ состояніемъ видимаго міра, опровергаютъ ту непоколебимую истину, что все въ мірѣ держится премудрымъ и всеблагимъ Божественнымъ Промысломъ,—объясняя явленія видимаго міра дѣятельностію естественныхъ силъ, по законамъ естественной необходимости, кото-

---

([1]) Естественная исторія мірозданія, съ нѣмецкаго перевода К. Фогта, пер. А. Панаховскій, 1863 г. стр. 11—12, 107—113; срав. Христіанское Чтеніе, 1861 г. мартъ, стр. 196—207.

рая безъ воли Божіей, конечно, не была бы и естественною необходимостію ([1]). Вся сущность дѣла—въ томъ, что Творецъ дѣйствовалъ при образованіи земли и всего, что есть на ней, хотя и непосредственно—силою Своего всемогущества, но не безъ участія и силъ природы, Имъ же Самимъ созданныхъ и сохраняемыхъ, и служившихъ Ему орудіемъ для достиженія Его премудрыхъ цѣлей. Съ этой-то, такъ сказать, естественной и видимой стороны твореніе нашей земли и изслѣдуется геологіею,—и она, объясняя событія творенія естественнымъ образомъ, отнюдь не отвергаетъ и неможетъ отвергать (отвергаютъ только геологи—матеріалисты, а не лучшіе и безпристрастнѣйшіе представители этой науки) того, что первой причиной этихъ событій была всемогущая Сила Творца. Бюхнеръ, отвергая эту первую причину въ твореніи, также далекъ и отъ науки—геологіи, какъ далекъ отъ Богооткровенной истины. Сказать, какъ говоритъ онъ, что силы природы *вѣчны, самобытны* и *независимы,* что онѣ составляютъ первую причину всего существующаго, а сами существуютъ безъ причины,—не значитъ-ли въ самомъ дѣлѣ, дѣлать злоупотребленіе наукою,—злоупотребленіе самое насильственное и противоестественное? Какой же благоразумный натуралистъ—геологъ, не выходя изъ границъ своей науки, можетъ принять эти основныя метафизическія положенія матеріализма Бюхнера? Между тѣмъ, на этихъ-то фальшивыхъ положеніяхъ матеріализма и основывается собственно та мнимая побѣда матеріалистической науки надъ вѣрованіемъ въ Сверхъестественную Творческую Силу, о которой

([1]) Православное догматическое богословіе, преосвящ. Макарія, т. II, § 112.

провозглашаетъ Бюхнеръ. Но кто же, кромѣ Бюхнера и его собратій по убѣжденіямъ, можетъ серьёзно считать это побѣдою?

Но обратимся къ самымъ даннымъ геологіи.—Не будемъ спорить противъ того мнѣнія Бюхнера, что исторія образованія нашей земли, какъ она является предъ судомъ науки, дѣйствительно, быть можетъ и проста и однообразна. Это еще ничего не представляетъ въ пользу матеріалистическихъ тенденцій Бюхнера, какъ онъ разсчитываетъ. Простота и безъискуственность въ такомъ сложномъ организмѣ, какова наша земля, есть скорѣе ясное свидѣтельство о великой мудрости того Художника, Который образовалъ ее. Пусть спроситъ Бюхнеръ у механика: какой лучшій и болѣе совершенный и прочный изъ двухъ устроенныхъ для выполненія одной и той же цѣли механизмовъ—тотъ-ли, который отличается простотою и однообразіемъ своихъ составныхъ частей, или тотъ, который отличается многосложностію и искуственностію ихъ? Не спеціалистъ—механикъ только, но и каждый здравомыслящій, конечно, заявитъ свое одобреніе въ пользу перваго.—Не будемъ также входить въ разборъ самыхъ данныхъ геологіи объ образованіи нашей планеты, насколько онѣ видимо противорѣчатъ, или согласуются вполнѣ со сказаніемъ Божественнаго Откровенія о твореніи нашего земнаго міра.—Наша ближайшая цѣль—показать: дѣйствительно-ли, какъ говоритъ Бюхнеръ, и нашъ земной міръ, подобно всей вселенной, есть также только *механизмъ*, никому болѣе необязанный своимъ происхожденіемъ, кромѣ механическаго дѣйствія мертвой матеріи и ея силъ?

Есть въ исторіи образованія нашей планеты, какъ изображаетъ эту исторію современная геологія, одно

замѣчательное, прежде всего бросающееся въ глаза, явленіе, которое постоянно выставляетъ на видъ и самъ Бюхнеръ ([1]), хотя намѣренно или ненамѣренно не удѣляетъ ему никакого вниманія: это прогрессивное, восходящее постепенно все выше и выше развитіе на ней всего того неисчерпаемаго богатства явленій жизни органической и неорганической, какое мы видимъ нынѣ на ней. Въ этомъ отношеніи вся исторія нашей планеты представляетъ для испытующаго геолога преемственныя, въ строгой связи и порядкѣ слѣдующія одна за другою ступени образованія и развитія, въ которыхъ первое служитъ основаніемъ втораго, низшее—средствомъ къ существованію и развитію высшаго,—всюду господствуетъ законность и порядокъ, цѣлесообразность и гармонія, которыя поддерживаютъ существованіе цѣлаго и въ тоже время, однако, отдѣльнымъ членамъ его предоставляютъ соотвѣтственную ихъ природѣ, какъ и природѣ цѣлаго, свободу и самостоятельность на пути къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію. Бюхнеръ, повторяемъ, самъ постоянно выставляетъ на видъ это прогрессивное развитіе нашей планеты, хотя и не хочетъ, впадая въ противорѣчіе съ самимъ же собою, признать въ исторіи ея ни плана, ни порядка, ни стройности.—Что же значитъ это явленіе! Сказать, какъ и долженъ, дѣйствительно, сказать Бюхнеръ, съ точки зрѣнія своего механическаго атомизма,—что оно есть только слѣдствіе случайнаго, механическаго круговращенія элементовъ,—значитъ поставить здравый разумъ въ борьбу съ множествомъ неразрѣшимыхъ чудесъ и загадокъ. Матерія и сила, сами по себѣ, не

([1]) См. Force et Matière „Génération primitive“.

знаютъ никакого плана въ своей дѣятельности; онѣ не преслѣдуютъ никакихъ намѣреній и цѣлей; законы, управляющіе движеніями матеріи, суть законы вѣчные и неизмѣнные; необходимость абсолютная и непреодолимая господствуетъ надъ матеріею: вотъ основныя аксіомы матеріалистической философіи самаго же Бюхнера.—Будемъ же судить его отъ собственныхъ его устъ. Мыслимое-ли дѣло,—спросимъ прежде всего,—чтобы матерія и сила, никогда не дѣйствующія по плану, не преслѣдующія никакихъ намѣреній и цѣлей, могли вдругъ развивать въ себѣ и изъ себя самый строгій, и притомъ прогрессивно-восходящій къ высшимъ, совершеннѣйшимъ формамъ, порядокъ,—нѣчто само въ себѣ стройное цѣлое? Основной законъ матеріи—*инерція*, бездѣйственность; откуда же развилась въ ней такая широкая дѣятельность,—и притомъ дѣятельность *прогрессивная*, совершенствующаяся въ каждый періодъ своего развитія? На взглядъ здраваго, непредубѣжденнаго разума здѣсь между причиною и слѣдствіемъ нѣтъ никакихъ аналитически—понятныхъ отношеній. Чего нѣтъ въ причинѣ, того не можетъ быть и въ дѣйствіи. Никакія случайности, которыми пользуется въ подобныхъ затруднительныхъ положеніяхъ Бюхнеръ, не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Случай—пустое слово, которымъ прикрывается всегда только не знаніе дѣйствительной причины того или другого явленія, генетической связи его съ другими явленіями. Въ разсматриваемомъ нами теперь обстоятельствѣ случай есть только другое имя для какой-то иной, высшей и именно *разумной* Силы, дѣйствующей по опредѣленному плану. Обстоятельство это необходимо предполагаетъ, что элементамъ, по самой сущности и отъ начала, было при-

суще свойство, по которому необходимымъ образомъ, безпорядочныя и несоотвѣтственныя для цѣли комбинаціи ихъ должны были изчезать и давать мѣсто новымъ, болѣе совершеннымъ и гармоническимъ соединеніямъ,— что они, другими словами, отъ начала были предопредѣлены и приноровлены для вступленія въ законосообразныя упорядоченныя, гармоническія соединенія и расчлененія, и при томъ къ достиженію опредѣленной цѣли. Откуда же могли получить такое удивительное свойство матеріальные элементы? Еще болѣе: могли ли онѣ, если даже и имѣли сами-это свойство, развить самостоятельно, механически весь тотъ порядокъ, какой господствуетъ въ настоящее время на землѣ? Сообщить это свойство матеріальнымъ элементамъ могло, очевидно, только Существо всемогущее и разумное; равно какъ только при постоянномъ и непосредственномъ содѣйствіи этого Существа онѣ могли развить и этотъ видимый нами порядокъ въ мірѣ. Матерія сама по себѣ, незнаетъ ни совершенства, ни несовершенства: она слѣдуетъ въ своихъ соединеніяхъ однимъ механико-химическимъ влеченіямъ,—приведутъ-ли онѣ ее къ формамъ совершеннымъ или несовершеннымъ,—до этого ей дѣла нѣтъ. Посему, сама по себѣ, она никогда не могла бы выдти изъ хаотическаго круговращенія, и развить что-нибудь стройное цѣлое; случайный порядокъ и стройность формъ органической и неорганической жизни одного періода могъ также случайно смѣнить опять хаотическій безпорядокъ другого, и все прежнее, такимъ образомъ, разсыпать въ прахъ. Ужъ не предположить-ли *творящую волю* въ природѣ, какъ этого требуетъ Фрауенштедтъ (¹)? Но тогда матеріализмъ

(¹) „Несостоятельность матеріализма", стр. 235. (Труды кіев. дух. академіи 1864 г. Іюнь).

превращается въ натурализмъ,—и натурализмъ самый крайній. Но допуская эту преемственную смѣну однихъ формъ другими,—смѣну, хотя бы безпорядочную, мы дѣлаемъ еще большую уступку Бюхнеру.—Оставаясь строго вѣрными и послѣдовательными матеріалистическимъ началамъ его системы, мы должны отвергнуть совершенно какую бы-то ни было преемственность формъ, такъ называемыхъ космогоническихъ періодовъ. Если матеріальные элементы составляютъ единственное начало всѣхъ вещей,—и ихъ свойства и образъ дѣйствія, какъ учитъ Бюхнеръ, *неизмѣнны*,—необходимость абсолютная и непреодолимая господствуетъ надъ ними, то рѣшительно не понятно, какъ замѣчаетъ Фрауенштедтъ, почему они вѣчно не имѣютъ *одного и того же результата*, почему въ разныхъ періодахъ земли господствуютъ столь различныя формы и отношенія,—почему-прибавимъ съ своей стороны, могли имѣть мѣсто и самые эти періоды (1)? Неизмѣняющіяся причины должны всегда неизмѣнно имѣть одни и тѣже дѣйствія: потому-то при механической необходимости и неизмѣнности дѣйствія элементовъ рѣшительно непонятны различныя соединенія и группированія ихъ. Послѣдовательный матеріализмъ, какъ это доказалъ Кцольбе, есть рѣшительный врагъ всякой *космогоніи;* и Бюхнеръ, въ силу собственнаго своего метафизическаго принципа—механическаго атомизма и законовъ его дѣятельности, долженъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Кцольбе, что настоящій міровой порядокъ *вѣченъ* и *постояненъ*, что земля, со всѣмъ богатствомъ явленій органическихъ и

---

(1) „Несостоятельность матаріализма“, стр. 216. (Труды кіев. дух. академіи 1864 іюнь).

неорганическихъ, не имѣетъ исторіи развитія, что все въ природѣ твердо и постоянно,—и никакое чудо не въ состояніи нарушить ея естественнаго и необходимаго образа дѣйствованія ([1]). Механизмъ и развитіе—два понятія, совершенно исключающія одно другое. Механизмъ можно разрушить и дать ему новую форму, но самъ по себѣ механизмъ никогда не въ состояніи измѣнить естественнаго и необходимаго образа дѣйствованія, какъ скоро дана ему извѣстная, опредѣленная форма,—прибавить хотя одинъ зубецъ къ своимъ прежнимъ частямъ. Наглядный примѣръ этого въ самой природѣ представляетъ кристаллизація тѣлъ, въ которыхъ химическіе элементы всегда соединяются между собою въ неизмѣнныхъ, точно опредѣленныхъ пропорціяхъ,—образуютъ собою постоянно одни и тѣже кристаллическія формы, и грани этихъ тѣлъ никогда не смѣшиваются между собою. Бюхнеръ, стало быть, настаивая, съ одной стороны, на механическомъ образованіи нашей планеты путемъ единственно механическаго дѣйствія матеріальныхъ элементовъ и ихъ силъ и расказывая въ тоже время, съ другой стороны, исторію развитія ея, ея прогрессивное совершенствованіе, разрушаетъ одною рукою то, что самъ созидаетъ другою, — говоритъ въ одно и то же время, на одинъ и тотъ же вопросъ и *да* и *нѣтъ!* Очевидно, это постепенное развитіе нашего земнаго міра, его прогрессивное совершенствованіе никакимъ образомъ не примиримо съ его механическимъ міровоззрѣніемъ, совершенно необъяснимо въ предѣлахъ исключительно его механи-

([2]) Neue Darstellung des Sersualismus. Ein Entwurf tt. Dr. Czolbe, Leipzig, 1855 г. S. 162.

ческаго атолизма. Гдѣ же должна искать наука объясненія этого замѣчательнаго явленія въ исторіи нашей планеты? Её подаетъ намъ Божественное Откровеніе, повѣствуя иамъ, что нашъ земный міръ есть твореніе Премудраго и Всемогущаго Бога, Который *Самъ непосредственно,* хотя, конечно, и не помимо естественныхъ силъ и законовъ природы, раскрываетъ постепенно все неисчерпаемое разнообразіе жизни и явленіи на немъ,— Самъ совершилъ украшеніе неба и земли, возводя послѣдовательно отъ совершенства къ совершенству, и каждый разъ какъ-бы утверждая эти совершенства особеннымъ выраженіемъ одобренія своей Творческой Премудрости: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло* (Быт. 31 ст.) Пусть Бюхнеръ, въ слѣдъ за геологами, насчитываетъ тысячи, милліоны вѣковъ, въ теченіе которыхъ будто бы совершилось это образованіе нашей планеты (¹), это будетъ служить для насъ только живымъ, наглядным доказательствомъ всемогущества Творца, Который въ одно мгновеніе или нѣсколько дней могъ совершить то, что ограниченный разумъ человѣческій можетъ измѣрять тысячами и милліонами вѣковъ; но если не Бюхнеръ, то, покрайней мѣрѣ, сама безпристрастная наука не можетъ не признать, не идя наперекоръ собственнымъ изслѣдованіямъ и началамъ здраваго разума, постояннаго дѣятельнаго участія Верховнаго Зиждителя, въ этомъ образованіи дѣйствовавшаго по опредѣленному плану и къ достиженію опредѣленной цѣли.—Оставаясь при однихъ не произвольныхъ, механико-химическихъ дѣйствіяхъ матеріи и силы, наука неизбѣжно должна заблудиться въ неисход-

(¹) Force et Matière, pp. 55—61.

ныхъ противорѣчіяхъ и гипотезахъ, превратить весь міръ въ міръ неразрѣшимыхъ чудесъ и загадокъ.—Къ такому именно печальному положенію и стремится привести геологію современный матеріализмъ и подобные его представители, какъ Бюхнеръ, которые, подъ видомъ добродушной услуги, наносятъ наукѣ несомнѣнную смерть. И нашъ земной міръ, какъ и вся вселенная, есть Господня земля, отъ Него получившая свое бытіе и доселѣ Имъ же животворимая. Отвратитъ Онъ, Всеблагій, лице Свое и всяческая возмятутся!

Мы взглянули доселѣ на окружающій насъ міръ въ его цѣломъ, безотносительно къ тѣмъ или другимъ частнѣйшимъ сторонамъ его. Обращаясь теперь къ этимъ сторонамъ, мы имѣемъ въ нихъ еще болѣе наглядныя доказательства того, что міръ не есть произведеніе однихъ механико-физическихъ силъ, какъ говоритъ Бюхнеръ, но есть созданіе Живаго, Премудраго, и Всемогущаго Творца—Бога. Имѣя въ виду эти доказательства, мы разберемъ съ тѣмъ вмѣстѣ и два существенныхъ вопроса въ системѣ Бюхнера — вопросъ о жизненной силѣ и конечныхъ причинахъ.

III.

Всюду въ мірѣ видимъ мы прежде всего разлита жизнь—жизнь не только органическая, но и духовная, разумная. Съ перваго взгляда, такимъ образомъ, міръ является предъ нами не мертвымъ механизмомъ, какъ увѣряетъ насъ матеріализмъ, а *живымъ организмомъ*, въ которомъ жизнь кипитъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Откуда же явилась, спрашиваемъ мы, эта

разнообразная органическая жизнь, чѣмъ она поддерживается и по какимъ законамъ развивается, если окружающій насъ міръ есть только механизмъ, развивающійся и дѣйствующій по однимъ механико-химическимъ законамъ (1)?

Понятно, какъ рѣшаетъ Бюхнеръ или, по крайней мѣрѣ, какъ долженъ рѣшить этотъ вопросъ согласно своему механическому принципу.—Міръ есть механизмъ; слѣдовательно, и органическая жизнь въ немъ есть также продуктъ механическаго движенія матеріальныхъ элементовъ, или физико-химическихъ силъ, присущихъ имъ (2). Впрочемъ и здѣсь, какъ въ ученіи объ образованіи нашей планеты, Бюхнеръ опять, повидимому, преслѣдуетъ двѣ цѣли, какъ бы предлагая своимъ послѣдователямъ два матеріалистическихъ догмата, вѣрить въ которые предоставляется на выборъ—который изъ нихъ кому болѣе нравится и болѣе гармонируетъ съ собственными убѣжденіями. Именно: съ одной стороны Бюхнеръ соглашается допустить забытую, давно уже отжившую въ наукѣ гипотезу о предсуществованіи органическихъ зародышей, изъ которыхъ будто бы, при наступившихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, развились существующіе нынѣ организмы и вообще жизнь органическая, какъ растительная, такъ и животная. Основаніе для этой гипотезы онъ видитъ въ законѣ Гарвея: omne vivum ex ovo,—законѣ, который онъ самъ не могъ не признать закономъ общимъ и, повидимому, абсолютно—господствующимъ при современномъ порядкѣ вещей (3); игнорировать этотъ

(1) Вопросъ о жизни духовно-разумной или о душѣ будетъ разобранъ въ отдѣльной главѣ.

(2) Natur und Geist.

(3) Force et Matière, p. 68.

извѣстный и коренной законъ размноженія существъ современнаго органическаго міра было невозможно,—и Бюхнеру пришлось, такимъ образомъ, рѣшать извѣстную загадку Пиѳагора: „что было прежде, курица или яйцо? Откуда взялась курица, положившая первое яйцо, или появилось яйцо, изъ котораго вылупилась первая курица?“ Бюхнеръ рѣшаетъ эту загадку такъ, что прежде было яйцо, изъ котораго потомъ вылупилась первая курица. Откуда же теперь,—естественный вопросъ,—взялось это первое яйцо,—или, вообще, какъ явились органическіе зародыши, одаренные притомъ еще, какъ говоритъ Бюхнеръ, *идеею вида* (1)? Зародыши эти существовали, говоритъ Бюхнеръ, отъ вѣчности въ пространствѣ вселенной, низпали потомъ на землю, послѣ охлажденія и образованія ея, и случайнымъ образомъ развились на ней въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ, когда и гдѣ представлялись къ тому благопріятныя и необходимыя внѣшнія условія (2). Мы выставляемъ на видъ эту причудливую гипотезу Бюхнера не какъ предметъ серьёзный борьбы для современной науки,—этого она вовсе не заслуживаетъ,—а какъ образецъ тѣхъ недобросовѣстныхъ увертокъ его, когда дѣло идетъ о жизни или смерти его idea fixa. Новѣйшая органическая химія совершенно опровергла Бюффонову идею о матеріи собственно органической,—доказала, что въ природѣ нѣтъ ни существенно-мертвой, ни существенно-живой матеріи, такъ какъ тѣла органическія и неорганическія разнятся не химическими составными началами, а формою. Даже, такъ называемыя тройныя или четверныя соединенія вещества вовсе не составляютъ сущности органическаго, но остаются мертвыми хими-

(1) Ibid p. 71; Natur und Geist S. 231.
(2) Force et Matière, p. 511.

ческими соединеніями, пока существуютъ въ видѣ безформенныхъ веществъ, какъ-то: маслянистыхъ веществъ, смолъ, кислотъ, олкалоидовъ ([1]). Въ этомъ, впрочемъ, вполнѣ убѣжденъ и самъ Бюхнеръ,—и его гипотеза предсуществованія зародышей стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ общею системою его матеріалистическихъ вѣрованій. Выставленная же имъ *идея вида*, соприсущая будто-бы зародышу, представляетъ собою начало, выходящее изъ предѣловъ всѣхъ данныхъ матеріализма. Многорѣчивый защитникъ матеріализма впадаетъ, очевидно, въ этомъ случаѣ, самъ того не замѣчая, въ идеализмъ,—въ увлеченіи поражаетъ на смерть самъ себя. Словомъ: допустить подобную нелѣпую гипотезу заставило Бюхнера, какъ самъ же онъ даетъ понять это, одно только фанатическое упорство противъ необходимости признанія Творческой Силы Божіей для объясненія происхожденія органической жизни на землѣ ([2]). Вслѣдъ за этой гипотезой онъ высказываетъ свой настоящій взглядъ на происхожденіе органическихъ существъ на землѣ и тѣ силы, какія лежатъ въ основѣ жизни этихъ существъ. „Положительные факты, говоритъ онъ, доказываютъ съ очевидностію, что органическія существа, населяющія землю, обязаны своимъ существованіемъ и размноженіемъ только взаимодѣйствію матеріи и силъ физическихъ. Природѣ неизвѣстны ни начало сверхъестественное, ни дѣйствія сверхъестественныя; она сама есть начало и конецъ,

---

([1]) Lehrbuch der Organische Chemie oder der Chemie der Kohlenstoffsverbindungen, a Kehüle, Erlangen, 1859 г. S. 10; срав. Физіологія обыденной жизни, соч. Г. Льюиса т. II, стр. 345—346; Die Neueste Vergötterung A. Weber, S. 46.

([2]) Force et Matière, p. 71.

рожденіе и смерть, сама все созидаетъ и снова беретъ къ себѣ“ (¹). Бюхнеръ, такимъ образомъ, рѣшительный врагъ, такъ называемой, жизненной силы; противъ нея онъ возстаетъ съ особенной энергіею и въ пораженіи ея видитъ блестящую побѣду современной физіологической науки. Матерія съ соприсущими ей физико-химическими силами—вотъ основа органическаго, какъ и всякаго бытія на землѣ (²)! Установляя такой взглядъ на происхожденіе органической жизни и лежащія въ основѣ ея силы, Бюхнеръ становится твердо на своей матеріалистической почвѣ и борьба съ нимъ дѣлается уже серьезною и настоятельно-необходимою. Вопросъ о жизни или жизненной силѣ, какъ самостоятельномъ принципѣ органическихъ существъ, составляетъ пунктъ, гдѣ спиритуализмъ и матеріализмъ соприкасаются самымъ тѣснымъ образомъ, и неудивительно, посему, если матеріалисты нападаютъ на него съ особенною энергіею; на этомъ пунктѣ матеріализмъ завоевываетъ себѣ права на дальнѣйшее приложеніе своихъ принциповъ въ области Психологіи; на немъ сосредоточивается, говоритъ Фихте, центръ тяжести всего натуралистическаго взгляда, съ нимъ онъ стоитъ или падаетъ (³). Все это очень хорошо понимаетъ и Бюхнеръ и потому также употребляетъ всѣ правыя и неправыя средства отстоять этотъ пунктъ въ своей системѣ. Чѣмъ же именно, посмотримъ, онъ отстаиваетъ его.

На первомъ планѣ стоитъ, по мнѣнію Бюхнера, слѣ-

(¹) Force et Matière, p. 72—89.

(²) Ibidem, p. 219—230.

(³) „Die Seehnlehre des Materialismus, I. H. Fichte, ers. art. S. 67 (Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, herausg. von Dr. I. H. Fichte, 1854. Bd. XXV).

дующее основаніе не принимать жизненной силы, какъ особаго организующаго начала: химія доказала съ очевидностію, говоритъ онъ, что матеріальные элементы міра органическаго и неорганическаго всюду совершенно одни и тѣже, что жизнь, въ своемъ существованіи и развитіи своихъ явленій, не можетъ прибавить ни одного матеріальнаго атома, который бы равно не находился и въ мірѣ неорганическомъ и не проявлялъ своего дѣйствія въ кругу метаморфозъ матеріи. Достаточно этого одного факта, говоритъ Бюхнеръ, чтобы изгнать изъ науки понятіе жизненной силы; потому что сила есть свойство матеріи ([1]). Что сказать объ этомъ химическомъ основаніи? Скажемъ прежде всего то, что избирать химію посредницею въ рѣшеніи разбираемаго нами вопроса, а тѣмъ болѣе на ея данныхъ основывать весь свой приговоръ—не раціонально и несправедливо. Несправедливо, во-первыхъ, потому, что, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи науки совершенно невозможно установить никакого отношенія вообще между жизненными свойствами тѣлъ и ихъ химическимъ составомъ; ткани или органы, надѣленные самыми различными жизненными свойствами, иногда совершенно сходны съ точки зрѣнія ихъ элементарнаго химическаго состава. Такимъ образомъ, нить вопроса о сущности жизненныхъ явленій обрывается въ рукахъ химика на первыхъ же шагахъ его изслѣдованій. Далѣе, химія—слова Либиха, одного изъ первыхъ современныхъ авторитетовъ въ области Химіи, можетъ только анализировать, т. е. разлагать тѣла на ихъ элементы, но она не можетъ познать *расположенія*

([1]) Force et Matière, p. 219.

этихъ элементовъ, между тѣмъ на немъ, а на не самыхъ элементахъ, основывается сущность вещей. Тѣже самые три элемента: углеродъ, кислородъ и водородъ, и даже въ равныхъ пропорціяхъ, образуютъ какъ молочный сахаръ, такъ и кислую капусту и хлопчатую бумагу. Также точно стрихнинъ, хининъ, теинъ, кофеинъ и даже кровь, при химическомъ анализѣ, оказываются содержащими въ равной мѣрѣ углеродъ, азотъ и элементы воды. Причины ихъ различія заключаются, поэтому, *лишь во внутреннемъ расположеніи*, *а для познанія его напрасенъ всякій анализъ* (1). По отношенію къ разбираемому нами вопросу, смыслъ этихъ словъ знаменитаго химика, очевидно, тотъ, что химія разсматриваетъ органическія и неорганическія тѣла, какъ уже готовое данное, можетъ опредѣлить, путемъ своего анализа, сумму и качество составныхъ элементовъ ихъ, но никакимъ образомъ не можетъ браться за рѣшеніе самой сущности органическихъ тѣлъ, за объясненіе жизненныхъ свойствъ организмовъ, такъ какъ это послѣднее совершенно выходитъ изъ предѣловъ всѣхъ данныхъ химіи. Самая-то, такъ сказать, *суть* органическихъ тѣлъ—особенность въ расположеніи этихъ элементовъ, ихъ *форма*—неподдаются никакому химическому анализу. Такимъ образомъ, будетъ правильнѣе сказать, что химія, сама по себѣ, хранитъ полнѣйшій нейтралитетъ въ спорѣ между виталистами и антивиталистами. Она не можетъ стать рѣшительно на сторонѣ первыхъ, потому что она имѣетъ дѣло не съ силами, никогда недоступными для ея анализа, дающими ту или другу форму химическимъ соединеніямъ, но единственно

(1) Матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма, стр. 22—23.

съ матеріальными элементами и пропорціями соединенія ихъ въ данномъ случаѣ, равно какъ съ тѣмъ вмѣстѣ съ различными *услоіями* ихъ соединенія. Между тѣмъ, собственно *форма* и дѣлаетъ организмы тѣмъ, что они есть; организмы, разложенные на свои элементы, перестаютъ быть организмами. Но химія не можетъ также быть дѣятельною союзницею, какъ этого надѣется матеріализмъ, и для послѣднихъ—антивиталистовъ— на томъ лишь основаніи, что тѣла органическія и неорганическія состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ и часто въ однѣхъ и тѣхъ же пропорціяхъ, потому что химическіе элементы составляютъ только *матеріалъ*, но не самое начало жизни, о которомъ собственно и идетъ рѣчь въ спорѣ между виталистами и антивиталистами. Въ предѣлахъ міра явленій мы нигдѣ не видимъ жизни безъ матеріи, но эта зависимость еще вовсе не значитъ, чтобы первая была продуктомъ послѣдней, какъ вообще взаимная зависимость двухъ вещей не означаетъ ихъ тожества. Какъ мало сама жизнь можетъ привести изъ небытія въ бытіе, прибавить отъ себя хотя одинъ атомъ къ существующей матеріи, сколь бы могущественно она ни дѣйствовала на нее въ своей сферѣ дѣятельно'иcэ также мало матеріальные элементы, единствено путемъ своихъ механико-химическихъ комбинацій, могутъ произвести жизнь и послѣдняя можетъ быть объяснена изъ первыхъ. Пусть химія еще большими и блистательнѣйшими доказательстнами, чѣмъ теперь, подтвердитъ, что тѣла органическія и неорганическія состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, и часто въ однѣхъ и тѣхъ же пропорціяхъ, тѣмъ не менѣе, оставаясь строго вѣрною своимъ научнымъ началамъ, она никогда сама по себѣ не можетъ вывести отсюда заключенія, чтобы жизнь

органическая была простымъ продуктомъ многосложныхъ механическихъ комбинацій этихъ элементовъ, не можетъ потому, что химическій элементарный анализъ, говоритъ Либихъ, не представляетъ никакихъ данныхъ къ обсужденію или объясненію свойствъ органическихъ соединеній ([1]). Для точнаго химика, наблюдающаго особыя сочетанія элементовъ въ органическихъ существахъ, всегда остается настоятельною, хотя и неразрѣшимою для него задачею—найти того таинственнаго дѣятеля, который составляетъ причину этихъ особенныхъ не химическихъ явленій въ этихъ существахъ ([2]). Бюхнеръ думаетъ очень просто замѣнить этого дѣятеля тѣмъ, что называетъ жизнь свойствомъ матеріи, такъ какъ всякая сила составляетъ, по его понятіямъ, ея свойство. Но эта пресловутая аксіома Бюхнера, ложная, какъ мы видѣли, въ самомъ своемъ принципѣ, въ приложеніи къ органической жизни оказывается еще не состоятельнѣе. Если жизнь есть свойство матеріи, то почему же только нѣкоторыя тѣла одарены жизнію, а не всѣ? Почему, далѣе, матеріальные элементы теряютъ это свойство въ смерти и разрушеніи организма? Едва ли кто нибудь назоветъ живымъ организмомъ мертвый трупъ, въ которомъ все начинаетъ разлагаться и раздѣляться одно отъ другого, что прежде взаимно поддерживалось. Всякое дѣйствіе должно имѣть свою достаточную причину: какая же причина этого перехода организма изъ одного состоянія въ другое, если жизнь есть свойство самой матеріи? Должно быть съ этимъ свойствомъ тутъ происходитъ совершенно другое обстоя-

---

([1]) Матеріалы для разоблаченія матер. нигилизма стр. 23.

([2]) Матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма, стр. 24—25.

тельство, чѣмъ съ физико-химическими свойствами или силами, которыхъ матеріальные элементы никогда не теряютъ. Естественно думать, что въ смертномъ разложеніи организма уничтожается и потухаетъ какая-то особенная сила, которая дѣйствовала при жизни его, что жизнь, другими словами, отнюдь не составляетъ простаго свойства матеріальныхъ элементовъ. Утверждая это мнѣніе, Бюхнеръ полагаетъ новую, совершенно произвольную аксіому въ основаніе своей системы, принять которую не можетъ ни физіологія, ни тѣмъ болѣе химія, на анализъ которой ссылается онъ ([1]). Въ химіи не анализъ составляетъ доказательство синтеза, а наоборотъ, синтезъ оправдываетъ и подтверждаетъ собою выводы анализа.

Но говоря, что химія не можетъ быть посредницею въ рѣшеніи вопроса о существованіи особаго органическаго начала, мы хотѣли только этимъ опредѣлить тѣ границы, въ которыхъ вращаются ея научныя изысканія и сужденія, но отнюдь не хотѣли сказать этимъ, по примѣру прежнихъ физіологовъ, чтобы силы механическія и химическія и жизнь органическая взаимно себя исключали, или чтобы послѣдняя не нуждалась и даже положительно подавляла первыя. Это была бы такая же непозволительная крайность со стороны защитника жизненной силы, какъ непозволительна противоположная ей крайность матеріализма, что жизнь вообще есть только сложный химическій процессъ. Необходимы для жизни матеріальные элементы; необходимы также для жизненныхъ явленій и физико-химическія силы, дѣйствующія въ этихъ элементахъ, такъ что,

---

([1]) Menscheseele und Phisiologie. Eine Streitschrift gegen Profes. C. Vogt, Dr. I. Frohschammer, München, 1855, Ss. 98—99.

какъ говоритъ Клодъ Бернаръ, напряженіе физико-химическихъ явленій, происходящихъ въ живомъ существѣ, можетъ служить мѣрою напряженія его жизненныхъ явленій (1). На этотъ случай мы можемъ воспользоваться данными, собранными самимъ же Бюхнеромъ, и сказать, за одно съ нимъ и другими противниками жизненной силы, что никакая жизненная дѣятельность невозможна безъ непрестаннаго и сложнаго дѣйствія химическихъ притяженій, что всѣ виды молекулярныхъ сочетаній и разложеній встрѣчаются и въ живомъ тѣлѣ, что всякое питаніе, отдѣленіе и движеніе зависитъ отъ химическихъ процессовъ (2). „Нѣтъ силъ, говоритъ Либихъ, болѣе близкихъ, какъ сила химическаго сродства и жизненная сила. Мы знаемъ, что химическія дѣйствія происходятъ повсюду, гдѣ вообще соприкасаются между собою тѣла разнородныя; а потому предположить, что одна изъ могущественнѣйшихъ силъ природы не принимаетъ участія въ процессахъ, совершающихся въ живомъ организмѣ, хотя при этомъ и соединены всѣ тѣ условія, при которыхъ высказывается ея дѣятельность, предложить это было бы противно всѣмъ правиламъ изслѣдованія природы (3)". Но значитъ ли опять все это, что *жизнь* вообще есть не болѣе, какъ химическій процессъ? Бюхнеръ, утверждая это, опять понимаетъ условную зависимость и совмѣстную дѣятельность двухъ силъ, какъ ихъ тожество, или такое отношеніе, по которому одна изъ нихъ есть про-

---

(1) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 96.

(2) Force et Matière, pp. 222—227; Физіологія обыденной жизни, Г. Льюиса, т. II, стр. 346—347.

(3) „Письма о химіи" Ю. Либиха. Перев. П. Алексѣева, т. I. Спб. 1861 г. стр. 20—21.

дуктъ другой. Но кто же, логически разсуждающій, согласится съ такимъ страннымъ, чтобы не сказать болѣе, пониманіемъ дѣла? Подобная путаница понятій, которою страдаетъ не одинъ Бюхнеръ, а люди и болѣе умѣренные, происходитъ въ этомъ случаѣ именно отъ того, что, при необыкновенной близости и совмѣстности силы органической и химическаго сродства, не даютъ себѣ труда — въ точности разграничить дѣйствія одной изъ нихъ отъ другой. „Между тѣмъ, говоритъ Либихъ, если мы различимъ дѣйствія, принадлежащія силѣ химическаго сродства отъ дѣйствій жизненной силы, то будемъ находиться на пути къ пріобрѣтенію понятія о природѣ послѣдней (1)". Жизнь органическая развивается въ тѣсной связи съ общею жизнію природы и даже въ прямой, положительной зависимости отъ нея, а потому частные моменты ея могутъ быть совершенно справедливо сведены къ тѣмъ или другимъ физико—химическимъ процессамъ, дѣйствующимъ и въ природѣ неорганической, таковы въ особенности разныя физико-химическія условія такъ называемой внутренней или физіологической среды организмовъ (2). „Въ процессѣ дыханія, какъ извѣстно, говоритъ Либихъ, въ каждую секунду мы видимъ, дѣйствительно, химическую силу кислорода въ полной своей дѣятельности; также точно мочевина, аллантоинъ, кислота, находящіяся въ муравьяхъ и водяныхъ жукахъ, щавелевая кислота, летучее масло валерьяноваго корня и другихъ суть продукты жизненнаго процесса, но надобно спросить, составляютъ ли они продукты собственно жизненной силы? При помо-

(1) Письма о химіи, стр. 21.

(2) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, пер. Н. Страхова, стр. 153—157.

щи химической силы мы въ состоянiи получить всѣ эти соединенiя: изъ помета змѣй и птицъ, путемъ чисто химическимъ, получается кристаллическое вещество аллантоической жидкости коровы, изъ объугленной крови мы приготовляемъ мочевину; изъ древесныхъ опилокъ—сахаръ, муравьиную и щавелевую кислоту, изъ корня ивы—летучее масло (Spiraea Ulmaria), изъ картофеля — летучую маслообразную кислоту валерьяноваго корня. Этихъ опытовъ достаточно, продолжаетъ Либихъ, чтобы имѣть право надѣяться на то, что намъ удастся получить *хининъ*, *морфинъ*, соединенiя, изъ которыхъ состоятъ яичный бѣлокъ и волокна мускуловъ, со всѣми ихъ свойствами. Но никогда химiя не воспроизведетъ въ своей лабораторiи клѣточки, мускульнаго волокна, нерва, словомъ сказать дѣйствительно органической, одаренной жизненой силой частицы организма, или самаго организма (¹)". Отсюда становится совершенно понятнымъ и то, какъ напрасно Бюхнеръ видитъ торжество своего механико-химическаго начала жизни въ томъ, что химикъ въ своей лабораторiи можетъ произвести многiя соединенiя, которыя встрѣчаются только въ организмахъ и вообще считались и считаются соединенiями *органическими*, каковы: разныя кислоты органическiя, сахаръ виноградныхъ ягодъ, тауринъ, алкоголь, мочевину, даже жиръ и множества другихъ. На представленiе всѣхъ этихъ опытовъ химическаго синтеза замѣтимъ прежде всего, что если подобныя соединенiя могутъ быть искуственно приготовлены химикомъ въ его ретортѣ, какъ приготовляетъ ихъ жизненный процессъ въ организмѣ, то этимъ не только не устра-

(¹) Письма о химiи, стр. 27.

няется совершенно особенная сила, дѣйствующая въ организмѣ, а напротивъ скорѣе становится еще болѣе настоятельнымъ—предположить эту особенную силу въ жизненномъ процессѣ, которую можетъ замѣнить только *разумная воля химика*. Стало быть, прямое и естественное заключеніе отсюда—химическія силы въ организмѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ не химической причины, и только вслѣдствіе этой преобладающей причины, а не просто *сами собою*, слагаются элементы и составляютъ мочевину, тауринъ или другое—что-нибудь, точно такъ, какъ разумная воля химика *заставляетъ* ихъ сложиться внѣ организма, пріискивая для этого всѣ необходимыя условія. Неслыханная вещь, чтобы углеродъ *самъ собою*, вмѣстѣ съ водородомъ и азотомъ, производилъ подобныя химическія соединенія. Принятіе этой особенной, не химической силы, управляющей химизмомъ элементовъ въ организмахъ, необходимо, замѣтимъ здѣсь же, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ элементовъ, какъ напримѣръ кислородъ и углекислота теряютъ въ живомъ организмѣ свой химическій характеръ. „*Внѣ* сферы живыхъ силъ, дѣйствующихъ въ растеніи, по словамъ Либаха, кислородъ проявляетъ сильное сродство къ горючимъ элементамъ—углероду, водороду; напротивъ *внутри* растенія кислородъ выдѣляется изъ воды, изъ углекислоты и чрезъ листья снова возвращается воздуху въ видѣ кислорода: первый есть процессъ окисленія, а второй—возстановленія. Слѣдовательно совершающійся въ растеніи химическій процессъ, заключаетъ знаменитый германскій химикъ, противоположенъ процессамъ неорганическимъ (¹)“. Повидимому, достаточно одного этого фак-

(¹) „О неорганической природѣ и органической жизни“, стр. 21—22. (Матеріалы для разоб. матер. нигилис.).

та, чтобы разсѣять въ головахъ матеріалистовъ фантастическое предпріятіе — объяснить происхожденіе и существованіе организмовъ изъ одного химическаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ приведенное нами положеніе Либиха, что простыя тѣла имѣютъ *внутри* организмовъ совершенно иныя *химическія* свойства, чѣмъ *внѣ* ихъ, не будетъ опровергнуто химіею, дотолѣ всегда будетъ безмысленною, саму себя уничтожающею гипотезою—объяснять путемъ химическаго процесса происхожденіе и существованіе организмовъ. Сами по себѣ, вслѣдствіе одного соединенія, какъ бы ни было оно многосложно и искуственно по своей формѣ, элементы никогда не могутъ терять своихъ химическихъ свойствъ, если соединеніе ихъ основывается *только* на химическихъ же свойствахъ и поддерживается ими. Очевидно, должна быть особенная не химическая сила въ организмахъ, которая своимъ могущественнымъ вліяніемъ ограничиваетъ, такъ сказать, прирожденныя права элементовъ, заставляя ихъ отказываться отъ сочетаній, въ которыя онѣ непремѣнно вступили бы, если бы имъ предоставить полную свободу заявлять свои химическія симпатіи и антипатіи. Такой могущественный ударъ наноситъ сама же химія, на кліентизмъ которой такъ расчитываетъ матеріализмъ, механико — химическому объясненію жизни, и притомъ въ сферѣ явленій химическаго свойства. Но утопающій, какъ говорятъ, хватается за соломинку: такъ точно поступаютъ матеріалисты, когда они думаютъ видѣть опору своихъ надеждъ въ химіи, въ томъ собственно, что химія все-таки можетъ же прозводить именно *органическія* соединенія, что будто этимъ уже сама собою дается надежда въ будущемъ съ усовершенствованіемъ аппаратовъ и при бла-

гопріятныхъ обстоятельствахъ приготовить когда нбудь въ химической ретортѣ, и *нѣчто* въ родѣ мускульнаго волокна или даже органической ячейки. Подобныя надежды, по ихъ неосновательности, очевидно, съ полнымъ правомъ можно назвать только надеждами утопающаго на соломинку. Бюхнеръ болѣе всего, какъ видно, успокоиваетъ себя и другихъ въ этомъ случаѣ собственно названіемъ „*органическія соединенія*", думая, что уже однимъ этимъ словомъ изъясняется вся тайна жизни. Но такъ ли? Физіологія различаетъ въ сложныхъ живыхъ организмахъ три рода опредѣленныхъ тѣлъ: 1) тѣла химически простыя; изъ числа почти 70 простыхъ тѣлъ, которыя знаетъ до сихъ поръ Химія въ составъ самаго сложнаго организма, каковъ организмъ человѣка, входятъ только 16; 2) непосредственныя неорганическія начала, заимствуемыя организмами прямо и совсѣмъ готовыя изъ внѣшняго міра, каковы, напр. соли земель фосфорнокислыя, хлорныя, сѣрнокислыя и пр.; непосредственныя органическія начала; эти начала уже не заимствуются готовыми изъ внѣшняго міра, но образуются животнымъ или растительнымъ организмомъ, таковы крахмалъ, сахаръ, жиръ, бѣлковина и пр. будучи извлечены изъ тѣла, эти непосредственныя органическія начала сохраняютъ свои свойства, потому что они во—все не живыя; это продукты *органическіе*, но не организованные; и наконецъ 3) анатомическіе или гистологическіе элементы, таковы: мускулъ, нервъ, желѣзы и пр. одни только эти элементы суть части организма въ собственномъ смыслѣ организованныя, живыя—настоящіе дѣятели физіологическихъ явленій, по отношенію къ которымъ первые два рода тѣлъ суть страдательные элементы. Эти части *раздражимы* и об-

наруживаютъ подъ вліяніемъ различныхъ возбужденій свойства, которыя характеризуютъ исключительно живыя существа; эти части живутъ и питаются, и питаніе порождаетъ и сохраняетъ ихъ свойства, отъ чего и происходитъ, что онѣ не могутъ быть отдѣлены отъ организма, не потерявъ болѣе или менѣе скоро своей жизненности (1). Такимъ образомъ понятія „органическій“ и „жизненный“—понятія неравнозначущія въ физіологіи; первое не исчерпываетъ послѣдняго; а слѣдовательно, если химія нашего времени достигла наконецъ до такого искуснаго синтеза, что она въ состояніи производить нѣкоторые органическіе продукты въ своихъ ретортахъ, то чрезъ это тайна жизни отнюдь не разъяснена химіею, какъ воображаетъ матеріализмъ; эти искуственно приготовляемые химіею органическіе продукты—части организма, какъ мы видѣли, вовсе не живыя, не имѣющія прямой, существенной связи съ жизненными собственно явленіями, каковы сахаръ, мочевина, тауринъ, жиръ и др. а потому искуственное химическое приготовленіе ихъ не сокращаетъ ни на одну іоту не соизмѣримаго различія между бытіемъ органическимъ и не органическимъ. Все то, что носитъ на себѣ характеръ организаціи, въ точномъ смыслѣ этого слова, въ чемъ организующая сила выступаетъ въ полномъ раскрытіи своего специфическаго характера, все это доселѣ совершенно не поддавалось ни какому искуственному химическому синтезу. Химія, въ лицѣ лучшихъ и безпристрастнѣйшихъ своихъ представителей, положительно отказывается, какъ мы видѣли, отъ той матеріалистической иллюзіи, чтобы такія сочетанія,

(1) Введеніе къ изученію опыт. медицины, К. Бернара, пер. Н. Страхова, стр. 99—100.

какъ мускульное волокно, нервъ, тѣмъ болѣе органическая ячейка, были непосредственнымъ продуктомъ механико-химическаго процесса и могли быть съ такимъ же удобствомъ изготовлены въ ея ретортѣ, какъ мочевина, или сахаръ и др. ([1]). Изъ смерти никогда не возникнетъ жизнь, какъ изъ ничего и бываетъ ничто. Если уже въ наблюдаемыхъ въ организмѣ явленіяхъ химическаго свойства добросовѣстный химикъ долженъ во многихъ случаяхъ признать вліяніе на нихъ не химической сторонней силы, то въ этихъ сочетаніяхъ оно, можно сказать, лицемъ къ лицу встрѣчается съ этою самостоятельною органическою силою.

Бюхнеръ, какъ бы въ очищеніе своей совѣсти, сказавши, что два міра—органическій и неорганическій различаются между собою только *внѣшнею формою*, группированіемъ матеріальныхъ элементовъ, атомовъ, а не по существу ([2]), спокойно удовольствовался этимъ и не счелъ нужнымъ поглубже вникнуть въ высказанную имъ мысль. Между тѣмъ, онъ сталъ въ этомъ случаѣ на прямой путь, который привелъ бы его къ настоящему пониманію дѣла, если бы онъ сдѣлалъ по нему хоть нѣсколько шаговъ съ должнымъ вниманіемъ. Дѣло въ томъ, что то и составляетъ коренную ошибку матеріализма, что онъ, въ вопросѣ объ органической жизни, односторонне выставляетъ на видъ матеріальные элементы и химическій процессъ ихъ, пренебрегая *формою*, которая, между тѣмъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, собственно и дѣлаетъ организмы тѣмъ, что они есть, составляетъ ихъ сущность. Существуютъ

([1]) Письма о Химіи, Ю. Либиха, стр. 27; ср. Lötze, Allgemeine Physiologie des körperlichen Lebens, S. 83.

([2]) Force et Matière, p. 209.

собственно, говоритъ Шульцъ—Шульценштейнъ, *не вещества* органическія, но только *органическія формы* ([1]). Отсюда высказанная Бюхнеромъ, почти мимоходомъ, какъ говорится, мысль, что міры органическій и неорганическій различаются между собою *внѣшнею формою*, должна получить, въ глазахъ безпристрастнаго химика и физіолога, несравненно большее значеніе, чѣмъ какое удѣляетъ ему Бюхнеръ. Механико-химическій процессъ его рушится въ этомъ случаѣ окончательно.

Первое различіе, какое бросается въ глаза при сравненіи органическихъ тѣлъ съ неорганическими со стороны ихъ *формы*, это то, что тогда какъ въ природѣ неорганической различіе формъ неорганическихъ продуктовъ имѣетъ болѣе или менѣе прямую существенную связь съ различіемъ физико-химическихъ свойствъ входящихъ въ ихъ составъ элементовъ и обстоятельствъ, при которыхъ образуются эти продукты, въ природѣ органическихъ формъ эта связь теряется совершенно, т. е. матерія никогда не бываетъ элементомъ, обусловливающимъ форму, а наоборотъ — форма организма есть сущность, которой подчиняются матеріальные элементы. Даже такое близкое по своей формѣ къ органическому міру явленіе неорганической природы, какъ кристаллъ, можетъ быть безъ особеннаго затрудненія объясненъ нами на основаніи дѣйствія молекулярныхъ силъ составныхъ его элементовъ, хотя также и здѣсь естественная наука еще доселѣ не можетъ разгадать, почему эти элементы располагаются въ кристаллѣ съ строгою математическою правильностію и точностію, почему одни изъ нихъ кристаллизуются въ одной точно

([1]) „Несостоятельность матеріализма", стр. 233; Срав. Die neueste Vergötterung, A. Weber, S. 38.

опредѣленной формѣ, другія—въ другой. Наука отвѣчаетъ на это, что таковы имманентныя свойства элементовъ, которыя должны быть приняты какъ фактъ, но объясненіе которыхъ недоступно [1]. Но если подобный отвѣтъ можетъ имѣть еще для науки смыслъ и значеніе въ отношеніи къ явленіямъ неорганической природы, то въ приложеніи къ органическимъ явленіямъ здравая наука должна положительно отказать ему въ этомъ, если бы кто-либо захотѣлъ подобнымъ образомъ объяснять происхожденіе органическихъ формъ изъ неорганическихъ элементовъ. Между первыми и послѣдними наука не можетъ намъ указать никакой *прямой, генетической* связи. Правда, каждое органическое образованіе непремѣнно предполагаетъ матеріальные элементы опредѣленнаго химическаго качества; правда также, что тѣла органическія, какъ и неорганическія, находятся подъ постояннымъ и могущественнымъ вліяніемъ окружающей космической среды, въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ, заимствуя изъ него необходимый матеріалъ для своего питанія и развитія, матеріалъ, который возвращаютъ ему опять, въ разныхъ видахъ, обратно; но *ни въ химическомъ качествѣ этихъ* элементовъ, *ни въ этихъ внѣшнихъ условіяхъ*, вовсе не лежитъ того законодательнаго основанія, по которому эти элементы должны принять опредѣленную органическую форму, должны развиваться морѳологически въ извѣстный видъ органической ткани, въ нервъ, мускулъ, волосъ и тому подобное. Механико-химическое сочетаніе элементовъ и органическія формы или всѣ вообще морѳологическія

---

(1) A. Weber, a. a. o. S. 26.

явленія органической жизни стоятъ въ совершенной независимости другъ отъ друга, такъ что, говоритъ А. Веберъ, „въ химическомъ отношеніи различные элементы во внѣшней формѣ, въ морѳологическомъ строеніи, входятъ въ ближайшее соотношеніе между собою, и на оборотъ химически-тожественныя субстанціи способны раскрывать большое разнообразіе морѳологическихъ явленій (1). Все, что мы можемъ сказать въ этомъ случаѣ, говоритъ тотъ же А. Веберъ въ другомъ мѣстѣ, разбирая процессъ зарожденія и образованія органическихъ существъ, сводится, по нашему мнѣнію, къ тому, что химическіе элементы оплодотвореннаго яйца доставляютъ только необходимый матеріалъ для разнообразныхъ органическихъ формацій и тканей, но отнюдь не то, чтобы химическій составъ его былъ тождественъ съ самымъ организующимъ принципомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ все органическое развитіе было бы на самомъ дѣлѣ только непрерывною кристаллизаціею органическихъ элементовъ, что едвали кто-нибудь отважится защищать (2). Такимъ образомъ, точныя наблюденія науки съ несомнѣнностію доказываютъ, что принципъ морѳологичесхихъ явленій органической жизни или, что тоже, органическихъ формъ, лежитъ *внѣ* механико-химической дѣятельности матеріальныхъ элементовъ, что онъ дѣйствуетъ не только независимо и самостоятельно отъ нихъ, но и съ положительнымъ вліяніемъ на ихъ собственную дѣятельность. Таково дѣйствительно мнѣніе лучшихъ и безпристрастнѣйшихъ физіологовъ, какъ наприм., упомя-

(1) A. Weber, a. a. o. S. 28.
(2) A. Weber, a. a. o. S. 95.

нутаго уже нами А. Вебера, I. Мюллера, Р. Вагнера, Флурана и др. (1).

Какъ на одну также изъ существенныхъ разностей между тѣлами органическими и неорганическими, со стороны ихъ формы, такихъ разностей, которыя совершенно не позволяютъ и первые, наравнѣ съ послѣдними, считать простымъ продуктомъ механико-химическихъ силъ природы, указываютъ еще въ тѣлахъ органическихъ на *гармоническое единство*, связывающее въ *неразрывное цѣлое* всѣ ихъ части, на *строгую законность* въ самомъ расположеніи этихъ частей, выражающую въ цѣломъ опредѣленную идею (2). Тотъ и другой изъ этихъ моментовъ составляютъ, дѣйствительно, такіе признаки въ природѣ органическихъ тѣлъ, аналогіи которымъ неорганическая природа не представляетъ нигдѣ и ни въ чемъ, и которые ясно указываютъ, что тутъ дѣйствуетъ *иной, высшій принципъ*, чѣмъ простой механико-химическій процессъ, хотя и не безъ содѣйствія послѣдняго. Съ единствомъ и гармоніею жизни и дѣятельности органическихъ тѣлъ отнюдь нельзя ставить въ параллель геометрическую правильность и гармонію наприм., кристалловъ, явленіе въ неорганическомъ мірѣ, которое, прежде всего, защитники матеріалистическихъ идей могутъ выставить намъ на видъ; разность между ними въ этомъ отношеніи существенная. Геометрически-правильная форма кристалла, какъ бы ни была она совершенна, сама по себѣ есть во всякомъ случаѣ только *внѣшнее расположеніе*, правильный подборъ ча-

---

(1) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. s. 159—165.

(2) A. Weber, a. a. o. SS. 41, 59, 60, 72, и другія, срав. Gott und die Natur, Dr. Ulrici, Ss. 150, 188 — 190, 192 — 196; Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 112—121.

стицъ одной къ другой, которыя, разсматриваемыя со внѣ, образуютъ дѣйствительно стройное цѣлое, но которыя, въ существѣ дѣла, не зависимы одна отъ другой. Различныя поверхности, различные углы кристалла остаются безъ всякаго взаимодѣйствія и вліянія другъ на друга. Совершенно иного рода единство и гармонію представляютъ намъ тѣла органическія. Единство и гармонія въ ихъ формѣ состоятъ въ томъ, что каждый организмъ представляетъ собою замкнутую, іерархически-упорядоченную систему, части которой находятся въ тѣснѣйшемъ и взаимноподчиненномъ *внутреннемъ взаимодѣйствіи* и *соотношеніи*, образуя своимъ стройнымъ, общимъ взаимодѣйствіемъ гармонію *цѣлостной единичной жизни*. Весьма характеристична въ этомъ отношеніи древняя эмблема, изображавшая жизнь въ видѣ кольца, образованнаго змѣей, закусившей свой хвостъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ сложныхъ организмахъ организмъ жизни хотя и образуетъ замкнутое кольцо, но кольцо, у котораго есть голова и хвостъ, въ томъ смыслѣ, что не всѣ жизненныя явленія имѣютъ одинаковую важность, хотя они входятъ въ составъ жизненнаго круга. „Детерминизмъ въ явленіяхъ жизни, говоритъ К. Бернаръ, не только весьма сложный детерминизмъ, но въ тоже время это детерминизмъ гармонически іерархизированный. Такимъ образомъ, мускульные и нервные органы поддерживаютъ дѣятельность органовъ, приготовляющихъ кровь, а кровь въ свою очередь питаетъ производящіе ее органы; тутъ есть органическая или соціальная солидарность (1). Это взаимное жизненное соотношеніе частей съ цѣлымъ въ су-

(1) Введеніе къ изученію опыт. медицины, К. Бернара, стр. 113.

ществахъ органическихъ всегда обращало на себя особенное вниманіе физіологовъ и натуралистовъ, даже такихъ, которые, повидимому, склонны раздѣлять или даже вполнѣ раздѣляютъ механическую теорію Бюхнера о жизни, какъ Вирховъ и Фогтъ, и др. Въ этомъ явленіи они ясно видятъ рѣзкую черту, отдѣляющую органическое бытіе отъ неорганическаго ([1]). Кювье, разбирая этотъ *законъ органическаго соотношенія* частей съ цѣлымъ, выставляетъ его, какъ существенный законъ органическихъ, живыхъ существъ, законъ исключительно имъ свойственный ([2]). Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе этого закона отдѣляетъ непреходимою бездною органическія существа отъ неорганическихъ съ самаго перваго момента ихъ бытія и до полнаго развитія ихъ. Въ этомъ отношеніи физіологи замѣчаютъ то особенное обстоятельство, что самый процессъ развитія органическихъ существъ идетъ съ самаго начала совершенно *противоположнымъ путемъ*, чѣмъ процессъ образованія предметовъ неорганической природы, наприм., кристалла. Въ природѣ органическихъ существъ, съ самаго начала, цѣлое существуетъ (in potentia) прежде своихъ частей и ходъ образованія и развитія ихъ идетъ не отъ частей къ цѣлому, не отъ обособленнаго и частнаго къ единству системы, какъ это бываетъ въ природѣ неорганической при механико-химическомъ сочетаніи, наприм. элементовъ, образующихъ собою кристаллъ, а совершенно наоборотъ: *отъ единства цѣлаго* къ его частямъ; „въ природѣ неорганической образованіе идетъ, какъ говоритъ А. Веберъ, по методу *аналитическому*, цѣлое слагается изъ частей, а здѣсь, по

([1]) A. Weber, a. a. o. S. 33, 51.

([2]) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. 314.

методу *синтетическому*, цѣло, развиваетъ изъ себя части ([1])." Посему не жизнь есть продуктъ организаціи, какъ говорятъ ([2]), а на оборотъ—организація составляетъ продуктъ того таинственнаго жизненнаго принципа, который изъ одной точки оплодотвореннаго зародыша развиваетъ весь многосложный животный организмъ. Что жизнь пропорціональна организаціи—это еще не доказываетъ, чтобы она была продуктомъ ея, такъ какъ здѣсь дѣйствіе принимается за причину ([3]); въ этомъ-то, замѣтимъ также, лежитъ и та существенная причина, почему органическая ячейка—этотъ основной біологическій атомъ—никогда не можетъ быть доступенъ для химическаго синтеза, какъ этого надѣются матеріалисты. Такимъ образомъ, повторяемъ, жизненное единство и гармонія органическихъ формъ составляютъ такіе признаки, которые рѣзко выдѣляютъ ихъ изъ неорганической природы и настоятельно указываютъ на иной, высшій принципъ, управляющій ихъ развитіемъ, чѣмъ механизмъ и химизмъ простыхъ элементовъ. Терять изъ виду эти признаки, при обсужденіи органическихъ явленій, значитъ, скажемъ словами К. Бернара, не понимать жизненной науки и совсѣмъ лишать ее характера ея ([4]).

Еще болѣе важный въ физіологическомъ или біологическомъ отношеніи моментъ въ природѣ органическихъ существъ составляетъ другая указанная нами особенность—та, что морѳологическое развитіе этого

([1]) Die neueste Vergötterung, A. Weber, S. s. 49. 83, 60.

([2]) Физіологія обыденной жизни, Г. Льюиса, Т. II. стр. 348; срав. Force et Matière, p. 221.

([3]) A. Weber, a. a. o. Ss. 24—32.

([4]) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, пер. Н. Страхова, стр. 116.

единства и гармоніи въ нихъ, по своей внѣшней формѣ, по своему внѣшнему виду или очертаніямъ, всегда воспроизводится по *опредѣленному типу, узаконенному плану или идеѣ*. Такъ, когда цыпленокъ развивается въ яйцѣ, то вовсе не образованіе животнаго тѣла, говоритъ К. Бернаръ, разсматриваемое какъ группировка химическихъ элементовъ, существенно характеризуетъ жизненную силу; но что существенно принадлежитъ жизни и что не принадлежитъ ни физикѣ, ни химіи, ни чему другому это—идея, управляющая этимъ жизненнымъ развитіемъ. Во всякомъ живомъ зародышѣ есть творящая идея, которая развивается и обнаруживается въ организаціи. Въ продолженіе всего своего существованія живое существо остается подъ вліяніемъ этой самой творящей жизненной силы, и смерть наступаетъ, когда она не можетъ болѣе реализироваться (1). Такимъ образомъ, каждый организмъ можно разсматривать какъ осуществленіе опредѣленной идеи природы— идеи, которая выражается конкретно въ томъ или другомъ специфическомъ планѣ животныхъ и растеній, и на основаніи которой зоологи и ботаники дѣлятъ весь органическій міръ на опредѣленные роды и виды. Осуществленіе этой идеи, въ ея полномъ специфическомъ содержаніи, составляетъ какъ бы имманентную цѣль организмовъ, назначеніе ихъ существованія; и эта образовательная идея, какъ законъ органической природы, выражается не только въ общемъ внѣшнемъ видѣ и строеніи органическихъ тѣлъ, но и въ строеніи и образованіи отдѣльныхъ частей ихъ, выражается съ такою неизмѣнною правильностію и строгостію, что на-

(1) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 120—121.

прим. Линней, какъ извѣстно, единственно на строеніи цвѣтка, особенно на отношеніи мужскихъ и женскихъ органовъ его, нашелъ возможнымъ основать систему классификаціи всего растительнаго царства. Еще съ большею поразительностію эта, такъ сказать, устойчивость извѣстной идеи, опредѣляющей развитіе организмовъ, ея законодательное значеніе здѣсь, выражается въ метаморѳозахъ животныхъ организмовъ, особенно въ частномъ явленіи ихъ, такъ называемомъ *генеагенезисѣ*, въ которомъ первичный типъ животнаго, послѣ опредѣленнаго цикла поколѣній, не похожихъ ни на своихъ первичныхъ родителей, ни другъ на друга, снова возстановляется и вмѣстѣ съ нимъ показываются аттрибуты половъ и воспроизведеніе посредствомъ яицъ ([1]). Въ виду этихъ явленій органической жизни мы со всѣмъ правомъ можемъ повторить мысль, нами уже высказанную, что форма составляетъ сущность организмовъ, что существуютъ собственно не вещества органическія, а органическія формы. Бюхнеръ не даетъ надлежащаго значенія этой сторонѣ органической жизни, и потому онъ оставляетъ безъ вниманія такія капитальныя явленія въ ней, какъ выставленныя сейчасъ нами—гармоническое, жизненное соотношеніе частей организма и его типическое, по опредѣленному плану совершающееся, развитіе, опустилъ, быть можетъ, и по тому собственно, что видѣлъ здѣсь смертельный ударъ своей механической теоріи жизни. При добросовѣстномъ анализѣ этихъ явленій, можно ли, въ самомъ дѣлѣ, не идя вопреки здравой логикѣ и самой же естественной наукѣ, поставлять принципъ органической жизни въ

([1]) Метаморфозы человѣка и животныхъ, Катрфажа. Пер. А. М—на 1864 г. стр. 169—188.

простой механико-химической дѣятельности матеріальныхъ элементовъ?

Бюхнеръ, повторяемъ, не потрудился объяснить обстоятельно, съ своей механической точки зрѣнія, какимъ образомъ, путемъ одного механико-химическаго процесса, можетъ дѣйствительно образоваться то гармоническое, проникнутое тѣснѣйшимъ жизненнымъ единствомъ, соотношеніе частей организма и та всегда по опредѣленному плану развитая типичность внѣшней формы—двѣ существенныя черты, которыми, какъ мы видѣли, отличаются тѣла органическія отъ неорганическихъ. Но что онъ вполнѣ находитъ возможнымъ,—это подлежитъ сомнѣнію, потому что два существеннѣйшіе процесса, около которыхъ концентрируются всѣ частнѣйшія явленія органической жизни,—именно: процессъ самаго зарожденія или оплодотворенія и процессъ ассимиляціи или органическаго развитія, возрастанія, называетъ процессами въ полномъ смыслѣ механико-химическими,—процессами, мистическая тьма которыхъ, покрывавшая ихъ доселѣ, разсѣялась, по его словамъ, предъ свѣточемъ современной науки ([1]). Къ такимъ порадоксальнымъ положеніямъ приходитъ Бюхнеръ, желая отстоять, во что бы то ни стало, свой механическій принципъ! Выставляя эти положенія на видъ, обойти которыя было бы большимъ пробѣломъ въ нашемъ разборѣ понятій Бюхнера объ органической жизни, мы, тѣмъ не менѣе, увольняемъ себя отъ труда—разбирать обстоятельно первое изъ этихъ положеній, можетъ ли быть, дѣйствительно, самый процессъ органическаго зарожденія, или оплодотвореніе яйца, сведенъ къ про-

---

([1]) Force et Matière, p. 221—226.

стому механико-химическому процессу, и этотъ начальный процессъ можетъ ли быть полагаемъ, какъ *основаніе* и *причина* всего дальнѣйшаго развитія органическаго зародыша до состоянія полнаго, всесторонне-развитаго организма. Обстоятельный анализъ этого повелъ бы насъ слишкомъ далеко и еще болѣе — привелъ бы къ такимъ явленіямъ, въ анализѣ которыхъ сама естественная наука идетъ еще ощупью, среди постоянныхъ гаданій и гипотезъ (1). Считаемъ совершенно достаточнымъ указать, въ этомъ случаѣ, на одинъ фактъ, несомнѣнно дознанный наукою и который одинъ подрываетъ всякое довѣріе къ исключительной механико-химической теоріи органическаго зарожденія и развитія. По тщательнымъ наблюденіямъ профессора зоологіи Гибеля надъ зародышами сувоекъ оказывается, что эти зародыши совершенно одинаковы и въ отношеніи къ составнымъ *матеріальнымъ элементамъ* своимъ, и по своимъ *химическимъ* и *физическимъ* свойствамъ и, наконецъ, по своему *морѳологическому* строенію; самый настойчивый, самый кропотливый научный анализъ не можетъ указать ни малѣйшаго различія между ними; его, слѣдовательно, и не существуетъ. И, однако, изъ этихъ зародышей, при совершенно одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, и не случайно, какъ бы по прихоти природы, но по неизмѣннымъ, постояннымъ, законамъ, развиваются самыя разнообразныя *сувойки*, специфически—различныя другъ отъ друга. Есть также, какъ показываетъ тотъ же Гибель, роды улитокъ и насѣкомыхъ, виды которыхъ насчитываютъ сотнями; и между тѣмъ элементарный анализъ доселѣ еще не указалъ ни

(1) A. Weber, a. a. o. Ss. 91—114.

малѣйшаго различія въ ихъ зародышахъ, въ процессахъ ихъ оплодотворенія и развитія, и едва ли въ состояніи когда нибудь указать ([1]). Такимъ образомъ, скажемъ словами Катрфажа, дубъ зачинается подобно слону, мохъ подобно червяку; таково же, конечно, первое появленіе того, что́ впослѣдствіи дѣлается человѣкомъ ([2]). Если ко всему этому присовокупимъ еще то, что зародышъ каждаго будущаго органическаго существа отнюдь нельзя, какъ учитъ физіологія, представлять себѣ какъ бы дѣйствительнымъ существомъ только en miniature, но что онъ есть только *цѣлое*, potentia, при дальнѣйшемъ многосложномъ развитіи котораго уже всѣ части являются in actu ([3]); то мы поймемъ всю парадоксальность увѣреній Бюхнера, что процессъ зарожденія и эмбріональнаго развитія органическихъ существъ есть не болѣе, какъ механико химическій, только болѣе сложный процессъ, путемъ котораго образуются въ природѣ и тѣла неорганическія. На этомъ пунктѣ едва ли сойдутся съ Бюхнеромъ и самые искренніе почитатели его. И самъ Бюхнеръ, очень хорошо, смѣемъ думать, понималъ всю парадоксальность его, когда готовъ былъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, допустить предсуществованіе органическихъ зародышей съ опредѣленною *идеею вида.*—Такъ изъ одной крайности Бюхнеръ бросился въ другую, еще болѣе нелѣпую!

Переходя къ вопросу объ ассимиляціи и тѣсно соединенномъ съ нею морѳологическомъ развитіи и строе-

---

([1]) „Tagesfragen aus der Naturgeschichte“, C. G. Giebel. 2 aufl. Berlin, 1858 г. S. 309; срав. Метаморфозы человѣка и животныхъ, Катрфажа. Перев. А. М—на ч. II и III.

([2]) Метаморфозы человѣка и животныхъ, Катрфажа стр. 9.

([3]) A. Weber, a. a. o. Ss. 54, 84, 91, 92, срав. Катрфажа, ч. II, II, VII.

нія организмовъ, мы считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на немъ потому собственно, что при этомъ мы встрѣчаемся съ явленіями, которыя раздѣляютъ природу органическую отъ неорганической такою рѣзкою чертою, которую ясно видитъ и понимаетъ каждое дитя, не умѣющее отличить въ естественной наукѣ правой руки отъ лѣвой, и которую Бюхнеръ, между тѣмъ, проходитъ молчаніемъ, разумѣется не безцѣльно: разумѣемъ явленія, извѣстныя въ наукѣ вообще подъ именемъ *„жизненнаго коловорота“*, прекращеніе котораго составляетъ *смерть* органическихъ существъ, послѣ чего онѣ уже дѣйствительно вступаютъ въ область неорганической природы и подлежатъ исключительно ея законамъ. На это то явленіе мы и хотимъ обратить вниманіе, котораго не удостоилъ его Бюхнеръ. Что такое процессъ ассимиляціи въ тѣлахъ органическихъ, по какимъ законамъ и при помощи какихъ силъ онъ совершается въ нихъ, — на это точная наука отвѣчаетъ сознаніемъ въ полнѣйшемъ невѣденіи внутренней стороны этого явленія ([1]); и слѣдовательно положеніе Бюхнера, что это есть простой, механико-химическій процессъ, есть открытіе его собственной фантазіи, сдѣланное для своихъ матеріалистическихъ цѣлей. — Та же точная наука, какъ мы видѣли, уже положительно, какъ фактъ дознанный, отвергаетъ то, чтобы все вообще морѳологическое или гистологическое развитіе организма было также исключительно дѣломъ одного механико-химическаго процесса; на это она можетъ представить Бюхнеру болѣе или менѣе точно дознанные опыты и доказательства, хотя и сама еще не

([1]) A. Weber, a. a. o. S. 88.

въ состояніи объяснить той сокровенной пластики элементовъ, какую представляютъ собою органическія ткани. Но если въ первомъ, какъ и во второмъ указанномъ нами случаѣ, наука не можетъ объяснить намъ внутренней, не поддающейся ея анализу, стороны явленій и скромно довольствуется одною простою аксіомою, что въ нихъ дѣйствуетъ несомнѣнно *особенный, самостоятельный принципъ*, отличный отъ принципа неорганическихъ явленій, то внѣшняя сторона этихъ явленій уже вполнѣ подпадаетъ ея анализу и наблюденію, и результаты ея изслѣдованій, въ этомъ отношеніи, радикально противоположны тѣмъ, какія выдаетъ Бюхнеръ за послѣднее слово науки. Въ тѣлахъ органическихъ мы наблюдаемъ постоянную смѣну однихъ веществъ другими, — онѣ не могутъ существовать безъ постояннаго ряда измѣненій; самыя кости, органы можетъ быть менѣе всего живущіе, по точнымъ и яснымъ опытамъ Флуранса, подобно нѣжнѣйшимъ частямъ тѣла, подчинены той же измѣняемости: вотъ внѣшняя сторона явленій органической ассимиляціи или тотъ жизненный коловоротъ, который раздѣляетъ тѣла органическія отъ неорганическихъ непроходимою бездною ([1]). По мнѣнію Бюхнера и эта смѣна однихъ веществъ въ организмѣ другими происходитъ совершенно механическимъ образомъ, такимъ же, какъ и въ мірѣ неорганическомъ силы и состоянія одного тѣла переходятъ на другое ([2]). Предоставляемъ спеціалистамъ физики и механики спорить съ Бюхнеромъ о томъ, могутъ ли въ самомъ дѣлѣ силы и состоянія одного тѣла переходить на другое, равно какъ не будемъ полеми-

---

([1]) Метаморфозы человѣка и животныхъ, соч. Катрфажа, гл. I.

([2]) Force et Matière, p. 221.

зировать съ нимъ и о томъ, будто ростъ тѣлъ органическихъ есть такое же механико-химическое накопленіе частицъ, путемъ котораго увеличиваются въ своемъ объемѣ, наприм. камни или металлы. Существенный моментъ вопроса состоитъ здѣсь собственно въ *непрерывномъ* и притомъ *правильномъ* движеніи органическихъ тѣлъ. Что̀ значитъ это движеніе? Можно ли сказать, какъ говоритъ Бюхнеръ, что это есть только механико-химическій процессъ? Одно то уже обстоятельство, что тогда какъ для тѣлъ неорганическихъ, въ общей жизни природы, существуютъ моменты, въ которыхъ онѣ со всѣми внѣшними условіями могутъ приходить въ равновѣсіе и для измѣненія состоянія своего предполагаютъ непремѣнно измѣненіе окружающихъ обстоятельствъ, тѣла органическія, между тѣмъ, никогда не могутъ достигнуть момента совершеннаго равновѣсія съ окружающими внѣшними условіями, — одно это обстоятельство очень ясно даетъ понять, что въ этихъ послѣднихъ происходитъ постоянная борьба *двухъ силъ*, если не прямо противоположныхъ другъ другу, то и *не тожественныхъ* между собою. Нельзя назвать ихъ тожественными, потому что организмъ, получая возбужденія отъ внѣшняго міра, *воздѣйствуетъ* на нихъ, отвѣчаетъ правильнымъ рядомъ тѣхъ или другихъ метаморфозъ, — и въ этой реакціи построяетъ самъ себя, развиваетъ свои члены по опредѣленному типу или идеѣ. Эта реакція организма, очевидно, предполагаетъ особенную *силу*, если только Бюхнеръ не отвергаетъ и той аксіомы, что нѣтъ вообще дѣйствія безъ причины; и эта сила, такъ какъ она не только на случайно послѣдовавшія возбужденія *правильно отвѣчаетъ*, но и въ этихъ противодѣйствіяхъ вмѣстѣ *построяетъ*, какъ мы

видимъ, органическое тѣло по опредѣленному типу и плану, не можетъ быть молекулярною силою элементовъ и еще менѣе *простымъ результатомъ* ихъ. Изъ механико-химическаго соединенія элементовъ, изъ дѣйствія молекулярныхъ силъ можетъ выходить только въ результатѣ новая дѣятельность, но не *планъ* и *правило* ихъ дѣятельности. Притомъ, подчиняясь исключительно механико-химическому дѣйствію элементовъ, организмъ, при каждомъ новомъ внѣшнемъ вліяніи, выводящемъ его изъ состоянія покоя, долженъ былъ бы подвергаться разрушенію и возстановленію въ новой формѣ, какой требуютъ окружающія обстоятельства. Не то мы видимъ въ организмахъ. При постоянномъ приливѣ и отливѣ матеріи, организмъ не только прогрессивно растетъ и развивается въ строго опредѣленную форму, но и всегда остается равнымъ самому себѣ, нераздѣльною единицею, — сохраняетъ себя не только какъ индивидуумъ, но и какъ *родъ*. Всего этого рѣшительно нельзя понять, скажемъ словами Катрфажа, не допуская существованія *силы*, присущей живымъ организмамъ, вездѣ бывающей и всюду дѣйствующей, управляющей матеріалами, взятыми извнѣ, располагающей ихъ по опредѣленному плану, отбрасывающей ихъ, когда они болѣе не нужны: ибо, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Катрфажъ, недѣятельная сама по себѣ матерія движется только подъ условіемъ или вліяніемъ двигателей или силъ (1).

Но тѣмъ болѣе, наконецъ, какъ понять, не допуская особой организующей силы, то особенно знаменательное явленіе въ мірѣ живомъ, органическомъ, что каж-

(1) Метаморфозы человѣка и животныхъ, соч. Катрфажа. Пер. А. М—на, стр. 101, 102, 216.

дое существо живетъ, увеличивается, развивается прогрессивно до извѣстнаго предѣла времени и своей внѣшней величины, до извѣстной формы; за тѣмъ постепенно, но неизбѣжно упадаетъ въ своей жизни, растраивается въ своихъ отправленіяхъ и, наконецъ, какъ говорится, *умираетъ*. Ничего подобнаго мы не видимъ въ тѣлахъ неорганическихъ. Понятія *жизни* и *смерти* прилагаются нами только въ отношеніи къ органическимъ существамъ. Что значитъ это явленіе? Предъ судомъ послѣдовательнаго механическаго міровоззрѣнія Бюхнера, это явленіе не имѣетъ, строго говоря, никакого смысла, такъ что, какъ справедливо замѣчаетъ Фрогшаммеръ, вообще, по ученію матеріалистовъ, нужно совершенно прекратить рѣчь о жизни и смерти и о всякомъ различіи между ними ([1]). Допустите, въ самомъ дѣлѣ, справедливость увѣреній Бюхнера, что живыя органическія существа подчинены исключительно однимъ законамъ физики и химіи, какъ понять тогда это, такъ сказать, спеціальное явленіе органической жизни, что существо органическое постепенно разрушается и нѣкоторымъ образомъ самобытно и притомъ — въ предѣлахъ времени, болѣе или менѣе строго опредѣленныхъ? Если это явленіе и для физіологовъ-виталистовъ составляетъ неразрѣшимую загадку, въ которой наука можетъ только прослѣдить видимую связь явленій, не проникая въ самую ихъ сущность ([2]), то по механико-химической теоріи жизни матеріалистовъ, оно не только еще менѣе можетъ быть разгадано, но главное состав-

---

([1]) Menschenseele und Phisyologie. Eine Streitschrift gegen Profes. K. Vogt, Dr. J. Frachschammer, S. 98.

([2]) Handbuch der Phisyologie des Menschen, S. Müller, 1. Band. S. 31; ср. Физіол. обыд. жизни Льюиса. Т. II; 363—367.

ляетъ прямое доказательство того, что тутъ дѣйствуютъ не однѣ механико-химическія силы. „Еслибы живое существо, скажемъ словами Поля Жанэ, не возобновляло постоянно своихъ составныхъ элементовъ, то можно было бы сказать еще, и съ механической точки зрѣнія, прибавимъ съ своей стороны, было бы совершенно резонно, что составные элементы живаго существа изнашиваются отъ тренія и что наступаетъ наконецъ моментъ, когда они становятся неспособными къ дѣйствію, какъ это бываетъ съ изношенными пружинами какой-нибудь машины“ (1). Но, при той непрерывной постоянной смѣнѣ элементовъ—новыхъ на мѣстѣ старыхъ, какую мы наблюдаемъ въ существахъ органическихъ, совершенно необъяснимо, почему эта комбинація, это механико-химическое движеніе элементовъ внутри организма не продолжается всегда въ силу законовъ матеріи или, по крайней мѣрѣ, почему смерть, какъ разрушеніе извѣстной формы органическаго существа, не наступаетъ всегда мгновенно, отъ какихъ-либо механическихъ насилій, а приближается такъ правильно, періодически, какъ это мы наблюдаемъ теперь. Повторяемъ: никакія физико-химическія гипотезы не могутъ дать намъ отчета, почему внутренняя, недовѣдомая сила органическаго существа, не смотря на возобновленіе его элементовъ постепенно истощается въ своемъ дѣйствіи и, наконецъ, какъ бы исчерпывается совершенно. Это фактъ, который матеріалисты, для спасенія своей механико-химической теоріи органической жизни, или будутъ оставлять безъ вниманія, какъ это и сдѣлалъ Бюхнеръ, или должны добросовѣстно

(1) Le Materialisme contemporain en Allemagne. Examen du Systeme du D-r. Büchner, P. Ianet, p. 86.

сознаться, что на этомъ пунктѣ теорія ихъ окончательно теряетъ всѣ шансы на свою побѣду.

Но органическая жизнь, быть можетъ скажутъ защитники матеріализма, есть только временное исключеніе изъ общихъ законовъ матеріи, случайное, кратковременное отрѣшеніе, если можно такъ сказать, физико-химическихъ силъ отъ обычной ихъ дѣятельности, всегда оканчивающееся, впрочемъ, ихъ торжествомъ,—что и называемъ мы смертію (¹). Что сказать на это? Не говоримъ уже о томъ, что механико-химическій принципъ подрывается этимъ уже въ самой своей основѣ, теорія эта имѣла бы, можетъ быть, нѣкоторую долю справедливости, еслибы жизнь была дѣйствительно простою случайностію въ мірѣ, еслибы органическія существа то тамъ, то здѣсь появлялись и исчезали. Но что жизнь не есть какое-нибудь исключеніе въ мірѣ явленій,—это фактъ, противъ котораго не будетъ спорить самая слѣпая ревность по матеріализмѣ: она есть явленіе столь же повсюдное и общее, какъ и явленія неорганической природы—электричества, магнетизма и др. Далѣе, смерть отнюдь не торжествуетъ надъ жизнію абсолютнымъ образомъ, какъ бы этого слѣдовало ожидать, еслибы жизнь была случайнымъ, скоропреходящимъ явленіемъ въ мірѣ. Индивидуумы животныхъ и растеній умираютъ, но виды не умираютъ; или если и изчезаютъ извѣстные виды, то ихъ смѣняли и смѣняютъ, какъ удостовѣряетъ палеонтологія, другіе, новые. Жизнь, такимъ образомъ, постоянно содержится въ равновѣсіи съ внѣшними физико-химическими дѣятелями природы, дѣйствующими на нее разрушительно.

(¹) Такую теорію построяетъ Дютроше: Memoire sur les végètaux et les animaux, Dutrochet, 1857 an, Avant-propos, p. XXIII—XXVI.

Стало быть,—прямое и естественное заключеніе отсюда,—въ основѣ органической жизни лежитъ не случайная какая нибудь сила, обязанная счастливой и также случайной физико-механической комбинаціи атомовъ, пришедшихъ чрезъ то *in statu nascente*, но сила *самостоятельная* и всегда пребывающая, развивающая свою дѣятельность въ связи съ другими физико-химическими дѣятелями природы. Другими словами: жизнь есть *принципъ*, а не результатъ, какъ говоритъ Бюхнеръ (¹).

Итакъ, мы прослѣдили почти всѣ существенные моменты органической жизни и внимательный анализъ ихъ всюду, какъ мы видѣли, приводилъ насъ къ одному заключенію, что органическая жизнь никогда не можетъ быть продуктомъ одной механико-химической дѣятельности элементовъ, какъ это утверждаетъ матеріализмъ и пресловутый популяризаторъ его идей—Бюхнеръ, что въ основаніи ея лежитъ иной, высшій и самостоятельный принципъ. Послѣ сего мы съ полнымъ правомъ можемъ уволить себя отъ разбора того вопроса, какимъ образомъ появилась органическая жизнь на земномъ шарѣ,—только ли, какъ учитъ матеріализмъ, при какомъ-то необычайномъ столкновеніи силъ: теплоты, влажности, свѣта и электричества (²)? Рѣшая этотъ вопросъ, Бюхнеръ съ пытливымъ любопытствомъ, хочетъ, очевидно, дойти до самаго начала всѣхъ вещей. Но здѣсь наблюденіе и опытъ, эти два руководителя, которыхъ человѣческое знаніе никогда не должно терять изъ виду, которыми такъ дорожитъ самъ

(¹) Force et Matière, p. 219.

(²) Natur und Geist, S. 235. Опроверженіе этой гипотезы, проповѣдуемой не однимъ Бюхнеромъ, можно читать у Ульрици: Gott und die Natur, SS. 202—205.

Бюхнеръ, совершенно покидаютъ насъ; посему, вмѣсто пытливаго любопытства, не лучше ли было Бюхнеру остановиться здѣсь, а не вступать въ ту область, гдѣ естествознанію легко заблудиться и вдаться въ гипотезы и грезы, и гдѣ самая истина не можетъ быть узнана имъ по какому-либо вѣрному признаку? На то увѣреніе Бюхнера, что жизнь есть извѣстное соединеніе матеріи, сдѣлавшееся возможнымъ въ тотъ моментъ, когда представились къ тому благопріятныя обстоятельства, мы вправѣ отвѣтить, что не понимаемъ его объясненій и не станемъ съ нимъ спорить, потому что ни ему, ни намъ совершенно не извѣстны эти обстоятельства и что все тутъ основано на гаданіяхъ, въ которыхъ никакъ нельзя различить истинно-возможнаго отъ невозможнаго. При томъ, обстоятельства, какъ бы онѣ ни могли располагаться, не могутъ ни для чего послужить основаніемъ, если имъ не достаетъ никакой силы и дѣятельности, — и расположеніе обстоятельствъ само должно имѣть основаніе или силу. Бюхнеръ, впрочемъ, не довольствуется одними гипотезами и гаданіями. Онъ призываетъ во свидѣтели и здѣсь, какъ и всюду, точную науку, утверждая, что и нынѣ, по наблюденіямъ науки, еще совершается въ природѣ такъ называемое *самопроизвольное зарожденіе* (generatio aequivoca), хотя дѣйствіе его и ограничивается, по собственному его сознанію, организмами микроскопическими и самыми несовершенными [1].—Было время, и очень не далекое отъ насъ, когда наука или, точнѣе, многіе ученые дѣйствительно вѣрили существованію самопроизвольнаго зарожденія, хотя также въ предѣлахъ міра микроскопи-

---

[1] Force et Matierè, p. 69.

ческаго, — вѣрили потому, что имѣли предъ глазами неизъяснимые для того времени факты, которые, повидимому, были въ пользу ихъ гипотезы, какъ напримѣръ: особенно существованіе многихъ глистъ, всегда лишенныхъ воспроизводительныхъ органовъ и появляющихся въ самой глубинѣ нашихъ тканей, въ мускулахъ (пузырчатая гидатида), въ мозгу (пузырчатая глиста мозга). Приверженцы внезапнаго рожденія съ торжествомъ дѣйствительно указывали на эти факты и возражали: какъ объяснить ихъ внѣ этой доктрины? Откуда берутся эти странныя существа, населяющія иногда миріядами внутренности и ткани, проникающія даже до черепной полости и въ глазныя впадины? Но и эти нѣкогда необъяснимые факты перестали быть тайною для науки нашего времени, благодаря трудамъ искусныхъ натуралистовъ—Стенструпа, фонъ-Бенедена, Кюхенмейстера, Катрфажа и другихъ. Открытія, относящіяся къ такъ называемому генеагенезису въ мірѣ органическомъ, разрѣшили эти загадочные факты самымъ яснымъ образомъ и основывающуюся на нихъ доктрину самопроизвольнаго зарожденія подорвали въ самомъ основаніи. „Всѣ эти мнимые безбрачные виды — говоритъ Катрфажъ—суть только различныя фазы развитія видовъ, имѣющихъ полы. Уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ прослѣдили перемѣны всякаго рода, какія претерпѣваются этими послѣдними, чтобы достигнуть состоянія зародыша въ состояніи полнаго животнаго, и аналогія, съ каждымъ днемъ становящаяся яснѣе, заставляетъ думать, что то же самое бываетъ и въ другихъ. Посредственно или непосредственно всякое животное восходитъ къ отцу и матери. Феномены генеагенезиса прикрываютъ, но никогда не измѣняютъ въ сущности этой великой

истины“ [1]. Такимъ образомъ и послѣдній капитальный аргументъ, призванный на помощь защитниками самопроизвольнаго зарожденія, и въ неоспоримой твердости котораго вполнѣ убѣжденъ и Бюхнеръ, палъ, чтобы никогда не подняться. Мнимое внезапное зарожденіе оказалось такъ называемымъ особеннымъ безбрачнымъ зарожденіемъ и есть собственно феноменъ возрастанія или одинъ изъ феноменовъ генеагенезиса. Напрасно также Бюхнеръ хочетъ укрыться съ своей доктриной самопроизвольнаго зарожденія въ темный и едва доступный для чувствъ міръ микроскопическихъ созданій. Безпристрастная наука нашего времени, освѣтившая своими изслѣдованіями самыя потаенныя и темныя области міра физическаго, рѣшительно и безвозвратно изгоняетъ и отсюда эту доктрину и не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея полнѣйшей несостоятельности и въ отношеніи къ міру инфузорій, какъ и всему животному органическому міру. И въ мірѣ инфузорій признано существованіе половъ и доказано ихъ размноженіе посредствомъ яицъ. Законъ Гарвея: omne vivum ex ovo, какъ видно, не имѣетъ исключеній [2]. Особенно тщательныя изслѣдованія Пастёра, одного изъ лучшихъ современныхъ намъ химиковъ французскихъ, нанесли въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, рѣшительный ударъ теоріи гетерогенистовъ. Своими интересными опытами этотъ французскій натуралистъ показалъ даже возможность производить по желанію зарожденіе инфузорій помощію ихъ зародышей. Онъ собиралъ ихъ изъ воздуха и сѣялъ какъ зерна [3].—Правда, защит-

---

[1] Подробное раскрытіе этого можно читать у Катрфажа: Метаморфозы человѣка и животныхъ, гл. XVIII и XIX, стр. 159, 215

[2] Метаморфозы человѣка и животныхъ, стр. 145—146.

[3] Тамъ же, стр. 160.

ники побѣжденной доктрины внезапнаго зарожденія еще не теряютъ окончательно надежды, что вотъ среди опытовъ въ химической лабораторіи вдругъ химику удастся произвести такое счастливое сочетаніе элементовъ, что ихъ нихъ образуется животная ячейка и такимъ образомъ догматъ матеріалистическій, что жизнь есть простой, хотя и болѣе сложный, физико-химическій процессъ, получитъ свою силу, восторжествуетъ вполнѣ надъ противоположными мнѣніями ([1]). Но—скажемъ на это—надежды и ожиданія, какъ бы онѣ ни были смѣлы, никогда не могутъ быть доказательствами въ научномъ изслѣдованіи, и здравая наука никогда не можетъ раздѣлять ихъ, по ихъ неосновательности и произвольности. Вопросъ о началѣ и основаніи органической жизни остается во всякомъ случаѣ не разгаданною тайною для матеріализма и никакимъ образомъ необъяснимою посредствомъ его механико-химической теоріи.

Отъ полемической и болѣе отрицательной стороны дѣла обратимся къ положительной. Если жизнь органическая не есть физико-химическій процессъ и никакимъ образомъ необъяснима изъ этого процесса, то гдѣ же, спрашивается, первоначальный источникъ органической жизни на землѣ? Кто виновникъ ея? И какой внутренній дѣятель, спросятъ насъ защитники матеріалистическаго міровоззрѣнія, служитъ, по нашему мнѣнію, основаніемъ этой жизни? Отвѣчая на эти вопросы, мы хотимъ противопоставить матеріалистическимъ выводамъ Бюхнера, какіе онъ дѣлаетъ изъ основаній своей механико-химической теоріи жизни, выводы, существеннымъ образомъ вытекающіе изъ указанныхъ

([1]) Естественная исторія мірозданія. Перев. А. Пальховскаго. См. замѣтки переводчика XI, стр. 364, 365.

нами положительныхъ, ясныхъ фактовъ науки и опыма. Какъ въ своихъ разсужденіяхъ о происхожденіи вселенной и нашего земнаго шара, такъ, въ частности и въ своемъ ученіи о происхожденіи и развитіи органическихъ существъ, Бюхнеръ, прежде всего, на каждомъ шагу, спѣшитъ выставить предъ читателемъ заключеніе, что нѣтъ и не можетъ быть Бога—всемогущаго Творца міра и населяющихъ его тварей. Въ этомъ своемъ выводѣ онъ видитъ блестящую побѣду современной естественной науки надъ прежнимъ вѣрованіемъ въ сверхъестественную силу (1). Все это въ устахъ Бюхнера нисколько неудивительно и едва ли можетъ ввести въ соблазнъ читателя, понимающаго, что такое значитъ наука на языкѣ Бюхнера, и что онъ называетъ нерѣдко побѣдою ея. Наука для Бюхнера,—это кружокъ ученыхъ, идущихъ по одной съ нимъ дорогѣ; каждое мнѣніе ихъ, направленное въ пользу матеріализма, составляетъ для него побѣду науки. Истинно точная наука въ настоящемъ случаѣ отнюдь не раздѣляетъ торжества Бюхнера надъ вѣрованіемъ въ сверхъестественную Силу. Напротивъ, она почти буквально повторяетъ, въ своихъ выводахъ, послѣ долговременныхъ и тщательныхъ изслѣдованій, сказаніе Божественнаго Откровенія о происхожденіи міра органическихъ существъ на землѣ: Богъ, Творецъ неба и земли—вотъ Кто, по ея признанію, Виновникъ жизни этихъ существъ „Всякое животное, говоритъ Катрфажъ въ заключеніе своихъ тщательныхъ изслѣдованій о метаморфозахъ человѣка и животныхъ, восходитъ къ отцу и матери. Отецъ и мать, т. е. самецъ и самка, таково начало всякаго живаго

(1) Force et Matière, p. 89.

существа. Существованіе половъ, которыхъ неорганическая природа не представляетъ даже слѣда, проявляется какъ характеръ, отличающій органическую природу, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ, *положенныхъ въ ней съ начала вещей*. За исключеніемъ нѣкоторыхъ изъятій, болѣе мнимыхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ, и число которыхъ ежедневно уменьшается, можно сказать, что *органическій міръ былъ сотворенъ двойственнымъ*, что существуетъ міръ самцовъ и міръ самокъ. Болѣе или менѣе тѣсныя связи могутъ существовать между ними, но ихъ всегда различаютъ, и замѣчательно, что ихъ раздѣленіе, болѣе или менѣе рѣзкое, есть признакъ совершенствованія (1)". Этими словами не тоже-ли говоритъ намъ Катрфажъ отъ лица современной науки, что высказываетъ и богодухновенный Моѵсей, говоря: и *рече Богъ: да произраститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое творящее плодъ, ему же сѣмя его въ немъ по роду на земли: и бысть тако. И сотвори Богъ звѣри земли по роду, и скоты по роду ихъ, и вся гады земли по роду ихъ. И благослови я Богъ, глаголя: раститеся и множитеся, и наполняйте воды, яже въ моряхъ: и птицы да умножатся на земли.* (Быт. гл. 1, 11, 22, 25). Такимъ образомъ, великій законъ, лежащій въ основѣ всего органическаго міра— размноженіе его при посредствѣ отца и матери, или посредствомъ сѣмени, какъ въ царствѣ растительномъ, всегда былъ и есть постоянный наглядный памятникъ премудрой творческой Силы Божіей и того всемогущаго благословенія Творца, по силѣ котораго этотъ законъ только и дѣйствуетъ въ мірѣ. Такъ понимаютъ этотъ

(1) Метаморфозы человѣка и животныхъ, стр. 215.

законъ и самые наставники Бюхнера—напримѣръ Котта, у которыхъ онъ, заимствуя крайности и заблужденія, не хочетъ заимствовать истины ([1]). Бюхнеръ самъ долженъ былъ бы признать дѣйствительность и абсолютное значеніе этого закона, если бы онъ остался вѣренъ кореннымъ началамъ своей системы. По собственному же его ученію, неизмѣнность законовъ природы такова, что она никогда и нимало не допускаетъ исключенія; необходимость абсолютная и непреодолимая господствуетъ надъ матеріею ([2]). Единственная возможность уклониться отъ признанія этого закона основнымъ и кореннымъ закономъ, положеннымъ Самимъ Творцемъ отъ начала вещей, была для Бюхнера въ теоріи *внезапнаго или самопроизвольнаго зарожденія*; но эта теорія, какъ мы видѣли, отвергнута современною наукою и разрушена до основанія, какъ мечтательная, а не на точномъ наблюденіи и пониманіи фактовъ обоснованная. Какую же, спрашивается, побѣду можетъ дѣйствительно торжествовать современная наука, побѣду ли, какъ говоритъ Бюхнеръ, надъ всегдашнимъ вѣрованіемъ въ Премудраго и Всемогущаго Творца вселенной, или скорѣе надъ врагами этого вѣрованія, каковы и современные матеріалисты? Очевидно послѣднюю; иной и быть не можетъ. Въ минуты болѣе счастливыя и самъ Бюхнеръ сознавалъ, что послѣдняя загадка міра и жизни для него неразрѣшима ([3]). Какъ благоразумно поступилъ бы онъ съ своей стороны, если бы совсѣмъ не пытался разрѣшать эту загадку, если уже

([1]) Force et Matière, p. 71.

([2]) Natur und Geist, S. 263.

([3]) Ibid.

онъ не хочетъ вѣрить разрѣшенію ея въ Божественномъ Откровеніи.

Разбирая далѣе механико-химическую теорію Бюхнера, какъ принципъ органической жизни, мы всюду и постоянно выставляли на видъ, что путемъ одного механико-химическаго процесса всѣ жизненныя явленія необъяснимы,—что есть, дѣйствительно, въ органическихъ существахъ феномены теплоты, электричества, свѣта, проявляются въ нихъ каждую минуту химическое средство, волосность, факты, которые вяжутся съ катализисомъ и эпиполизмомъ и проч., но что всѣ эти явленія происходятъ въ живомъ существѣ подъ вліяніемъ высшаго и самостоятельнаго дѣятеля, который заставляетъ дѣйствующія въ организмѣ физико-химическія силы производить вмѣсто аммоніакальныхъ солей именно кровь и мускулы, вмѣсто кристалловъ фосфорической извѣсти—кости, вмѣсто грубыхъ тѣлъ—растенія и животныхъ и притомъ съ опредѣленнымъ типомъ и проч. Кто же этотъ дѣятель, спросятъ насъ защитники Бюхнера, котораго мы поставляемъ на мѣсто или совмѣстно съ ихъ физико-химическими силами? И что же такое по нашему мнѣнію, жизнь? Отвѣчаемъ прежде на послѣдній вопросъ. Въ предѣлахъ точнаго естествознанія всего философичнѣе, скажемъ словами Льюиса, разсматривать жизнь, какъ первичный фактъ, какъ одну изъ великихъ таинъ Неисповѣдимаго, одну изъ многихъ тайнъ, окружающихъ насъ (1). Говоримъ всего *философичнѣе*; потому что никакія изслѣдованія не придвинутъ насъ ни на шагъ къ рѣшенію вопроса: что такое жизнь? Чтобы рѣшить его, намъ надобно дойти до

---

(1) Физіологія обыденной жизни, соч. Г. Г. Льюиса, т. II, стр. 362.

самаго начала всѣхъ вещей; въ предѣлахъ же нашего наблюденія мы видимъ только непрерывное теченіе жизни, видимъ, какъ всякое растеніе, всякое животное получаетъ жизнь отъ своихъ родителей посредствомъ зерна или яйца, какъ потомъ, въ свою очередь, то и другое само даетъ подобное же бытіе и подобнымъ же образомъ другому индивидууму. Точному естествоиспытателю здѣсь предстоитъ только изслѣдовать тотъ *порядокъ явленій*, какими выражается жизнь, предоставляя судить о началѣ ея и ея сущности другимъ наукамъ, которыя имѣютъ для этого данныя. Итакъ, что же такое составляетъ сущность жизни? Какой внутренній дѣятель проявляетъ свои силы въ этомъ непонятномъ для насъ явленіи? Жизненная сила или жизненный геній, отвѣчали всего охотнѣе на этотъ вопросъ прежніе физіологи. Но какъ ни справедливъ и ни раціоналенъ этотъ отвѣтъ въ своемъ принципѣ, тѣмъ не менѣе онъ справедливо заслужилъ, по своей неопредѣленности, негодованіе большинства натуралистовъ и физіологовъ нашего времени. Пока мы не знаемъ, что такое жизненная сила, до тѣхъ поръ положеніе, что жизненная сила строитъ живое тѣло, будетъ тождесловіемъ, объясненіемъ idem per idem. Мы должны найти того внутренняго дѣятеля, на существованіе котораго, какъ мы видѣли, такъ настойчиво указываютъ всѣ явленія органической жизни, и котораго пока называютъ неопредѣленнымъ именемъ жизненной силы. Въ нашихъ наблюденіяхъ есть единственный случай, гдѣ мы встрѣчаемся съ внутреннимъ дѣятелемъ. Мы разумѣемъ *душу*, которую мы понимаемъ не подъ туманнымъ именемъ внутренняго дѣятеля, но которая извѣстна намъ по своимъ дѣйствительнымъ качествамъ. Если мы воспользуемся этимъ

единственнымъ познаніемъ внутренняго опыта, чтобы наполнить существующимъ содержаніемъ общее понятіе жизненной силы, то мы будемъ вынуждены признать, что *жизненная сила есть душа.* Такъ рѣшалъ этотъ вопросъ, какъ извѣстно, въ древности еще Аристотель; къ такому же рѣшенію приходятъ и многіе изъ философовъ и натуралистовъ нашего времени ([1]). Можетъ ли основаться на такомъ рѣшеніи опытная наука, предоставляемъ судить ея представителямъ; но философія только въ такомъ рѣшеніи вопроса о сущности жизни находитъ для себя и рѣшеніе другихъ частнѣйшихъ проблеммъ метафизики и психологіи и прочную основу для всего своего гармоническаго міровоззрѣнія. Единство человѣческой личности и сознанія, единство и тѣснѣйшая внутренняя связь всѣхъ частей организма и ихъ жизнедѣятельности, въ высшей степени цѣлесообразное морфологическое развитіе его, все это и другое составляетъ такія данныя, которыя объяснимы только при предположеніи единой высшей, разумной силы, дѣйствующей при этомъ ([2]). Переходя отъ человѣка къ животнымъ и растеніямъ, наука также находитъ возможнымъ и правильнымъ предположеніе, что не только организмъ первыхъ развиваетъ свойственная имъ душа, но и органическая жизнь послѣднихъ имѣетъ въ своемъ основаніи бытіе подобной же, хотя и несравненно низшей, психической силы, обнаруживающейся въ нихъ только какъ *vis plastica* ([3]).

([1]) Gott und die Natur, Dr. Ulrici, S. 410—412.

([2]) „Die Seelenlehre des Materialismus“ I. H. Fichte, SS. 67 — 71 (Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Bd. XXV, 1854); ср. Gott und die Natur, Dr. Ulrici, S. 411; метаморфозы человѣка и животныхъ, Катрфажа, стр. 217.

([3]) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. 411.

IY.

Итакъ, міръ не есть механизмъ, обязанный своимъ происхожденіемъ исключительно физико-химическимъ силамъ самой матеріи, потому что въ немъ, какъ мы видѣли, всюду разлита жизнь, которая своимъ бытіемъ указываетъ на бытіе Источника жизни—Высшей и разумной силы — Всемогущаго Бога. Но, кромѣ жизни, въ мірѣ всюду видна *мысль*, всюду отображается *Разумъ*, Божественный Промыслъ: міръ есть *символъ*, какъ говоритъ Фехнеръ, — Безконечнаго Духа и Его совершенствъ, подобно тому, какъ тѣло человѣка служитъ символомъ его духа (¹).

Строго вѣрный своему принципу, Бюхнеръ со всею силою возстаетъ также и противъ этой послѣдней истины, какъ и противъ вѣрованія въ Божественное твореніе міра,—возстаетъ тѣмъ болѣе, что, по собственному его замѣчанію, признаніе разумнаго плана и промысла во вселенной всегда служило и служитъ однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ аргументовъ о Божественномъ твореніи ея. „Міръ, говоритъ Бюхнеръ, отнюдь не есть реализація мысли Единаго Творца, но механическая связь вещей и явленій, которыя нужно познавать такъ, какъ онѣ существуютъ, а не такъ, какъ хотѣла бы воображать ихъ себѣ наша фантазія (²). Ближайшій и существенный пунктъ, гдѣ естественная наука и философія сходятся съ богословскимъ ученіемъ о промыслѣ

(¹) Professor Schleiden und der Mond G. Th. Fechner. Leipzig 1856 г. ss. 117—132.

(²) Force et Matière, p. IX.

Божіемъ въ мірѣ, есть ученіе о такъ называемыхъ *конечныхъ причинахъ* или цѣляхъ природы. На этотъ-то пунктъ и направляетъ всѣ свои удары Бюхнеръ, доказывая, какъ въ свое время доказывалъ *Э. Литтре*, подобный же ему физіологъ—матеріалистъ (¹), что ученіе о конечныхъ причинахъ или цѣляхъ природы совершенно разрушено въ наше время новыми открытіями и изслѣдованіями наукъ положительныхъ, что, такимъ образомъ, неутомимая въ своихъ изысканіяхъ наука разбила въ самыхъ послѣднихъ основаніяхъ древнее суевѣріе, родившееся въ дѣтствѣ народовъ о Божественномъ управленіи міромъ (²).

Бюхнеръ, какъ очевидно, очень хорошо понимаетъ, какое важное значеніе имѣетъ удержаніе въ философіи или разрушеніе ученія о конечныхъ причинахъ. Съ этимъ ученіемъ соединено, дѣйствительно, рѣшеніе существенно богословскаго вопроса: основательно ли, разумно ли убѣжденіе въ томъ, что міръ физическій, а за нимъ и нравственный, премудро устроенъ и предначначенъ къ благимъ цѣлямъ Высочайшимъ Умомъ,— или это только старая гипотеза, ни на чемъ не основанная и окончательно разрушенная современными успѣхами естествознанія, совершенно удовлетворительно изъясняющаго все изъ необходимаго дѣйствія свойствъ матеріи, которая, конечно, не имѣетъ въ виду никакихъ цѣлей и не знаетъ различія между добромъ и зломъ? Съ такимъ или другимъ рѣшеніемъ этого ученія окончательно стоитъ или падаетъ и все вообще механиче-

---

(¹) См. Современникъ за 1847 г. № 2 стр. 125—164 „О важности и успѣхахъ физіологіи".

(²) Force et Matière, p. 34.

ское міровоззрѣніе Бюхнера, вся его натуралистическая система. Посему, иного рѣшенія этого ученія, нежели какое даетъ Бюхнеръ, нельзя было и ожидать отъ него. Но какія же данныя даютъ Бюхнеру право сказать, что ученіе о конечныхъ причинахъ или цѣлесообразности въ природѣ разрушено, или, по крайней мѣрѣ, должно быть разрушено и совершенно изгнано изъ науки?

„Философское понятіе цѣлесообразности должно быть совершенно изгнано, говоритъ Бюхнеръ, изъ *науки*, потому что оно, разсматриваемое какъ принципъ знанія, какъ методъ науки, оказывается самымъ вреднымъ и фальшивымъ воззрѣніемъ на природу, приводитъ къ безчисленнымъ заблужденіямъ; чрезъ освобожденіе отъ грубыхъ идей телеологіи новѣйшая наука естествознанія, по мнѣнію Бюхнера, сдѣлала замѣчательные успѣхи, не останавливаясь болѣе на поверхности вещей и предоставляя мудрости школьныхъ учителей продолжать эти невинныя занятія телеологіей среди юныхъ слушателей, наполняющихъ ихъ зала“ (1). Такимъ образомъ, Бюхнеръ отказывается признать существованіе конечныхъ причинъ или разумныхъ цѣлей въ природѣ, на томъ, прежде всего, основаніи, что примѣненіе телеологическаго принципа въ научномъ изслѣдованіи природы часто приводило и приводитъ къ фальшивымъ воззрѣніямъ на природу, къ безчисленнымъ заблужденіямъ. Что̀ сказать о такомъ основаніи? Прежде всего, легко понять, что Бюхнеръ въ этомъ случаѣ, ратуя противъ телеологическаго міровоззрѣнія, смѣшиваетъ два понятія: *методъ* науки съ *дѣйствительною природою* вещей.

---

(1) Natur und Geist ss. 267, 268 и Force et Matiére, p. 90, 91.

Самъ по себѣ, телеологической принципъ, разсматриваемый, какъ методъ науки, можетъ быть и безплоденъ и даже вреденъ въ наукѣ, — можетъ быть причиною многихъ заблужденій, но отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, что нѣтъ никакихъ цѣлей или конечныхъ причинъ въ дѣйствительности, въ самой природѣ. Заблужденіе относительно какой нибудь истины еще не даетъ никогда права отвергать и самую истину. Если же мы, въ противоположность указываемому Бюхнеромъ авторитету современнаго естествознанія, обратимся къ исторіи ученія о конечныхъ причинахъ, какъ понимали это ученіе и раскрывали важность его для науки знаменитѣйшіе представители ея всѣхъ временъ и на этомъ основаніи будемъ составлять заключеніе—нужно ли признать или отвергнуть существованіе конечныхъ причинъ въ природѣ, то едва ли будетъ побѣда въ этомъ случаѣ на сторонѣ Бюхнера. Ученіе о цѣлесообразномъ устройствѣ міра—не новое, не гипотеза, вымышленная кѣмъ нибудь, но древняя истина, руководствомъ которой пользовалась наука съ незапамятныхъ временъ. На сторонѣ этой истины, какъ ея защитники, раскрывавшіе ея значеніе въ наукѣ и сами съ пользою примѣнявшіе ее въ своихъ изслѣдованіяхъ, стоятъ первѣйшіе авторитеты древности въ ученомъ мірѣ, какъ напр. Пиѳагоръ, Платонъ, Аристотель, Цицеронъ и друг. (¹). Основатели новаго самостоятельнаго направленія философіи и естествознанія въ XVII ст. Бэконъ и Декартъ были, по видимому, противъ конечныхъ причинъ, но *противъ*—не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ совре-

(¹) Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ. Пис. 1 стр. 176—194 (Приб. къ твор. св. Отцовъ, 1847 г.).

менный матеріализмъ. Оба они вооружались не противъ *самаго бытія* въ природѣ причинъ конечныхъ, а только противъ умствованій о нихъ схоластическихъ философовъ, въ своемъ изъисканіи конечныхъ причинъ забывавшихъ или пренебрегавшихъ причинами физическими; оба они хотѣли только, чтобы преждевременнымъ и поспѣшнымъ вмѣшательствомъ конечныхъ причинъ не было нарушено и поставлено въ пренебреженіе изъисканіе физическихъ причинъ. Бэконъ, при всемъ своемъ уваженіи къ причинамъ физическимъ, говорилъ, что философы, занимавшіеся разъисканіемъ ихъ, никогда не находили довершенія изслѣдованій своихъ о природѣ, если не обращались, наконецъ, къ Богу и Его Провидѣнію ([1]). Въ послѣднія три столѣтія, множество новыхъ открытій въ естествознаніи, сдѣланныхъ при помощи наблюденій путешественниковъ, при посредствѣ телескоповъ и микроскоповъ и при руководствѣ математики, обогатило и философовъ и естествоиспытателей разнообразными средствами и подало имъ новыя сильнѣйшія побужденія къ благоговѣйному разсматриванію цѣлесообразности въ природѣ ([2]). Такимъ образомъ, философское преданіе всѣхъ временъ и людей мыслящихъ говоритъ намъ вовсе не то, какъ выдаетъ Бюхнеръ ([3]), чтобы разсмотрѣніе природы на основаніи телеологическаго принципа было ложнымъ: напротивъ, со стороны людей глубоко мыслящихъ, а не поверхностно смотрящихъ на дѣло, такое разсмотрѣніе всегда признавалось самымъ плодотворнымъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ дѣйствительности. Эмпедоклъ, Эпикуръ,

([1]) Тамъ же, стр. 195—196.
([2]) Тамъ же, стр. 199—205.
([3]) Natur und Geist s. 273.

Гольбахъ и друг., на которыхъ ссылается Бюхнеръ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить представителями философскаго преданія всѣхъ временъ. Ученіе о конечныхъ причинахъ въ природѣ, какъ принципъ міровоззрѣнія, всегда стояло и стоитъ непоколебимымъ. Были, какъ мы видѣли, протесты противъ ложнаго одностороння го примѣненія этого принципа въ наукѣ, но ни какъ не противъ истины и основательности самаго принципа. Методъ науки и дѣйствительная природа—двѣ вещи, которыя наука всегда различала и различаетъ и заблужденія первой никогда не переносила и не переноситъ на послѣднюю. Бюхнеръ опускаетъ изъ вниманія эту простую и очевидную истину, и потому-то, ратуя противъ ложнаго и односторонняго примѣненія телеологическаго принципа въ наукѣ, думаетъ этимъ ниспровергнуть и самое существованіе конечныхъ причинъ въ природѣ. Но кто же, здраво и логически разсуждающій, можетъ позволить себѣ дѣлать подобные выводы. Въ протестѣ Бюхнера есть, очевидно, своя доля правды, но онъ, уничтожая заблужденіе, вырываетъ съ корнемъ и самую истину. Дѣло въ томъ, что новѣйшая естественная наука совершенно справедлива, когда она отвергаетъ телеологію, какъ методъ изъясненія явленій природы, т. е. выводъ ихъ изъ заранѣе предположенныхъ цѣлей, чрезъ что́, дѣйствительно, можетъ быть привнесенъ искуственный масштабъ въ изслѣдованіе природы и оно можетъ потерять изъ виду дѣйствительную, естественную связь вещей и явленій. Поступая такимъ образомъ, наука имѣетъ въ виду то справедливое основаніе, что мы цѣлей природы не знаемъ a priori, и слѣдовательно, совершенно не имѣемъ права въ наукѣ о природѣ *напередъ полагать* цѣли и тѣмъ болѣе цѣли

опредѣленныя, *частныя*. Но это замѣчаніе безпристрастная наука должна сдѣлать не относительно только конечныхъ причинъ: оно имѣетъ полное значеніе и приложеніе ко всякому объясненію явленій изъ причинъ и законовъ *дѣйствующихъ*, *физическихъ*. Метафизическое основаніе тѣхъ и другихъ одно. И здѣсь также a priori мы ничего болѣе не знаемъ, кромѣ формальнаго закона причинности, лежащаго въ нашемъ разсудкѣ и выражаемаго нами въ общемъ правилѣ, что все являющееся и дѣйствующее въ природѣ должно имѣть свою причину, подобно тому, какъ мы a priori не *можемъ* не полагать, что все въ природѣ должно имѣть свою цѣль. Не смотря на то, наука, слѣдуя предписанію логическаго закона, что̀ все, что ни бываетъ, должно имѣть свою причину, принимаетъ дѣйствующія силы въ природѣ и, послѣ того какъ она нашла одинъ и другой законъ для ихъ дѣятельности, предполагаетъ, что и все бываетъ по опредѣленнымъ законамъ и изслѣдуетъ эти законы. Такъ именно поступаетъ и должна поступать, по тѣмъ же основаніямъ, наука и относительно закона конечныхъ причинъ. Наука не можетъ и не должна полагать никакихъ цѣлей *напередъ* для своихъ изслѣдованій, особенно цѣлей частныхъ: въ этомъ случаѣ онѣ могутъ быть для нея большею частію, но не всегда, безплодными неродящими дѣвами, какъ называлъ ихъ Бэконъ, могутъ быть и положительно вредными; но, послѣ того, какъ она узнала, что дѣйствующія причины въ природѣ весьма часто бываютъ вмѣстѣ и *конечными*, или направляются въ своемъ дѣйствіи къ извѣстнымъ цѣлямъ, какъ своимъ конечнымъ причинамъ, она заботливо можетъ и должна изслѣдовать цѣли природы и не въ правѣ отрицать ихъ потому только, что онѣ большею

частію представляются намъ не въ такой ясности и отчетливости, какъ простыя дѣйствующія причины, изъ которыхъ также весьма часто только подобныя, второстепенныя признаются нами дѣйствующими, а отнюдь не ближайшія и въ собственномъ смыслѣ детерминитивныя, дѣйствующія причины.

Итакъ. вотъ *основанія*, по которымъ,—и *норма*, въ предѣлахъ которой сама точпая наука естественная не только можетъ, но и должна руководствоваться телеологическимъ принципомъ въ изслѣдованіи природы и, подъ его руководствомъ, раскрывать положенныя Творцомъ цѣли ея, премудрый порядокъ и планъ ея устройства ([1]). Можно ли что нибудь сказать противъ такого примѣненія телеологическаго принципа? По крайней мѣрѣ, менѣе всѣхъ можетъ сказать противъ этого сама же наука естественная, за интересы которой такъ хлопочетъ Бюхнеръ. Безъ телеологіи, говоритъ Фехнеръ, чтеніе книги природы не имѣетъ никакого смысла ([2]). Мы скажемъ, съ своей стороны, болѣе: безъ телеологіи невозможно и *самое чтеніе*, какъ невозможно — употребимъ примѣръ Цицерона—то, что стоитъ только высыпать на землю безчисленное множество отлитыхъ изъ золота буквъ латинской азбуки,—и изъ нихъ тотчасъ составятся лѣтописи Эннія ([3]). Матеріализмъ беретъ въ книгѣ природы отдѣльныя буквы ея алфавита и нехочетъ знать цѣли ихъ употребленія и ихъ значенія въ общемъ составѣ: какимъ же образомъ возможно чтеніе этой книги для него? „Телеологія, говоритъ въ дру-

---

([1]) Gott und die Natur, Urlici S. 377. Professor Schleiden und Mond, G. Th. Fechner Ss. 99—107.

([2]) G. Th: Fechner a. a. o. s. 107.

([3]) Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ. Письмо 1 стр. 189.

гомъ мѣстѣ тотъ же Фехнеръ, составляетъ для натуралиста руководительный глазъ и руку, ногу, на которой онъ утверждается: безъ нея онъ слѣпъ и не проворенъ въ своемъ дѣлѣ (1)". Въ самомъ дѣлѣ, опытъ Гарвея, знаменитаго врача, открывшаго кругообращеніе крови, и признавшагося, что поводомъ къ сему открытію было для него отысканіе конечныхъ причинъ, — именно та мысль, что природа, вѣрно, не безъ цѣли снабдила наши кровевозвратныя жилы множествомъ заслоночекъ, которыя удобно открываются, чтобы допускать кровь къ сердцу, и закрываются, чтобы не пускать ее назадъ— этотъ опытъ не единственный въ исторіи естествознанія (2). Извѣстны особенно въ этомъ случаѣ опыты *Кювье*, который въ состояніи былъ по одной отдѣльной кости какого нибудь еще неизвѣстнаго, изъ допотопнаго міра сохранившагося, животнаго опредѣлить съ совершенною вѣрностію все строеніе его въ его существенныхъ чертахъ,—и этимъ онъ обязанъ былъ именно закону конечныхъ причинъ, которымъ онъ пользовался въ своихъ изслѣдованіяхъ сколько съ величайшею ученостію, сколько же и съ рѣдкимъ остроуміемъ. Каждый учебникъ ботаники, зоологіи и физіологіи представляетъ доказательства того, что естествознаніе, особенно въ области органическаго бытія, почти на каждомъ шагу видитъ себя вынужденнымъ признать законъ конечныхъ причинъ и пользоваться имъ, потому что онъ часто приводитъ къ общимъ законамъ, которые оказываются столько же ясными и неопровержимыми, какъ и тѣ,

---

(1) G. Th. Fechner. a. a. o. s. 102.

(2) Примѣры подобныхъ открытій въ Естествознаніи, по руководству именно конечныхъ причинъ, собраны у Фехнера въ означенномъ нами сочиненіи стр. 76, 107—116.

которые составляютъ результатъ вычисленія и опытовъ. По сему даже естествоиспытатели съ матеріалистическими тенденціями, которые въ принципѣ отвергаютъ всякій разумный планъ и цѣлесообразность въ природѣ, вынуждены бываютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ невольно признать ихъ ([1]). Но вотъ торжественное признаніе конечныхъ причинъ и въ наукѣ и въ природѣ со стороны самаго главы современнаго матеріализма, Молешотта: „не думайте, говоритъ Молешоттъ, уже профессоръ туринскій,—чтобы я былъ сто́лько безразсуденъ или столько слѣпъ, чтобы отрицать существованіе намѣренія и цѣлей въ природѣ. Всѣ тѣ, идеи которыхъ я раздѣляю, также отнюдь не отвергаютъ τέλος, который они разгадываютъ, а иногда даже и ясно видятъ въ природѣ, вмѣстѣ съ Аристотелемъ. Они хотятъ только предостеречь изслѣдователя отъ лабиринта, въ которомъ можетъ запутаться его изслѣдованіе, если онъ будетъ предаваться обольстительнымъ и неразумнымъ догадкамъ о цѣляхъ, вмѣсто того, чтобы строго держаться изслѣдованія дѣйствующихъ причинъ (rerum cognoscere cavsas) ([2]). Съ этимъ признаніемъ, замѣтимъ кстати, Молешоттъ принимаетъ, очевидно, и прежде оспариваемое имъ положеніе, что цѣлесообразность природы указываетъ на личнаго Творца и Промыслителя вселенной. Такимъ образомъ, одно изъ существенныхъ основаній Бюхнера къ отрицанію конечныхъ причинъ въ природѣ,—основаній, на сторонѣ которыхъ думалъ видѣть Бюхнеръ и самую науку за одно съ собою, оказывается столь ложнымъ и несостоятельнымъ предъ судомъ

([1]) Напр. Бурмейстеръ (Geolog. Bilder I, ss. 207, 214, 276).

([2]) Le Materialisme contemporaine en Allemagne. Paul Janet p. 132—133.

самой же точной науки и здраваго разума, что отъ него отказывается даже одинъ изъ главнѣйшихъ представителей современнаго матеріализма. Но не болѣе вѣрны и состоятельны и другія основанія Бюхнера.

Бюхнеръ вполнѣ убѣжденъ, въ слѣдъ за многими натуралистами, что ученіе о конечныхъ причинахъ въ природѣ рушится въ самой основѣ, коль скоро современною наукою доказано, какъ извѣстныя дѣйствія или явленія природы, называемыя нами цѣлесообразными, составляютъ необходимый результатъ извѣстныхъ данныхъ, дѣйствующихъ причинъ, дознаніе этихъ послѣднихъ кажется ему рѣшительнымъ доказательстомъ противъ существованія первыхъ; гипотеза конечныхъ причинъ есть только, по Бюхнеру, невѣденіе причинъ дѣйствующихъ, какъ признавали это Эпикуръ и Спиноза. Нельзя сказать, по логикѣ Бюхнера, что олень имѣетъ длинныя ноги *для того*, чтобы быстро бѣгать, но что онъ потому быстро бѣгаетъ, что имѣетъ длинныя ноги. Мы имѣемъ глазъ не для того, чтобы видѣть, но мы потому и видимъ, что имѣемъ глазъ. Вещи разъ навсегда то, что онѣ есть; если бы онѣ были устроены иначе, т. е. если бы было возможно, чтобы онѣ были иначе устроены, мы нашли бы ихъ не менѣе цѣлесообразными [1]. Такимъ образомъ, по Бюхнеру, дѣйствующія причины исключаютъ конечныя и дѣлаютъ ихъ совершенно безсмысленными. Но справедливо ли это? По нашему мнѣнію, мысль, что олень имѣетъ длинныя ноги для того, чтобы быстро бѣгать, гораздо раціональнѣе даже съ научной точки зрѣнія, чѣмъ мысль, что олень потому быстро бѣгаетъ, что онъ

---

[1] Force et Matière, p. 92. Natur und Geist, s. 275.

имѣетъ длинныя ноги, хотя первая и неисключаетъ последней. Длинныя ноги оленя—причина ли того, что онъ быстро бѣгаетъ? У журавля ноги, пропорціонально къ туловищу, гораздо длиннѣе, чѣмъ у оленя; по этому журавль долженъ бы, по видимому, бѣгать если не быстрѣе оленя, то по крайней мѣрѣ съ быстротой не менѣе замѣчательной быстроты оленьяго бѣга. На дѣлѣ же мы не видимъ этого. Стало быть, длинныя ноги у того и другаго животнаго — не просто причина, но средство, принаровленное къ извѣстной цѣли, и различіе именно цѣлей даетъ также различное значеніе одинаковой, по видимому, особенности ногъ оленя и журавля. По этому-то физіологи болѣе компетентные, чѣмъ Бюхнеръ, сознаются, что физіологъ принужденъ признать гармоническую и предустановленную цѣлесообразность въ организованныхъ тѣлахъ, чтобы наблюдаемымъ имъ фактамъ дать точный ихъ смыслъ, настоящее значеніе ([1]). И какимъ образомъ, далѣе, понятіе конечныхъ причинъ не примиримо съ понятіемъ причинъ дѣйствующихъ? Никто изъ допускающихъ конечныя причины или цѣли въ природѣ никогда не думалъ и не думаетъ сказать этимъ, что въ природѣ есть дѣйствія безъ причинъ или дѣйствія не пропорціональныя своимъ причинамъ, и что цѣли природы въ томъ и состоятъ, что она достигаетъ извѣстныхъ явленій или производитъ извѣстныя дѣйствія безъ всякихъ данныхъ къ этому средствъ или причинъ. Цѣль и средства или — что тоже — причины — два понятія немыслимыя одно безъ другаго. Конечныя причины не составляютъ чудесъ въ природѣ. Послѣ сего, что же удиви-

([1]) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 114—115.

тельнаго, если натуралистъ, изучая дѣйствующія причины въ извѣстномъ явленіи природы, приходитъ этимъ путемъ и къ уясненію конечныхъ причинъ, какъ ихъ необходимаго результата? Противное этому было бы и невозможно и нелѣпо. Такимъ образомъ, пусть натуралистъ изъяснитъ намъ во всей подробности всѣ тѣ причины и условія, по которымъ нашъ глазъ можетъ и долженъ извѣстнымъ образомъ видѣть предметы, — этимъ отнюдь не будетъ исключено то положеніе, что мы для того и имѣемъ глазъ, чтобы видѣть. Если Премудрый Творецъ хотѣлъ, чтобы мы *видѣли*,—что лучше могъ онъ сдѣлать, какъ не даровать намъ глаза? „Вещи разъ на всегда то, что онѣ есть, и если бы онѣ были устроены иначе, говоритъ Бюхнеръ, мы нашли бы ихъ не менѣе цѣлесообразными". Никто не будетъ и спорить противъ этого, скажемъ на это положеніе Бюхнера. Мы вѣримъ, что если бы Премудрому Творцу угодно было дать нашему міру другое устройство, нежели какое онъ имѣетъ теперь, Онъ устроилъ бы его не менѣе цѣлесообразнымъ. Нашъ разумъ находитъ разумный планъ и цѣлесообразность въ настоящемъ порядкѣ вещей и, чтобы судить о ихъ совершенствѣ, онъ вовсе не нуждается знать, чѣмъ были бы вещи, если бы онѣ иначе были устроены? Никакого сравненія для этого, какъ думаетъ Бюхнеръ, не нужно. Нужна только способность понимать вещи и стремленіе уразумѣть по возможности ихъ сущность и связь между собою. Осмѣлится ли же Бюхнеръ отказать человѣку въ этой способности и въ этомъ стремленіи?

Но въ самихъ же дѣйствующихъ причинахъ нѣтъ ли, вопреки увѣреніямъ Бюхнера, самаго рѣшительнаго доказательства господствующей всюду цѣлесообразности

въ природѣ? Мы называемъ причиною опредѣленное взаимодѣйствіе нѣсколькихъ силъ (всякая сила проявляетъ свою дѣятельность только во взаимодѣйствіи съ другими силами—это аксіома), имѣющее своимъ результатомъ какое нибудь дѣйствіе или явленіе природы. Но могли ли бы силы, въ своемъ взаимодѣйствіи, производить строго опредѣленныя, напередъ со всею математическою точностію вычисляемыя явленія, если бы онѣ и въ мѣрѣ своей дѣятельности и въ своемъ взаимодѣйствіи, не были принаровлены и навсегда предопредѣлены къ этимъ явленіямъ всемогущимъ Творцомъ? Въ природѣ, безъ сомнѣнія, имѣетъ мѣсто здѣсь тоже явленіе, какое мы наблюдаемъ и въ дѣлахъ человѣка—техника, когда онъ устраиваетъ какой-нибудь механизмъ для произведенія какихъ нибудь вещей и явленій. Механизмъ, по отношенію къ производимымъ имъ явленіямъ или предметамъ, есть также ихъ причина, а они по отношенію къ нему — слѣдствіе; но въ тоже время это слѣдствіе есть цѣль и было цѣлію, какую имѣлъ въ виду техникъ, давая извѣстное опредѣленное устройство самому механизму, какъ средству для достиженія этой цѣли: теперь эта цѣль, такъ сказать, имманентна механизму и выполняется имъ необходимо и мы смотримъ на механизмъ, только какъ на причину производимыхъ явленій. Заключая отсюда аналогически къ окружающей насъ природѣ, не можемъ ли мы и на всю природу, съ дѣйствующими въ ней силами, смотрѣть, какъ на огромный, устроенный премудрымъ и всемогущимъ Художникомъ небеснымъ механизмъ, въ которомъ дѣйствующія силы представляютъ въ своемъ дѣйствіи не просто механическое развитіе слѣдствій изъ причинъ, совершающееся то по необхо-

димости, то случайно, но съ тѣмъ вмѣстѣ самое премудрое и разумное сочетаніе средствъ и цѣлей, такъ что дѣйствіе силъ космическихъ всегда совершается по опредѣленному плану и въ направленіи опредѣленныхъ цѣлей, разъ на всегда установленныхъ премудростію Творца. Такой взглядъ на природу дѣйствующихъ силъ въ мірѣ становится тѣмъ понятнѣе и несомнѣннѣе для насъ, чѣмъ болѣе наука раскрываетъ предъ нами строгую, математическую законосообразность въ развитіи дѣйствующихъ силъ въ природѣ,—законосообразность, по которой не только каждое дѣйствіе и явленіе въ природѣ въ точности пропорціонально своей причинѣ, но и самыя силы находятся между собою въ такомъ строго законномъ, разъ навсегда опредѣленномъ отношеніи, что современная наука въ состояніи съ точностію вычислить намъ, въ какихъ пропорціяхъ одна изъ нихъ можетъ возбуждать дѣйствіе другой, въ какой мѣрѣ нужно напряженіе или дѣйствіе одной силы въ связи съ другою для достиженія опредѣленнаго результата, какому общему закону подчинена дѣятельность каждой изъ нихъ. Не будь этой строгой законосообразности въ развитіи и дѣятельности силъ, пусть каждая сила опредѣляется совершенно сама собою и дѣйствуетъ въ своей сферѣ съ безусловною свободою, подчиняясь то необходимости, то случаю,—которыя господствуютъ, по Бюхнеру, въ природѣ—немедленно изчезнетъ видимый нами въ природѣ порядокъ и связь явленій между собою, — все должно будетъ превратиться въ безпорядочный хаосъ,—гармоническая полнота и разнообразіе явленій, обусловливаемыхъ именно строго опредѣленнымъ взаимодѣйствіемъ силъ природы должны уступить мѣсто безпорядочной смѣнѣ явленій и мы едва-ли были

бы въ состояніи пріискать для одного явленія опредѣленную причину. Чѣмъ была бы тогда и вся современная техника, удивляющая насъ своими изобрѣтеніями, распоряжающаяся съ такимъ искуствомъ и вѣрностію дѣйствующими силами природы? Результаты ея, сегодня добытыя, рушились бы на другой день; теорія не находила бы для себя примѣненія въ практикѣ, или съ пользою примѣненная въ одномъ мѣстѣ, не годилась бы въ другомъ. — Но ни природа, ни наука не представляютъ намъ ничего подобнаго сказанному, не представляютъ потому, что какъ послѣдняя распоряжается дѣйствующими силами природы, въ разныхъ техническихъ примѣненіяхъ своихъ, основываясь строго на точныхъ математическихъ вычисленіяхъ, опредѣляя все мѣрою, числомъ и вѣсомъ и такимъ образомъ вѣрно достигаетъ задуманныхъ цѣлей; такъ точно и первая, въ безконечной градаціи дѣйствующихъ причинъ и развивающихся изъ нихъ слѣдствій, проявляетъ постоянно умъ математическій; все въ ея механизмѣ измѣрено, исчислено, взвѣшено, — и такимъ образомъ направлено въ отдѣльныхъ частяхъ къ выполненію частныхъ цѣлей, въ большей или меньшей сложности этихъ частей — къ достиженію болѣе или менѣе сложныхъ явленій, и — наконецъ — въ цѣломъ — къ одной высшей и опредѣленной цѣли, которую, такъ какъ видимая нами безконечная градація существъ и явленій міра замыкается человѣкомъ, нужно, очевидно, поставить въ *духовной самосознательной* жизни человѣка, т. е. не въ ея, разумѣемъ, произведеніи, но въ подготовленіи необходимыхъ средствъ къ ея развитію и совершенствованію, — и прежде всего, конечно, необходимыхъ средствъ къ развитію и существованію самаго организма человѣ-

ческаго. Такимъ образомъ, повторяемъ, въ природѣ самихъ же дѣйствующихъ причинъ лежитъ ясное и рѣшительное доказательство господствующей цѣлесообразности въ природѣ, и только подъ условіемъ этой цѣлесообразности и возможно сколько, съ одной стороны, правильное и законосообразное развитіе дѣйствій изъ данныхъ причинъ, столько же, съ другой стороны, разнообразное и въ тоже время гармоническое взаимодѣйствіе самихъ этихъ причинъ или силъ, — взаимодѣйствіе, которымъ, собственно, и поддерживается вся космическая жизнь; каждая сила природы, какъ сказали мы, дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать только въ связи съ другими силами; каждая изъ нихъ, предоставленная исключительно самой себѣ, находилась бы въ постоянномъ покоѣ. Посему, противорѣчіе между принципомъ дѣйствующихъ причинъ и принципомъ причинъ конечныхъ и споръ о нихъ можетъ существовать — скажемъ словами Фехнера — только въ головахъ неразумныхъ и одностороннихъ поборниковъ ихъ, а не между самыми принципами и при томъ—болѣе въ головахъ неразумныхъ поборниковъ перваго изъ нихъ, чѣмъ послѣдняго; потому что ни одинъ защитникъ телеологическаго принципа не будетъ отказываться отъ признанія дѣйствующихъ причинъ (1). Оба рода причинъ, говорилъ еще Бэконъ, согласны между собою: только одинъ указываетъ цѣль, другой — простое слѣдствіе; изслѣдованіе однихъ принадлежитъ болѣе метафизикѣ, а изслѣдованіе другихъ физикѣ (2).

Теперь становится само собою понятнымъ и то, что

---

(1) Professor Schleiden und Mond. G. Th. Fechner. s. 97.
(2) Философскій Лексиконъ С. Г. стр. 246.

и какъ нужно отвѣчать на всѣ тѣ возраженія Бюхнера, какія онъ думаетъ противопоставить существованію конечныхъ причинъ въ природѣ, указаніемъ вообще, особенно въ образованіи цѣлесообразныхъ органическихъ формъ, на вліяніе окружающей природы, разныя внѣшнія условія и случайныя обстоятельства ([1]). Бюхнеръ видитъ особенно блистательное подтвержденіе своей антителеологической доктрины въ остроумной гипотезѣ Дарвина о происхожденіи и образованіи видовъ — гипотезѣ, разрѣшающей, по видимому, самымъ простымъ образомъ великую тайну органическихъ приспособленій посредствомъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе, при содѣйствіи внѣшней окружающей среды. Не наше дѣло—входить здѣсь въ обстоятельный разборъ того, на сколько удовлетворительно объясняются происхожденіе и образованіе видовъ животнаго царства при помощи выставляемыхъ Дарвиномъ началъ или агентовъ—естественнаго подбора и борьбы за существованіе. Допустимъ полнѣйшую естественно-научную состоятельность гипотезы Дарвина; тѣмъ не менѣе видѣть въ ней блистательное подтвержденіе антителеологическаго воззрѣнія на природу можетъ только предубѣжденный взглядъ, только поверхностное пониманіе дѣла. Что же, въ самомъ дѣлѣ, есть несогласнаго съ конечными причинами въ томъ, что естествознаніе нашло, повидимому, опредѣленныя дѣйствующія причины въ образованіи цѣлесообразныхъ органическихъ формъ, въ удивительномъ приспособленіи ихъ къ условіямъ жизни? Дѣйствующія причины развиваются и дѣйствуютъ, какъ мы видѣли, только въ связи и подъ

([1]) Force et Matière, p. 92—95.

условіемъ управляющихъ ими причинъ конечныхъ. Только подъ этимъ условіемъ, сказали мы, возможно и понятно математически — точное, законосообразное дѣйствіе силъ космическихъ, всегда совершающееся по опредѣленному плану и въ точномъ направленіи къ извѣстнымъ цѣлямъ. Такой взглядъ на природу дѣйствующихъ силъ въ примѣненіи къ міру органическихъ формъ становится тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ развитіи этихъ формъ всё, какъ говоритъ К. Бернаръ, исходитъ отъ идеи, которая одна только творитъ и управляетъ; и эта-то самая жизненная идея и сохраняетъ существо, возстановляя живыя части, дезорганизованныя дѣятельностію или разрушаемыя случайностями и болѣзнями (1). Дарвинъ не даетъ мѣста въ своей гипотезѣ этой творящей и управляющей жизненнымъ развитіемъ организмовъ идеѣ,—и это-то обстоятельство болѣе всего подрываетъ довѣріе къ ней, заставляя всюду, по выраженію самаго Дарвина, разумъ пересиливать воображеніе. „Пусть онъ допуститъ только, что въ естественномъ поборѣ также, какъ и въ искуственномъ, можетъ быть разумный выборъ и направленіе,—и его принципъ тотчасъ сдѣлается плодотворнымъ. Его гипотеза, сохраняя преимущество избавлять науку отъ обращенія къ личному и чудесному вмѣшательству Божества въ каждое твореніе видовъ, не подвергалась бы тогда опасности устранить изъ вселенной всякую предвидящую мысль и все подчинить слѣпой и грубой случайности (2).“ Такъ говоритъ ученый, который вовсе не думаетъ быть прямымъ противни-

(1) Веденіе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 121.
(2) Le Materialisme contemporain en Allemagne, p. 179—180.

комъ теоріи Дарвина,—и возражать противъ словъ его мы не рѣшаемся въ интересахъ самой же теоріи.

Противъ принятія разумной силы, дѣйствующей по планамъ и цѣлямъ разумнымъ, съ давнихъ поръ возражали и возражаютъ, что въ природѣ рядомъ съ полною цѣлесообразностію выступаетъ также много случайнаго, безпорядочнаго, противорѣчащаго стройному плану, что рѣшительно воспрещаетъ смотрѣть на цѣлесообразность, какъ на всеобщій господствующій принципъ въ природѣ. Бюхнеръ также настаиваетъ на этомъ возраженіи съ особенною силою, надѣясь имъ окончательно поколебать вѣру въ существованіе конечныхъ причинъ въ природѣ. „Природа, говоритъ онъ, не преслѣдуетъ и не знаетъ никакихъ намѣреній и цѣлей, но слѣдуетъ только присущимъ ей механическимъ, физическимъ и химическимъ законамъ, не заботясь о томъ, достигаетъ ли она этимъ путемъ цѣлесообразныхъ или не цѣлесообразныхъ результатовъ (¹).“ При этомъ Бюхнеръ особенно выставляетъ на видъ разныя не соотвѣтствующія цѣли формы, уродства, болѣзни и проч., встрѣчаемыя въ царствѣ органическомъ. Отъ случая — говоритъ онъ—зависитъ, достигаютъ или нѣтъ своего бытія дремлющія въ природѣ формы, образы, цѣли (²).“ Всѣ эти возраженія, сказали мы, давно уже были направляемы противъ телеологическаго принципа; но давно философствующій разумъ и точная наука дали, съ своей стороны, ясный и рѣшительный отвѣтъ на нихъ, который почему-то игнорируетъ Бюхнеръ. „Природа, говоритъ онъ, не знаетъ и не преслѣдуетъ никакихъ

(¹) Natur und Geist s. 268—274.
(²) Force et Matière, p. 91—92.

намѣреній и цѣлей“: но отвергать цѣлесообразность въ природѣ на томъ основаніи, что мы не видимъ, чтобы она разсуждала, называлъ нелѣпостію еще Аристотель. „Природа — говоритъ Аристотель, въ этомъ подобна искуству, которое также не разсуждаетъ. Чтó кормчій на кораблѣ, законъ въ гражданскóмъ обществѣ, военачальникъ въ войскѣ, то Богъ въ мірѣ. Самъ будучи недвижимъ, онъ все движетъ и обращаетъ куда ему угодно (¹)“. Мы, точно также, не видимъ со стороны природы какого-нибудь сознательнаго выполненія и тѣхъ или другихъ дѣйствій, или явленій въ силу присущихъ ей матеріальныхъ или дѣйствующихъ причинъ: между тѣмъ не отвергаетъ же Бюхнеръ существованія и дѣйствія этихъ послѣднихъ въ природѣ? Вообще, Бюхнеръ, какъ кажется, не имѣетъ правильнаго понятія о самыхъ цѣляхъ природы, когда онъ хочетъ отыскать какое-то сознательное или инстинктивное преслѣдованіе ею этихъ цѣлей: постараемся уяснить ихъ. Когда философія говоритъ о цѣляхъ природы, то она разумѣетъ не цѣли, такъ называемыя, *трансцедентныя*, которыя составляютъ, дѣйствительно, предметъ сознательной дѣятельности свободнаго и разумнаго существа—Бога, или человѣка, но цѣли *имманентныя*, т. е. цѣли, которыя хотя также непосредственно премудрымъ Творцомъ предначертаны природѣ, но которыя она должна выполнять при посредствѣ собственныхъ силъ, въ предѣлахъ условной и органиченной дѣятельности ихъ, и, какъ говоритъ самъ Бюхнеръ, слѣдуя при этомъ только своимъ механическихъ и физико-химическимъ

(¹) Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ. Письмо 1 стр. 188.

законамъ (1). Имѣя въ виду это различіе цѣлей,—различіе отнюдь не схоластическое, какъ несправедливо нападаетъ Бюхнеръ (2), мы поймемъ, какъ вообще нужно понимать преслѣдованіе цѣлей со стороны природы, и что значатъ собственно всѣ тѣ уклоненія отъ цѣлей, какія природа представляетъ дѣйствительно въ разныхъ явленіяхъ и въ частности въ явленіяхъ жизни органической. Совершенно справедливо, что природа сама по себѣ ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ никакихъ *внѣшнихъ* цѣлей не знаетъ и не преслѣдуетъ, — какъ сознаетъ и преслѣдуетъ ихъ нерѣдко человѣкъ въ предѣлахъ своей свободной дѣятельности. Нельзя, дѣйствительно, сказать прямо и непосредственно, что солнце своимъ свѣтомъ и теплотою преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы освѣщать и согрѣвать землю и въ частности человѣка, а луна—чтобы освѣщать нашу ночь, что растенія существуютъ ради животныхъ, а растенія и животныя ради человѣка — ради его пользы и удовольствія; нельзя сказать вообще, чтобы извѣстныя напередъ уже предположенныя отношенія пользы или удовольствія между отдѣльными существами и явленіями природы составляли цѣль бытія каждаго изъ нихъ, опредѣляющую все ихъ существованіе и развитіе, что собственно въ достиженіи этихъ-то цѣлей и состоитъ вся цѣлесообразность и весь разумный планъ природы. Такое понятіе цѣлесообразности въ природѣ—понятіе слишкомъ узкое и одностороннее, которое неизбѣжно должно поставить и здравый смыслъ и науку въ борьбу со множествомъ неразрѣшимыхъ противорѣчій и трудностей. На-

---

(1) Gott und die Natur. Dr. H. Ulrici ss. 401, 402, 405.
(2) Natur und Geist s. 295.

противъ, всякое бытіе и явленіе природы, какого бы рода оно ни было, свою особенную цѣль носитъ въ себѣ же самомъ и въ своемъ существованіи не преслѣдуетъ никакихъ другихъ цѣлей, какъ только всякимъ возможнымъ для него образомъ поддерживать это свое существованіе въ связи или въ борьбѣ съ окружающею обстановкою: это составляетъ его имманентную цѣль. Но кромѣ этихъ частныхъ, имманентныхъ цѣлей, окружающій насъ міръ представляетъ еще ту дивную гармонію, по которой низшія цѣли служатъ средствомъ къ существованію высшихъ и въ связи съ ними въ свою очередь составляютъ новое средство къ поддержанію всего міра со всѣмъ разнообразіемъ населяющихъ его существъ и явленій. Есть въ мірѣ тотъ непостижимо премудрый и разумный планъ, по которому существа и явленія, повидимому, чуждыя другъ другу и отдаленнѣйшія одни отъ другихъ, связаны, между тѣмъ, самыми жизненными и цѣлесообразными отношеніями. Существованіе цѣлесообразности въ природѣ, понимаемой такимъ образомъ, никакъ нельзя уже объяснить изъ самой природы: оно необходимо предполагаетъ бытіе Ума премудраго и всемогущаго, для Котораго вся природа составляетъ также средство для Его благихъ и премудрыхъ цѣлей,—откровеніе Его непостижимо высокихъ плановъ; съ тѣмъ вмѣстѣ понимаемая такимъ образомъ цѣлесообразность въ мірѣ стоитъ выше всякихъ сомнѣній и нападеній матеріализма. Матеріализмъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать намъ, что свѣтъ и теплота въ природѣ развиваются и дѣйствуютъ строго по свойственнымъ имъ законамъ, безотносительно къ тѣмъ или другимъ внѣшнимъ цѣлямъ, какія можетъ выполнять чрезъ нихъ человѣкъ или другое су-

щество: но опровергаетъ ли этимъ матеріализмъ и можетъ ли опровергнуть ту истину, что свѣтъ и теплота, въ общемъ планѣ мірозданія, составляютъ въ высшей степени цѣлесообразныя средства къ существованію органическаго міра на землѣ? Луна существуетъ и движется въ силу собственныхъ присущихъ ей законовъ, независимо ни отъ темныхъ ночей на землѣ, ни отъ человѣка, нуждающагося въ освѣщеніи среди этихъ ночей: но можетъ ли оспаривать матеріализмъ вѣрность того положенія, что луна опять въ общемъ планѣ мірозданія составляетъ, дѣйствительно, премудрое средство и для освѣщенія ночей нашей планеты, и для удовлетворенія, такимъ образомъ, нуждъ человѣка. Растенія и животныя существуютъ и развиваются въ тѣсной связи съ физико-химическими силами природы, въ силу особаго присущаго имъ организующаго начала, дѣйствующаго по своимъ спеціальнымъ законамъ,—существуютъ и развиваются не заботясь, говоря словами Бюхнера, достигаютъ ли онѣ какихъ нибудь внѣшнихъ цѣлей, — будетъ ли человѣкъ любоваться красотою и изяществомъ ихъ формъ или нѣтъ, — доставятъ ли собою растенія въ должномъ количествѣ и надлежащаго качества пищу животнымъ, а животныя—человѣку: но опять, можетъ ли когда нибудь здравый смыслъ возставать противъ того, что, какъ между собою царства растительное и животное стоятъ въ самыхъ строгихъ цѣлесообразныхъ отношеніяхъ, взаимно поддерживая свое существованіе, такъ и въ особенности въ отношеніи къ человѣку то и другое доставляютъ самыя разнообразныя средства для достиженія не менѣе разнообразныхъ цѣлей? И нельзя ли сказать въ этомъ смыслѣ, что растенія существуютъ для животныхъ, а животныя

вмѣстѣ съ ними для человѣка? Такимъ образомъ, какую бы мы ни взяли вещь въ природѣ, она, разсматриваемая сама по себѣ, не знаетъ и не преслѣдуетъ никакихъ внѣшнихъ намѣреній и цѣлей: цѣль ея существованія въ ней самой,—и этой цѣли она достигаетъ при помощи своихъ собственныхъ силъ и окружающихъ средствъ. Но взглянемъ на туже вещь въ общемъ порядкѣ мірозданія, — мы тотчасъ увидимъ, что она непремѣнно составляетъ какой нибудь необходимый членъ въ составѣ цѣлаго, что въ ея безцѣльномъ для нашего близорукаго ума существованіи Премудрый Творецъ достигаетъ, между тѣмъ, сколько опредѣленныхъ, столько же и важныхъ цѣлей въ природѣ. Бюхнеръ понимаетъ цѣлесообразность природы и ея отдѣльныхъ явленій совершенно инымъ и самымъ ложнымъ образомъ. Говоря, что природа не знаетъ и не преслѣдуетъ никакихъ намѣреній и цѣлей,—разумѣется, внѣшнихъ,—онъ, между тѣмъ, самъ же, всюду, и въ цѣломъ, и въ частяхъ, навязываетъ ей эти цѣли,—и потомъ провозглашаетъ, что въ природѣ нѣтъ цѣлесообразности, доходя въ своемъ отрицаціи до истинно дѣтскихъ воззрѣній на вещи. Бюхнеръ готовъ вѣрить тому, что напр., цвѣты съ ихъ красотою и изяществомъ существуютъ для того, чтобы услаждать наши глаза, и потомъ выставляетъ на видъ, какъ много существуетъ въ мірѣ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ, которыхъ никогда не видалъ и никогда не увидитъ человѣческій глазъ. Зачѣмъ, спрашиваетъ онъ, существуютъ подобные цвѣты на днѣ морей, въ пропастяхъ, въ глубину которыхъ глазъ человѣческій никогда не проникалъ ([1])? Равнымъ образомъ цѣль су-

---

([1]) Force et Matière, p. 98, 99.

ществованія животнаго царства, Бюхнеръ измѣряетъ исключительно пользою и удовольствіемъ человѣка: зачѣмъ же, спрашиваетъ онъ потомъ, существуетъ въ мірѣ множество вредныхъ и дикихъ животныхъ? Зачѣмъ было населять животными моря? Зачѣмъ природа допускаетъ необыкновенную плодовитость однихъ изъ нихъ, или совершенно безполезныхъ, или даже положительно вредныхъ, между тѣмъ какъ размноженіе другихъ, самыхъ полезныхъ, повидимому, крайне ограничено? Не удивительно, если, при такомъ узкомъ пониманіи цѣлесообразности, Бюхнеръ высказываетъ, наконецъ, такія вещи: „зачѣмъ существуетъ пустое небесное пространство? Зачѣмъ существуютъ на землѣ знойныя пустыни, или горы вѣчно покрытыя льдомъ, на которыхъ невозможна никакая жизнь (¹)“. Разсуждая по такой логикѣ Бюхнера, мы могли бы съ такимъ же достоинствомъ, какъ и онъ, возражать: для чего на нашей планетѣ существуетъ пять, такъ называемыхъ, частей свѣта, а не одна? Зачѣмъ царство растительное представляетъ такое безконечное разнообразіе родовъ и видовъ растеній, а не состоитъ изъ однихъ березъ, или тополей? Зачѣмъ существуеть на землѣ такое множество рѣкъ и морей? Зачѣмъ бываетъ четыре разныхъ времени года—весна, лѣто, осень и зима, а не существуетъ одно лѣто? Очевидно, на всѣ эти возраженія намъ отвѣчали бы улыбкой сожалѣнія и замѣтили бы, что, во первыхъ, мы ищемъ цѣлесообразности въ мірѣ, вовсе не понимая въ чемъ именно состоитъ эта цѣлесообразность, и что, во вторыхъ — и это самое главное — неблагоразумно усиливаться проникнуть во всѣ

(¹) Ibidem, p. 92—98. Natur und Geist s. 281.

тайны безконечно премудраго плана вселенной, потому что для правильнаго сужденія о совершенствѣ даже одной какой нибудь вещи необходимо, какъ замѣтилъ Декартъ, возстававшій противъ неблагоразумнаго примѣненія въ наукѣ конечныхъ причинъ,—полное знаніе всей вселенной. И какихъ особенныхъ цѣлей мы ищемъ— спросятъ насъ—задавая себѣ надъ каждымъ явленіемъ природы вопросы: зачѣмъ? къ чему? Затѣмъ — очень простой отвѣтъ,—что всякая вещь и всякое явленіе природы *необходимо* въ общемъ теченіи космической жизни. Природа, говорятъ, боится пустоты: но въ природѣ нѣтъ также ничего излишняго. Намъ кажутся въ высшей степени цѣлепротивными и излишними разныя вредныя животныя, ядовитыя растенія, знойныя пустыни и проч.: но кто знаетъ, не составляютъ ли они въ общей жизни міра еще болѣе необходимыя и цѣлесообразныя явленія, чѣмъ самыя полезныя и пріятныя на нашъ взглядъ животныя и растенія, чѣмъ самыя роскошныя по своей растительности долины? Кто знаетъ, быть можетъ, чрезъ посредство ихъ, *мы же сами* избавлены отъ дѣйствія на насъ самыхъ губительныхъ силъ природы, отъ которыхъ немогла бы спасти и предохранить никакая осторожность, ни какое благоразуміе, но которыя тѣмъ не менѣе въ общемъ планѣ міровой жизни составляютъ совершенно необходимое звѣно. Въ природѣ, кромѣ того, второстепенныя цѣли уступаютъ первостепеннымъ; такъ, напр., опустошенія, производимыя силами природы въ частности, не принимаются вовсе въ разсмотрѣніе сравнительно съ великимъ предназначеніемъ этихъ силъ для всего міра; „что въ частности и отдѣльности—говорилъ еще стоическій философъ Хризиппъ—представляется намъ недостаточнымъ,

неблагоразумнымъ и погрѣшительнымъ, то въ связи съ цѣлымъ оказывается нужнымъ и приносящимъ такую пользу, безъ которой міръ не былъ бы совершенъ [1]". Наконецъ, замѣтимъ вообще, чтобы понять вполнѣ, *зачѣмъ* бываетъ то или другое, необходимо прежде вполнѣ уразумѣть *почему* бываетъ то или другое; а для этого недостаточно только вникать въ ближайшія, дѣйствующія причины, а необходимо, если уже мы беремся судить о конечныхъ причинахъ разныхъ дѣйствій, имѣть въ виду цѣлостный творческій планъ во вселенной. Нечего и говорить, что это послѣднее составляетъ въ высшей степени трудную, не для всякаго натуралиста посильную работу: потому-то Бэконъ и Декартъ и вооружались противъ неблагоразумнаго примѣненія телеологическаго принципа въ естествознаніи, предоставляя его метафизикѣ. Какъ благоразумно поступилъ бы и Бюхнеръ, если бы послѣдовалъ совѣту этихъ великихъ мыслителей! Но у Бюхнера всюду физика переходитъ въ метафизику.

Указаннымъ нами различіемъ между *имманентными* цѣлями природы и *трансцедентными*, само собою, какъ мы сказали, рѣшается для насъ и то, что́ значатъ собственно и всѣ тѣ цѣлепротивности, ненормальности, безпорядочныя явленія, какія представляетъ намъ природа въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, и особенно въ сферѣ органической жизни, на примѣры изъ которой Бюхнеръ указываетъ съ особеннымъ торжествомъ. Природа, сказали мы, достигаетъ своихъ имманентныхъ цѣлей при посредствѣ собственныхъ силъ, въ предѣлахъ условной и ограниченной дѣятельности ихъ, строго слѣ-

---

[1] Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ. Письмо 1, стр. 191.

дуя при этомъ своимъ механическимъ и физико-химическимъ законамъ. Такимъ образомъ, цѣлесообразность природы *ограничена*, связана *условіями*, зависима отъ соглашенія низшихъ неорганическихъ силъ съ высшими органическими и проч. Послѣ сего, что же страннаго и удивительнаго въ томъ, если природа или вовсе не достигаетъ многихъ своихъ цѣлей, или достигаетъ ихъ не вполнѣ, допуская въ своемъ развитіи явленій разныя, несоотвѣтствующія цѣли, формы, уродства, болѣзни, опустошенія и т. п. Все это совершенно понятныя явленія въ предѣлахъ *условной* дѣятельности: можетъ въ извѣстный моментъ или недоставать необходимыхъ условій, или эти условія встрѣчаются не въ надлежащей пропорціи, или, наконецъ, одна какая нибудь изъ силъ природы будетъ выведена особенными обстоятельствами изъ должнаго *равновѣсія*, или соотношенія съ другими, и такимъ образомъ нарушитъ ихъ правильную, цѣлесообразную дѣятельность и проч. И это нарушеніе цѣлей въ частностяхъ скорѣе доказываетъ именно господствующую цѣлесообразность въ цѣломъ, гармоническое отношеніе низшихъ ступеней къ высшимъ, а не противное, какъ думаетъ Бюхнеръ: это нарушеніе есть только обратная сторона цѣлесообразнаго. Природа похожа въ этомъ случаѣ на картину художника: въ деталяхъ картина его можетъ представлять нѣкоторыя уклоненія отъ заданнаго имъ себѣ плана, неровности въ тѣняхъ, несоразмѣрности въ фигурахъ и проч., но значитъ ли это, что художникъ вовсе и не имѣлъ въ виду никакаго плана и цѣли, при выполненіи имъ своего художесгвеннаго произведенія? Невозможность выполненія того, къ чему стремятся, никогда и нигдѣ не считается доказательствомъ отсут-

ствія и самаго стремленія къ предположенной цѣли. Тѣмъ болѣе нельзя сказать этого въ отношеніи къ природѣ, въ жизни которой существуетъ множество самыхъ разнородныхъ цѣлей; собственно, изъ борьбы этихъ-то цѣлей вытекаютъ и всѣ видимыя нами цѣлепротивности (¹). Не подтверждаетъ ли всего этого и самъ Бюхнеръ, когда говоритъ о разныхъ „неудавшихся опытахъ" природы (²)? Если природа дѣйствуетъ безцѣльно, то не можетъ быть и рѣчи объ опытахъ,— и Бюхнеръ, говоря о нихъ, противорѣчитъ въ этомъ случаѣ самъ себѣ. Если же природа дѣйствительно дѣлаетъ такія попытки, то одно это уже, очевидно, показываетъ на преслѣдуемыя ею цѣли; а что эти попытки ея только при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ или условій достигаются,—это весьма естественно и совершенно соотвѣтствуетъ господствующему въ природѣ закону, по которому ничто *индивидуальное* не можетъ выдти совершенно изъ подъ вліянія *общихъ* законовъ силъ природы.

Какъ на особенно убѣдительное основаніе къ отрицанію цѣлесообразносги въ природѣ, Бюхнеръ, сказали мы, смотритъ на то, что какъ въ строеніи организмовъ, такъ въ особенности въ отношеніи ихъ къ неорганической природѣ, встрѣчается множество не цѣлесообразныхъ явленій. Онъ ссылается при этомъ и на сравнительную анатомію и на патологію, на разныя уродливыя органическія формы, видѣнныя имъ въ анатомическихъ театрахъ и проч., — даже видитъ основаніе для отрицанія цѣлесообразности въ природѣ въ

(¹) Несостоятельность матеріализма (Изъ возраженій на книгу Бюхнера) стр. 242—246. (Труды кіев. дух. акад., іюнь 1864 г.).

(²) Force et Matière, p. 94, 104, 105. Natur und Geist s. 279.

томъ, что можно искуственнымъ образомъ произвести чудовище или урода, сдѣлавши повреждение въ яйцѣ или органическомъ зародышѣ ([1]). Но такъ ли убѣдительны эти основанія, какъ думаетъ о нихъ Бюхнеръ? Не будемъ останавливаться на разборѣ фактовъ, приводимыхъ Бюхнеромъ изъ сравнительной анатоміи: наука эта, въ лицѣ знаменитѣйшихъ анатомовъ нашего времени, говоритъ намъ совершенно противное, доказывая, какъ во всѣхъ позвоночныхъ животныхъ можно до мелочей видѣть прототипъ, по которому онѣ образованы, — прототипъ, при образованіи котораго Божественный Разумъ предвидѣлъ и всѣ его видоизмѣненія ([2]). Вообще, чѣмъ далѣе анатомія расширяетъ свои научныя изслѣдованія растительной и животной жизни, тѣмъ болѣе она открываетъ доказательствъ въ высшей степени цѣлесообразнаго устройства организмовъ, —и то, что прежде казалось излишнимъ или безполезнымъ, оказывается имѣющимъ необходимое и часто весьма важное значеніе въ общей экономіи жизни организма. Болѣе важнымъ и стоющимъ полнаго вниманія представляется то основаніе, что есть множество фактовъ, которые, по видимому, показываютъ отношеніе организмовъ къ неорганической природѣ, какъ противное цѣли и плану. Такъ мы видимъ, какъ могущественныя физико-химическія силы природы замедляютъ или нарушаютъ развитіе организма, угрожаютъ самому его существованію, приносятъ съ собою болѣзни и смерть, какъ, такимъ образомъ, въ отношеніи ихъ никакой организмъ не обладаетъ достаточно силами и устойчи-

---

([1]) Force et Matière, p. 99—105.

([2]) Матеріалы для разоблаченія матер. нигилизма, стр. 4—8.

востію, чтобы противостоять ихъ разрушительному вліянію. Посему, отношеніе органической жизни къ неорганическимъ силамъ природы есть отношеніе, по видимому, *несоразмѣрное*, *нецѣлесообразное*, основывающееся на неизвѣстной необходимости или простой случайности.—Но такъ ли? Не обнаруживаетъ ли, напротивъ, эта кажущаяся несоразмѣрность и нецѣлесообразность, при ближайшемъ анализѣ самыхъ основаній, скорѣе высочайшую цѣлесообразность отношеній, имѣющихъ свое основаніе въ премудромъ планѣ всего мірозданія? Разрушительное вліяніе на органическую жизнь физико-химическихъ силъ и процессовъ природы есть, какъ представляетъ наука, только слѣдствіе нарушеній ихъ *равновѣсія*; а эти нарушенія, что также дознано наукою, совершенно необходимы, чтобы могли существовать на землѣ жизнь и движеніе, могли имѣть мѣсто физическіе, химическіе и органическіе процессы; безъ нихъ наступило бы совершенное бездѣйствіе, непрерывный мертвый покой, безъ нихъ исчезли бы и всѣ тѣ условія, при которыхъ только и возможно происхожденіе и существованіе организмовъ, и вслѣдствіе которыхъ вся земная жизнь является лишь *условною* [1]; безъ нихъ, слѣдовательно, можетъ существовать жизнь совершенно *безусловная*. Только система силъ, которыя такимъ образомъ балансируютъ, что онѣ представляютъ равновѣсіе между нарушеніемъ и возстановленіемъ этого равновѣсія,—только такая въ высшей степени премудрая система въ состояніи доставлять организмамъ условія и средства для ихъ существованія. Съ другой стороны, только въ такой системѣ, которая до-

[1] Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici ss. 320—326.

пускаетъ не только нарушенія равновѣсія силъ, но также нарушенія и общей нормы ихъ, не уничтожаясь при этомъ сама,—только въ такого рода балансирующей системѣ дѣйствующихъ силъ возможенъ и удобопостижимъ тотъ коренной, проходящій чрезъ всю природу, принципъ *свободы* и *индивидуализаціи*, по которому въ цѣломъ планѣ міросозданія, каждому творенію предоставлено опредѣленное, до извѣстной степени расширенное, поприще индивидуальнаго образованія и раскрытія своихъ силъ, опредѣленная мѣра его самостоятельной дѣятельности, и на которомъ основывается все вообще разнообразіе міра явленій, и въ частности разнообразіе и особенности самыхъ органическихъ формъ. Для установленія такой системы требуется, очевидно, болѣе глубокая и проницательная мудрость, чѣмъ изобрѣтеніе механизма, который, основываясь на замкнутомъ равновѣсіи дѣйствующихъ силъ, въ непрерывномъ образованіи круговращенія движеній дѣйствуетъ такъ точно и непреодолимо, что устраняется всякая возможность колебанія, задержки или нарушенія. И можетъ ли сказать матеріализмъ, не противорѣча положительнымъ и очевиднымъ фактамъ и даннымъ науки, что эта въ высшей степени премудрая система, ясно указывающая собою на бытіе высочайше премудраго и всемогущаго Ума, направляющаго и сохраняющаго ее, не соотвѣтствуетъ *въ цѣломъ*, въ общемъ порядкѣ, самымъ точнымъ образомъ своему назначенію? Наука, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны положительно доказываетъ намъ, что всѣ механическія, физико-химическія и органическія силы и процессы, не смотря на свою противоположность, находятся въ такомъ математически правильномъ *равновѣсіи*, въ строго законосообразномъ

отношеніи другъ къ другу, что съ малѣйшимъ уклоненіемъ рушился бы весь видимый намъ порядокъ вещей въ мірѣ ([1]). Стало быть, видимыя нами цѣлепротивности въ мірѣ—разнаго рода опустошительныя явленія природы, болѣзни, смерть, разнаго рода физическія страданія и скорби человѣка въ окружающемъ его мірѣ и проч.—составляютъ собою явленія *относительныя*, только *исключенія изъ общаго правила*, уклоненія отъ данной нормы, и вовсе не составляютъ зла по отношенію къ неразумной, неодушевленной природѣ. Таковъ смыслъ этихъ явленій, если разсматривать ихъ въ предѣлахъ точной науки. Но, какъ извѣстно, христіанское ученіе, направляя нашъ испытующій разумъ на эти явленія, расширяетъ и углубляетъ для него еще далѣе этотъ смыслъ, указывая самую причину этихъ, по видимому, несоотвѣтствующихъ господствующей цѣлесообразности, явленій, въ *нравственномъ злѣ*, вслѣдствіе котораго въ міръ вошли отчасти нестроеніе и безпорядокъ и *вся тварь соболѣзнуетъ* и *совоздыхаетъ съ нами даже до нынѣ* (Римл. VIII, 22). Разсматриваемое при свѣтѣ этого ученія, физическое зло является еще болѣе относительнымъ и условнымъ, такъ какъ оно для существъ нравственныхъ есть зло частное, ими же самими заслуженное и по собственной ихъ винѣ большею частію и бывающее; при томъ оно часто обращается для нихъ въ добро, коль скоро служитъ къ уврачеванію, и сокрушенію силы нравственнаго зла въ нихъ; для тварей же неразумныхъ оно есть зло не въ собственномъ смыслѣ, — зло относительное, поелику оно направлено также Божественнымъ Промысломъ къ бла-

---

([1]) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, ss. 322—325.

гимъ цѣлямъ—обращенію человѣка—царя природы—на путь добра ([1]). Такимъ образомъ, разумный планъ и цѣлесообразность общаго устройства вселенной остаются и при этомъ злѣ въ своей общей неприкосновенности и цѣлости,—и Бюхнеръ, стало быть, напрасно думаетъ видѣть въ немъ убѣдительное доказательство для своихъ антителеологическихъ воззрѣній. Онъ отказывается вѣрить христіанскому ученію о первородномъ грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, считая его мифомъ, перешедшимъ къ намъ изъ дѣтства народовъ ([2]), но почему бы ему, хотя путемъ добросовѣстнаго научнаго анализа, не потрудиться выяснить для себя значеніе кажущихся ненормальностей и цѣлепротивностей въ отношеніяхъ жизни органической къ механическимъ и физико-химическимъ силамъ и процессамъ природы? Истинно точная наука, какъ мы видѣли, отнюдь не противъ разумнаго и цѣлесообразнаго устройства вселенной на томъ основаніи только, что въ ней встрѣчается много этихъ ненормальностей и цѣлепротивностей: она всегда даетъ съ своей стороны посильное для нея разумное объясненіе ихъ.—Но, вѣрно, нѣтъ и не можетъ быть общенія между истиною и ложью, какъ между свѣтомъ и тьмою!

Не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ другихъ возраженій Бюхнера, которыя всѣ уже собственно такъ или иначе рѣшаются на основаніи сказаннаго нами и всѣ также, главнымъ образомъ, зависятъ отъ ложнаго, узкаго пониманія имъ или самой цѣлесообразности въ природѣ, или Божественнаго Про-

---

([1]) Противорѣчитъ ли физическое зло въ мірѣ премудрости и благости Божіей, — разборъ этого вопроса можно читать въ „письмахъ о конечныхъ причинахъ.“

([2]) Force et Matière, p. 97—98.

мысла. Укажемъ эти возраженія и дадимъ ясный и краткій отвѣтъ на нихъ. Такъ Бюхнеръ говоритъ, что цѣлесообразность есть аттрибутъ не природы, а продуктъ нашего рефлектирующаго разума, который свой собственный от человѣческихъ дѣйствій отвлеченный масштабъ прилагаетъ къ природѣ ([1]). Но какой же— спросимъ Бюхнера — другой масштабъ и можетъ быть употребленъ человѣкомъ для изслѣдованія природы, кромѣ своего собственнаго разумнаго духа? Матерія и сила,—скажетъ Бюхнеръ; но каково достоинство этого масштаба и можетъ ли быть употребленъ онъ въ дѣло— мы уже разбирали это и нашли его совершенно непригоднымъ въ томъ смыслѣ, какой даетъ ему матеріализмъ.—Кромѣ того, нашъ разумъ, изслѣдующій цѣлесообразность природы, даетъ ли ей отъ себя болѣе, чѣмъ сколько воспринимаетъ? Точное изслѣдованіе дѣла говоритъ намъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, только подобное познается подобнымъ; потому что собственныя размышленія разума не довели бы его никогда до понятія о цѣлесообразности въ природѣ, если бы ея не было дѣйствительно въ природѣ, точно также, какъ на то возраженіе Бюхнера, что „не было бы лекарей, если бы природа не дѣйствовала не цѣлесообразно“ ([2]), нужно сказать, что ничего не могли бы сдѣлать и лекаря, если бы природа дѣйствовала не цѣлесообразно, если бы она не имѣла стремленія къ излеченію. Кромѣ того, по ученію самаго же Бюхнера, законы природы и законы разума одни и тѣже ([3]). Но Бюхнеръ не философствуетъ только, а не рѣдко и богословствуетъ,—

([1]) Natur und Geist, s. 273.

([2]) Force et Matière, p. 103.

([3]) Ibidem, p. 49.

и въ послѣднемъ случаѣ еще неудачнѣе, чѣмъ въ первомъ. Такъ онъ нападаетъ на Эрштеда за то, что этотъ натуралистъ находитъ совершенно естественными и согласными *неизмѣнность* законовъ природы и *премудрый промыслъ Божій*. „Міръ, говоритъ Эрштедъ, управляется вѣчнымъ Разумомъ, который проявляетъ свои дѣйствія въ неизмѣнныхъ законахъ природы" (¹). По Бюхнеру, эти два понятія—вѣчный Разумъ и неизмѣнность законовъ природы составляютъ неразрѣшимую загадку. „Или неизмѣнные законы самой же природы, говоритъ Бюхнеръ, управляютъ ею, или вѣчный Разумъ; если бы управлялъ вѣчный Разумъ, то законы природы были бы излишни; если же, напротивъ, неизмѣнные законы природы управляютъ, то они исключаютъ всякое постороннее, личное вмѣшательство,—и не можетъ быть рѣчи объ управленіи" (²). Не трудно понять, что собственно тутъ затрудняетъ Бюхнера и совершенно понятное и возможное для всякаго здраваго смысла превращаетъ въ неразрѣшимую загадку для него. Онъ произвольно полагаетъ *самобытность* и *неизмѣнность* законовъ природы: но можетъ ли принять этотъ матеріалистическій догматъ точная наука? Не принимаетъ его Эрштедъ, — не можетъ принять его и ни одинъ здравомыслящій натуралистъ, строго держащійся въ предѣлахъ своей точной науки. Наука всегда понимала и понимаетъ законы природы — какъ мы уже имѣли случай замѣтить—какъ выраженія *воли* и *власти* самаго же Творца и Промыслителя, Который и предначерталъ силамъ природы эти законы и Самъ же по-

(¹) Ibidem, p. 39, 40.
(²) Ibidem, p. 40.

стоянно хранитъ ихъ. Эти законы потому и неизмѣнны, что они составляютъ выраженіе неизмѣнной и всегда вѣрной себѣ воли Божіей (1). Очевидно, какъ надобно понимать теперь и все промышленіе Божіе о мірѣ и управленіе имъ. Богъ промышляетъ о мірѣ и управляетъ, прежде всего и ближайшимъ образомъ, чрезъ посредство тѣхъ же міровыхъ силъ и законовъ, которые своимъ бытіемъ и дѣятельностію выражаютъ и это промышленіе и это управленіе Божіе. Этимъ сама собою рѣшается и загадка Бюхнера: какъ согласить неизмѣнность законовъ природы съ личнымъ, разумносвободнымъ управленіемъ Божіимъ? И то и другое соглашается также просто и естественно, какъ соглашаются причина и дѣйствіе, основаніе или начало и слѣдствіе. Бюхнеръ смотритъ при этомъ только на одну сторону дѣла и забываетъ о другой, составляющей основаніе первой, — что также странно, какъ странно было бы отвергать бытіе другого полушарія луны, потому только, что мы видимъ ее постоянно обращенною къ намъ однимъ полушаріемъ.—Но, говоритъ Бюхнеръ, міроуправленіе не достойно Бога. Если Богъ сотворилъ міръ совершеннымъ, какимъ же образомъ онъ имѣетъ нужду въ поправленіи (2)? Разумная сила, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бюхнеръ, разъ давшая толчокъ и потомъ погрузившаяся въ покой—вещь не мыслимая (3)". На это замѣтимъ, прежде всего, Бюхнеру, что прилагать къ дѣйствіямъ Божественнымъ понятія человѣческаго приличія или неприличія—вещь еще болѣе не мыслимая и безразсудная, чѣмъ представлять

---

(1) Ulrici. a. a. o. ss. 422, 296.
(2) Force et Matière, p. 39.
(3) Natur und Geist, S. 296.

Божественную Силу въ вѣчномъ покоѣ и бездѣйствіи. Міръ сотворенъ совершеннымъ: какимъ же образомъ слѣдуетъ отсюда, что онъ не нуждается въ промышленіи о немъ? Божественное откровеніе научаетъ насъ, что Творецъ и Владыка міра, приведши его изъ небытія въ бытіе, Самъ же постоянно и поддерживаетъ его въ этомъ бытіи во всемъ его совершенствѣ, промышляетъ какъ о великомъ, такъ и о маломъ, столько же и о совершенномъ, сколько о несовершенномъ по нашимъ понятіямъ человѣческимъ и что безъ такого промышленія міръ не могъ бы и существовать ([1]). По единой благости и любви Творецъ создалъ міръ; по той же безконечной любви и благости и не оставляетъ его ни на одно мновеніе своимъ попеченіемъ. Напрасно, такимъ образомъ, Бюхнеръ затрудняетъ себя и тѣмъ представленіемъ, что Разумная Сила, разъ давшая толчокъ и потомъ погрузившаяся въ покой—вещь не мыслимая. Кому же, прежде всего, могутъ придти на мысль и самые эти толчки, или покой, кромѣ Бюхнера, который смотритъ на міръ какъ на механизмъ и всѣ его явленія возводитъ въ послѣдней инстанціи къ одному механическому движенію и толчкамъ. Точная наука видитъ въ мірѣ *живой организмъ*, проникнутый при разнообразіи силъ и явленій *единствомъ* жизни, а Божественное Откровеніе съ своей стороны, дополняя науку человѣческую, даетъ намъ знать, что этотъ колоссальный организмъ постоянно животворится вездѣ присутствіемъ и промышленіемъ единаго источника бытія и жизни — Господа всяческихъ. — Отецъ нашъ Не-

---

([1]) Іовъ XXVIII, 26. Псал. 103,—14; 94,—4: 134,—7. Премуд. Сол. 11,—25—29 и друг.

бесный, какъ исповѣдалъ намъ Единородный Сынъ Его, Сый въ лонѣ Его, *доселѣ дѣлаетъ* (Іоан. V, 17).

Итакъ, всѣ усилія Бюхнера отвергнуть бытіе Разумной Силы, дѣйствующей въ мірѣ физическомъ по опредѣленному плану и цѣлямъ, оказываются несостоятельными. Истина Промысла Божія въ мірѣ стоитъ непоколебимо. Антителеологическія воззрѣнія Бюхнера не находятъ, какъ мы видѣли, и никогда не могутъ найти себѣ опоры ни въ здраво философствующемъ умѣ, ни въ данныхъ точной науки естественной,—и въ послѣдней, можемъ даже сказать еще менѣе, чѣмъ въ первомъ. По крайней мѣрѣ о современной наукѣ естественной положительно извѣстно, что чѣмъ далѣе она въ разныхъ своихъ отрасляхъ простираетъ свои изслѣдованія, чѣмъ ближе знакомится съ міромъ явленій, тѣмъ болѣе и яснѣе раскрывается предъ нею та всюду начертанная истина, что все въ мірѣ устроено мѣрою, числомъ и вѣсомъ, все направлено къ опредѣленнымъ цѣлямъ, все связано тѣснѣйшимъ гармоническимъ единствомъ между собою, — словомъ, всюду, какъ мы сказали, видѣнъ умъ математическій, всѣмъ руководитъ управляющая единая воля—какъ всеобщій законъ мірозданія. Возьмемъ Астрономію, какъ наиболѣе разработанную и обширнѣйшую часть Естествознанія: на чемъ основывается та точность и законченность этой науки, которыми справедливо гордится она въ наше время? На томъ, что она успѣла для всѣхъ своихъ изслѣдованій подвести точныя математическія основанія и ея расчеты оказались въ этомъ случаѣ столь несомнѣнными, въ ихъ практическомъ примѣненіи, что она въ состояніи за нѣсколько сотъ лѣтъ впередъ вычислить намъ время появленія кометъ въ

предѣлахъ нашего горизонта, время ихъ прохожденія чрезъ него, появленіе солнечныхъ затмѣній и проч,— въ состояніи, какъ доказалъ Леверрье своимъ открытіемъ Нептуна, дѣлать открытія новыхъ планетъ въ безграничномъ небесномъ пространствѣ, посредствомъ однихъ математическихъ вычисленій. Для доказательства же того, съ какою математическою правильностію и непостижимою мудростію расположено все мірозданіе, укажемъ на одинъ фактъ Астрономіи. По изслѣдованіямъ Мёдлера, знаменитаго Дерптскаго астронома, вся наша солнечная система, вмѣстѣ съ системою неподвижныхъ звѣздъ, движется такимъ же образомъ, какъ и ея отдѣльныя планеты, если не около одного какого либо центральнаго тѣла, то около центральной группы неподвижныхъ звѣздъ, или лучше около ихъ *идеальнаго* пункта тяготѣнія, лежащаго близъ *Альціоны*, главной звѣзды въ группѣ Плеядъ (1). Съ какою же мудростію и точностію должны быть измѣрены для этого безпрепятственнаго движенія и разстояніе отдѣльныхъ планетъ другъ отъ друга, и направленіе ихъ путей, скорость и время ихъ кругообращенія! Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ, по показаніямъ того же Медлера, не существуетъ центральнаго мірового тѣла, которое бы стояло въ такомъ же отношеніи къ отдѣльнымъ неподвижнымъ звѣздамъ, какъ солнце къ своимъ планетамъ, то очевидно, что и сила, которая расположила неподвижныя звѣзды въ одну систему около ихъ пункта тяготѣнія и тѣмъ опредѣлила ихъ положеніе, измѣрила ихъ движеніе, направила ихъ пути, отнюдь не могла быть простою центробѣжною силою въ ея отношеніи къ силѣ

---

(1) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. 319.

центростремительной или силою тяжести. Есть, очевидно, высшая премірная сила, которая какъ въ началѣ даровала бытіе всѣмъ свѣтиламъ небеснымъ и съ точностію опредѣлила все разнообразіе ихъ отношеній, такъ и доселѣ хранитъ это бытіе и поддерживаетъ взаимное отношеніе ихъ. *Оптика*, послѣ астрономіи, есть прославленная между естественными науками,—и опять потому именно, что она по большей части въ своихъ изслѣдованіяхъ можетъ быть сведена къ математическимъ выкладкамъ. Всякій законъ химическихъ пропорцій и эквивалентовъ, открытіе котораго составляетъ гордость новѣйшей *химіи*, есть также законъ числа, мѣры и вѣса,—законъ, въ силу котораго разнообразныя химическія соединенія и разложенія слѣдуютъ постоянно неизмѣннымъ численнымъ пропорціямъ, и безъ котораго вся неорганическая природа разрѣшилась бы въ хаосъ постоянно измѣняющихся, разсѣевающихся во всѣ стороны формъ. Далѣе—*законъ равновѣсія силъ*, проходящій чрезъ все твореніе, есть также непостижимо мудрый законъ числа и мѣры, на которомъ основывается все разнообразіе міра явленій, обусловливаются всѣ физическіе, химическіе и органическіе процессы и по которому вся система космическихъ силъ является въ такомъ чудномъ гармоническомъ соотношеніи, что стоитъ только, какъ говорилъ Фаредэй, вывести одну изъ нихъ, хотя бы самую ничтожную, на взглядъ поверхностнаго наблюдателя, изъ должнаго равновѣсія тотчасъ вся экономія міра превратится въ развалины (¹). Справедливо обращаютъ также вниманіе на знаменательный характеръ открытій нашего време-

(¹) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. 325.

ни—на тотъ именно, что большею частію они совершаются чрезъ вычисленія математическія,—обстоятельство, какъ справедливо замѣчаетъ при этомъ Виртъ, ясно говорящее намъ о той Творческой духовной Силѣ, которая устроила все мірозданіе по разумному плану и по требованіямъ ума математическаго ([1]). Сравнительная анатомія и физіологія, вводя насъ въ міръ органическаго бытія, открываютъ также предъ нами самыя убѣдительныя доказательства управляющей всюду дѣйствующими силами цѣлеобразности и разумнаго плана. Не отъ ходьбы или трудовъ, но сами собою еще во чревѣ матери подошва ноги и внутреняя поверхность руки человѣческой покрываются толстою кожей; всюду, у всѣхъ высшихъ животныхъ образуются также еще во чревѣ матери органы дыханія, зрѣнія и слуха за долго прежде соприкосновенія съ воздухомъ, раздраженія глазнаго нерва колебаніями эфира, а нерва слуховаго—звуковыми волнами, и всюду эти органы образованы съ такою точностію, такъ согласованы не только съ природою животнаго, но и съ природою воздуха и свѣта, какъ это необходимо, чтобы легкія, глаза и ухо исполняли свое назначеніе. Притомъ, глазъ рыбы въ точности устроенъ по законамъ преломленія лучей свѣта въ водѣ, точно также, какъ ея жабры въ точности соотвѣтствуютъ болѣе плотному элементу, который замѣняетъ для нея воздухъ ([2]). И замѣчательно также, что у млекопитающихъ, при ихъ зарожденіи, появляют-

(1) Ueber die Gränzen des mechanischen Princips der Naturforschung. S. 83. Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1854 Bd. XXVIII.

(2) Метаморфозы человѣка и животныхъ. Соч. Катрфажа. Перев. А. М—на, гл. IV, V, VI.

ся прежде всего тѣ части, которыя отличаютъ высшую ступень животнаго и также отдѣлъ позвоночныхъ— столпъ и черепъ, заключающіе въ себѣ центры *нервовъ*.—Кто не знаетъ премудраго устройства человѣческаго и вообще животнаго организма? Въ немъ находимъ мы молотки, рычаги, клапаны, цѣдилки, верёвки, рѣжущіе ножи, трущіе жернова, капилярные сосуды, химическіе реторты; и всѣ эти снаряды подчиняются въ немъ общему плану; каждый изъ нихъ въ экономіи жизни имѣетъ свое особенное назначеніе; каждый помѣщается на особенномъ мѣстѣ и въ особенной системѣ; каждый находится къ остальнымъ въ отношеніяхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ, будемъ ли мы брать во вниманіе пространство, время, размѣры или способъ дѣятельности каждаго изъ этихъ механизмовъ. Не забудемъ при томъ, что организмъ человѣка есть въ тоже время ближайшее и въ сущности почти единственное средство, которымъ человѣкъ достигаетъ выполненія всѣхъ своихъ цѣлей; чрезъ его только силы и движенія, поколику онѣ повинуются его свободной разумной волѣ, онъ подчиняетъ себѣ силы и вещи окружающей природы и обращаетъ ихъ въ средства для достиженія своихъ предположенныхъ цѣлей. Здѣсь, такимъ образомъ, въ ограниченномъ кругу матеріальныхъ элементовъ и силъ природы, изъ которыхъ состоитъ организмъ человѣческій, мы имѣемъ наглядное, фактическое доказательство, какъ, съ одной стороны, господствующей всюду цѣлесообразности, въ природѣ, потому что тѣло человѣка есть часть той же природы,— такъ, съ другой стороны, и главнымъ образомъ—доказательство возможности того, что телеологическое міровоззрѣніе полагаетъ въ отношеніи ко всему міру,—

именно, что и весь міръ, какъ отдѣльный организмъ человѣка, управляется его умомъ и волей, управляется также Высочайше-премудрымъ Существомъ, дѣйствующимъ по разумному плану и цѣлямъ. Къ такому же заключенію ведетъ насъ, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ нами фактовъ, и вся современная естественная наука; своими фактами и наблюденіями она яснѣе и громогласнѣе, чѣмъ словомъ, возвѣщаетъ намъ истину, что всюду въ мірѣ видно владычество мысли, предначертанія воли, что, говоря словами Божественнаго Откровенія, *невидимая* Бога нашего *отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть, и присносущая сила Его и Божество* (Рим. 1, 20). Такъ свидѣтельство науки сходится съ свидѣтельствомъ Откровенія Божественнаго! Бюхнеръ, отрицаясь послѣдняго, далекъ съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ первой.

Этимъ мы заключаемъ разборъ общаго міровоззрѣнія Бюхнера.—Общее заключеніе, какое мы должны вывести изъ всего этого разбора, будетъ, какъ очевидно, то, что механика, физика и химія никогда не достаточны объяснить намъ происхожденіе и настоящее существованіе вселенной, какъ это воображаетъ современный матеріализмъ и его популяризаторъ—Бюхнеръ. Наука, заключенная въ этихъ предѣлахъ, недостаточна даже къ полному объясненію былинки и совершенно падаетъ при встрѣчѣ съ червемъ.—Понятіе Бога-Творца и Промыслителя вселенной—разумъ человыческій долженъ положить и какъ *начало* всякаго истиннаго познанія своего о мірѣ и какъ *конецъ* этого познанія. Матеріализмъ, отрицаясь Бога, отрицается чрезъ это и самой истины. На мѣсто вѣры въ Бога истиннаго, онъ поставляетъ самое грубое суевѣріе въ миріады без-

сознательныхъ атомовъ, въ ихъ абсолютный инстинктъ, абсолютный разумъ, руководящую идею и проч. Какой же можно ожидать истины послѣ сего отъ матеріализма и въ наукѣ? Ложь не производитъ истины.

V.

Мы переходимъ въ нашемъ разборѣ матеріалистической системы Бюхнера къ вопросу, въ рѣшеніи котораго матеріализмъ никогда не отличался ни богатствомъ, ни глубиною и разнообразіемъ своихъ изслѣдованій,— къ вопросу о человѣческомъ духѣ. Во всѣ времена, какъ замѣчаютъ, положительное содержаніе матеріалистической психологіи отличалось крайнею бѣдностію и философствующая мысль въ этомъ направленіи не сдѣлала никогда ничего, сколько нибудь замѣчательнаго въ изслѣдованіи духовной жизни человѣка. Во всѣ времена, вся задача матеріализма въ этомъ случаѣ ограничивалась одною полемикой противъ бытія духа, какъ личной субстанціи, подборомъ никуда негодныхъ метафоръ и аналогій, построеніемъ недоказаннныхъ гипотезъ и проч. (1)

Но не счастливѣе ли, быть можетъ, на этотъ разъ Бюхнеръ? Положеніе его, при несомнѣнныхъ успѣхахъ современной сравнительной анатоміи и физіологіи, гораздо счастливѣе, дѣйствительно, чѣмъ положеніе предшественниковъ его на томъ же поприщѣ и должно было дать, повидимому, ему возможность располагать богатымъ запасомъ наблюденій и фактовъ, пригодныхъ для его матеріалистической доктрины. Но здѣсь-то всего

(1) Medicinische Psychologie oder Phisiologie der Seele. D-r. R. H. Lötze. Leipziz. 1852 S. 30.

яснѣе оказывается, какъ мало точная наука имѣетъ солидарности съ матеріалистическими тенденціями. Во всемъ, дѣйствительно, видно стремленіе Бюхнера—стяжать своей психологической доктринѣ право на научное достоинство, математическую точность и ясность; но въ сущности всѣ его психологическія воззрѣнія не имѣютъ также никакого другого достоинства кромѣ *полемическаго* или *отрицательнаго* — доказать вопреки дуалистическому ученію внутреннее единство человѣческой природы, полагая основаніе этого единства въ тѣлѣ. Видимая точность и осязательная ясность положеній, при внимательномъ анализѣ оказываются, говоря безъ преувеличенія, мишурными блесками, за которыми скрывается также поразительная бѣдность въ сколько нибудь здравыхъ и точныхъ воззрѣніяхъ на дѣло. Бюхнеръ впутывается во множество странныхъ гипотезъ, поспѣшныхъ заключеній, прибѣгаетъ также къ разнымъ метафорамъ и аналогіямъ, надѣясь ими замѣнить добросовѣстный научный анализъ психическихъ явленій,—анализъ, который, конечно, былъ бы не въ пользу его матеріалистическихъ выводовъ. Но обратимся къ самой полемикѣ Бюхнера противъ субстанціальности духа человѣческаго; самое дѣло яснѣе словъ покажетъ, каково достоинство его психологическихъ принциповъ.

Душа есть продуктъ дѣятельности мозга: вотъ основное психологическое положеніе Бюхнера. Неопровержимое доказательство этого положенія Бюхнеръ, по обыкновенію всѣхъ матеріалистовъ, думаетъ прежде всего найти въ томъ, что мозгъ и психологическія явленія находятся въ самой тѣсной внутренней связи между собою, что вообще душа и тѣло человѣка раз-

виваются, въ предѣлахъ нашего наблюденія, въ неразрывномъ единствѣ. Въ этомъ пунктѣ Бюхнеръ видитъ главнѣйшую точку опоры для своихъ матеріалистическихъ выводовъ,— и потому позаботился обставить его всѣми аргументами точной науки—сравнительной анатоміи, патологіи, физіологіи и даже химіи. „Что мозгъ есть органъ мысли, говоритъ Бюхнеръ въ главѣ „мозгъ и душа", что они находятся въ столь непосредственномъ и абсюлютномъ отношеніи, что послѣдней нельзя и мыслить безъ перваго—это истина, относительно которой ни одинъ медикъ или физіологъ не можетъ имѣть никакого сомнѣнія (1). Бюхнеръ говоритъ, что онъ и пишетъ эту главу не для медиковъ, но *для большинства общества*, для *массы*, для которой истины наукъ естественныхъ самыя простыя и ясныя составляютъ еще загадку (2). Раскрывая подробнѣе это свое положеніе, онъ ссылается на тотъ фактъ, что весь рядъ позвоночныхъ животныхъ представляетъ намъ въ восходящей и нисходящей линіи, тѣсную параллель между развитіемъ мозга и разумностію, что человѣкъ существо высшее по своей разумной силѣ, имѣетъ и мозгъ абсолютно и относительно наибольшій; самая организація, форма и химическій составъ мозга имѣютъ также, говоритъ Бюхнеръ, сильнѣйшее вліяніе на энергію проявленія разумныхъ силъ; съ развитіемъ или атрофіею мозга развивается или атрофируется мышленіе, — и все имѣющее вліяніе на мозгъ вліяетъ и на пониманіе. Возрастъ, полъ, болѣзнь и проч. одинаково дѣйствуютъ на мозгъ и на способность мышленія.

(1) Force et Matière, p. 108.
(2) Ibidem. p. 108.

„Строгій и неоспоримый законъ, — такъ резюмируетъ самъ Бюхнеръ всѣ свои разсужденія о тѣсной связи души и мозга—научаетъ насъ, что мозгъ и душа *взаимно* обусловливаются самымъ абсолютнымъ образомъ, такъ что объемъ перваго, равно какъ его форма, его составные элементы совершенно пропорціональны интенсивности душевныхъ отправленій, — что душа существеннымъ образомъ вліяетъ на развитіе и образованіе органа, которымъ она пользуется, а самый органъ возрастаетъ въ силѣ своей дѣятельности и въ массѣ по мѣрѣ возрастанія дѣятельности умственной, точно такимъ же образомъ, какъ мускулъ растетъ и укрѣпляется чрезъ упражненіе (1). Такъ далеко отстоитъ смыслъ собственныхъ же выводовъ Бюхнера отъ положенныхъ имъ основаній! Но всмотримся ближе въ самыя основанія: есть ли на самомъ дѣлѣ въ нихъ тотъ смыслъ, какой даетъ имъ Бюхнеръ и не объяснимы ли онѣ съ большимъ удобствомъ и научною основательностію съ точки зрѣнія спиритуализма, чѣмъ матеріализма?

Душа и тѣло, или въ частности мозгъ, находятся въ тѣсномъ единеніи между собою: это истина не оспоримая и ясная,—и со стороны Бюхнера совершенно напрасно, можно сказать, потрачены усилія на доказательства этой истины; и еще болѣе напрасно онъ думаетъ найти себѣ точку опоры въ этой неопровержимой истинѣ. Единеніе души и тѣла или ихъ взаимная зависимость есть только фактъ, который самъ прежде требуетъ объясненія съ нашей стороны, чтобы потомъ на основаніи его дѣлать какіе либо безошибочные выводы; и это объясненіе ѐго будетъ гораздо удобнѣе и

(1) Ibidem. p. 123.

основательнѣе, безъ нарушенія самаго факта, только при другомъ взглядѣ на отношеніе между душею и тѣломъ, чѣмъ какое заранѣе имѣетъ въ виду матеріализмъ. Что̀ такое—прежде всего—значитъ видимое нами единство души и тѣла? Душа и тѣло составляютъ единство нашей личности. Недолжно спрашивать въ смыслѣ абсолютномъ, гдѣ кончается жизнь тѣла и гдѣ начинается жизнь души; тутъ нѣтъ ни начала, ни конца: человѣкъ есть душа и тѣло вмѣстѣ, во всѣхъ фактахъ нашего существованія, подлежащихъ наблюденію. Но если, тѣмъ не менѣе, въ этомъ единствѣ обнаруживаются для нашего наблюденія два начала, способныя ко взаимной борьбѣ, то странно заключать отсюда къ такому отношенію ихъ, въ которомъ уничтожается самостоятельность одного изъ нихъ и притомъ высшаго начала. Матеріализмъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ столь же поспѣшное заключеніе, какъ и тотъ лже-спиритуализмъ, который, смотря на душу, какъ только на сознательное существо, полагаетъ границы для ея жизни въ тѣлѣ и съ тѣломъ тамъ, гдѣ кончается сознаніе и потому представляетъ себѣ её въ отношеніи къ тѣлу живущею такою самобытною и независимою жизнію, познающею себя въ себѣ самой, что тѣло имѣетъ значеніе для нея простаго механическаго орудія, къ которому она обращается, когда имѣетъ нужду въ немъ, или чтобы посредствомъ его чувствъ и членовъ дѣйствовать на внѣшній міръ, или чтобы получить объ немъ какія нибудь частныя свѣденія и т. под. Въ основаніи обоихъ лежитъ, очевидно, одно и тоже заблужденіе, раздѣленное только на двѣ половины, что оба они—матеріализмъ и лже-спиритуализмъ начинаютъ, какъ говорится, дѣло съ конца, принимаютъ *сначала же какъ*

извѣстное данное, что есть душа и тѣло, — и первый, смотря на организмъ со всѣми совершающимися въ немъ функціями, какъ на нѣчто совершенно самобытное и развивающееся исключительно въ силу физико-химическимъ процессовъ, находитъ возможнымъ и даже необходимымъ, для сохраненія основнаго принципа — единства человѣческой личности — и самыя сознательныя явленія психической жизни человѣка объяснить функціями того же организма, а второй, замыкая всю жизнь души исключительно въ предѣлахъ ея сознательныхъ явленій, смотритъ на тѣло какъ на машину, и ратуя, по видимому, за бытіе души, служитъ на самомъ дѣлѣ весьма много интересамъ матеріализма. Между тѣмъ, и тотъ и другой должны были бы дѣлать свои заключенія послѣ обстоятельнаго изслѣдованія и психическихъ и физіологическихъ явленій единоличной жизни человѣка. Только это изслѣдованіе должно рѣшить гдѣ нужно искать первоосновы всей вообще психической жизни человѣка,—въ душѣ или тѣлесномъ организмѣ? Но такъ ли поступаетъ Бюхнеръ? Такъ ли онъ ведетъ объоснованіе своей матеріалистической психологіи?

Къ исполненію этой своей задачи Бюхнеръ дѣйствительно приступаетъ, повидимому, съ нѣкоторымъ безпристрастіемъ и, если онъ болѣе щедръ въ выборѣ такихъ фактовъ, которые показываютъ тѣсную зависимость душевной жизни отъ тѣла и въ частности—мозга, доказываетъ эту зависимость, такъ сказать, до мелочей, то онъ не скрываетъ также и фактовъ противоположнаго смысла,—именно, что душа также постоянно и также сильно дѣйствуетъ и на жизнь тѣла вообще и въ частности—мозга. По приводимымъ самимъ же

Бюхнеромъ фактамъ оказывается, что напр. иногда духъ господствуетъ надъ тѣломъ, вызываетъ въ немъ тѣ или другія состоянія и измѣненія, что умственный трудъ и крѣпкая сила духа производятъ спасительное вліяніе на силы и здоровье тѣла, что постоянными наблюденіями медиковъ дознано, что число стариковъ несравненно болѣе встрѣчается между учеными ([1]). Достаточно припомнить сдѣланный въ этомъ случаѣ самимъ же Бюхнеромъ выводъ изъ своихъ разсужденій о связи души и тѣла, что душа и тѣло, или ближайшимъ образомъ мозгъ, *взаимно обусловливаются*, что душа существеннымъ образомъ вліяетъ на развитіе и образованіе органа, которымъ она пользуется, а самый органъ возрастаетъ въ силѣ своей дѣятельности и въ массѣ по мѣрѣ возрастанія дѣятельности умственной, точно такимъ же образомъ, какъ мускулъ растетъ и укрѣпляется чрезъ упражненіе ([2]). Какая же внутренняя причина—естественный и неизбѣжный теперь вопросъ для наблюдателя—такого взаимнаго отношенія души и тѣла, по которому при томъ первая оказываетъ весьма часто могущественное вліяніе на послѣднее? Онъ непремѣнно долженъ остановиться на изслѣдованіи этой причины, если онъ хочетъ выяснить для себя, на сколько возможно, отношеніе души и тѣла, чтобы потомъ на основаніи его дѣлать тѣ или другіе выводы и объясненія другихъ, частнѣйшихъ фактовъ психической жизни. Но что же дѣлаетъ Бюхнеръ? Онъ просто отказывается отъ изслѣдованія этой внутренней причины, говоря, что изслѣдованіе ея не имѣетъ для него никакой важности; для насъ, говоритъ онъ, доста-

---

([1]) Force et Matière, p. 119—120.

([2]) Force et Matière, p. 123.

точно того доказаннаго положенія, что духъ и матерія, душа и тѣло нераздѣльны, и что оба фактора находятся въ абсолютномъ и генетическомъ отношеніи, что дуализмъ сознанія также въ этомъ случаѣ ничего не значитъ (¹). Въ этомъ положеніи, взятомъ отдѣльно, еще нѣтъ, очевидно, ничего матеріалистическаго, такъ какъ имъ еще не рѣшается, что̀ въ этой генетической связи души и тѣла стоитъ началомъ и основаніемъ, и если бы Бюхнеръ остановился на этомъ только положеніи, онъ высказалъ бы этимъ только свою безпомощность разрѣшить существующую связь души и тѣла, на основаніи своихъ наблюденій,—безпомощность, которой пособили бы своими трудами другіе, болѣе проникшіе въ тайны психо-физической жизни человѣка. Но ученая скромность и сдержанность—не въ характерѣ Бюхнера. Давая отказъ въ изслѣдованіи внутренней причины того несомнѣннаго и очевиднаго явленія, почему, въ самомъ дѣлѣ, душа и дѣло взаимно обусловливаются и притомъ весьма часто первая беретъ такой сильный перевѣсъ надъ послѣднимъ, Бюхнеръ руководствовался въ этомъ случаѣ не сознаніемъ своей безпомощности пріискать настоящую правильную причину этого, а просто, какъ это и очевидно, преднамѣреннымъ нежеланіемъ самому вникнуть въ смыслъ факта, видимо говорящаго не въ его пользу, и на оборотъ, столь же преднамѣреннымъ уже желаніемъ—отвести глаза другихъ отъ этого факта, чтобы потомъ съ болѣе выгодной стороны и въ болѣе выгодномъ свѣтѣ представить другіе, пригодные для его матеріалистическихъ цѣлей. Такъ именно поступаетъ онъ, когда начинаетъ подби-

(¹) Ibidem. p. 134, 136.

рать фактъ за фактомъ изъ сравнительной анатоміи, патологіи, опытовъ физіологіи и даже химіи въ доказательство того, что мозгъ и душа находятся въ теснѣйшемъ внутреннемъ соотношеніи между собою, что тѣ или другія измѣненія перваго сопровождаются непремѣнно измѣненіями въ отправленіяхъ послѣдней и проч.; и затѣмъ, какъ причину или основаніе этихъ фактовъ, или какъ ихъ объясненіе, выводитъ изъ нихъ то заключеніе, что душа есть продуктъ дѣятельности мозга,— продуктъ будто бы всегда въ точности соразмѣрный состоянію и дѣятельности этого фактора. Но на какомъ же основаніи—спросимъ Бюхнера,—онъ можетъ дѣлать подобное заключеніе изъ приведенныхъ имъ фактовъ и притомъ выставлять еще это заключеніе, какъ причину или основу ихъ, когда онъ самъ же, какъ мы знаемъ, въ подобномъ же случаѣ, отказался отъ прінсканія этой причины, говоря, что она не имѣетъ для него никакой важности и скромно удовольствовался простымъ признаніемъ существующей нераздѣльной связи между душою и тѣломъ? Почему же онъ не довольствуется подобнымъ же признаніемъ теперь? Очевидно, не дѣлая этого, Бюхнеръ поступаетъ въ этомъ случаѣ крайне не научнымъ образомъ, чтобъ не сказать болѣе. Научное ли, въ самомъ дѣлѣ, дѣло въ такомъ многосложномъ и на длинной цѣпи разнообразныхъ дѣйствующихъ причинъ и условій основывающемся процессѣ, каковъ процессъ психо-физической жизни человѣка, вырывать одинъ членъ изъ этой цѣпи и потомъ выдавать его за абсолютную дѣйствующую причину всего процесса? Въ наукѣ это называется болѣзненною односторонностію понятій, которая грозитъ, какъ справедливо замѣчаетъ въ подобномъ случаѣ Фрохшаммеръ

г. Фохту, опасностію умопомѣшательства; во всякомъ случаѣ, сужденія, отсюда выходящія, не могутъ быть свободными и безпристрастными ([1]). Такъ дѣйствительно мы и видимъ это у Бюхнера. Что мозгъ и нормальное состояніе его есть необходимое условіе для нормальнаго отправленія духовныхъ явленій со стороны души, какъ матеріальный органъ ея отношеній къ внѣшнему міру,—никто, конечно, никогда не думалъ и не думаетъ отрицать этого, какъ никто не отрицаетъ, что нормальное устройство и состояніе глаза есть непремѣнное условіе нормальнаго зрѣнія.—Но слѣдуетъ ли отсюда, что душа есть продуктъ физіологическихъ функцій мозга? Утверждая это, Бюхнеръ дѣлаетъ, очевидно, такое же поспѣшное и странное заключеніе, какъ если бы физикъ на томъ основаніи, что для зрѣнія и слуха безусловно необходимо извѣстное сотрясеніе свѣтоваго эѳира для перваго и колебанія воздуха для второго, сдѣлалъ заключеніе, что эти физическія явленія и суть дѣйствительныя причины зрѣнія и слуха. Разсуждая по такой логикѣ Бюхнера, мы съ такою же основательностію можетъ сказать, что послѣдняя причина и основаніе сознанія и всей вообще психической жизни человѣка лежитъ въ *кислородѣ* атмосѳеры, потому что несомнѣнный для самаго же Бюхнера фактъ составляетъ, конечно, то обстоятельство, что безъ этого газа, безъ постояннаго прилива его къ элементамъ мозга, и самый мозгъ не могъ бы совершать никакихъ физіологическихъ функцій, замеръ бы въ своей дѣятельности. Съ такимъ же удобствомъ и видимою основательностію, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ

([1]) Menschenseele und Phisiologie. D-r. S. Frochschammer. S. 6.

самого Бюхнера, мы могли бы поставить на мѣсто кислорода азотъ или другой какой химическій элементъ, или просто всякій кусокъ принимаемой нами пищи, такъ какъ отъ качества пищи зависитъ качество мозга, а отсюда уже простой переходъ и къ психическимъ явленіямъ. Говорилъ же, въ самомъ дѣлѣ, Фейербахъ,— достопочтенный авторитетъ Бюхнера, что человѣкъ то́ есть, что́ онъ ѣстъ. Это уже безъ сомнѣнія крайній абсурдъ, выведенный изъ основаній матеріализма, тѣмъ неменѣе—абсурдъ, также логически—необходимо слѣдующій изъ него и имѣющій такое же право на признаніе за нимъ справедливости и значенія, какъ и тѣ положенія Бюхнера, что мышленіе есть движеніе элементовъ мозга или что душа есть продуктъ физіологическихъ функцій мозга; разница только, очевидно, въ большей или меньшей смѣлости выводовъ, а отнюдь не въ самыхъ принципахъ. Понять самое начало, откуда происходитъ вся эта путаница умозаключеній вообще у матеріалистовъ, какъ и въ частности у Бюхнера,— нетрудно. Наблюдая связь психическихъ явленій съ физіологическими функціями мозга, матеріализмъ (оставляемъ имя Бюхнера въ сторонѣ) думаетъ подсмотрѣть въ этой связи или найти объясненіе, какимъ образомъ возникаетъ сознаніе и мысль въ человѣкѣ и, находя, дѣйствительно, при этомъ въ дѣятельности мозга ближайшее, дополняющее въ числѣ другихъ условіе, при которомъ совершаются эти и другія психическія явленія, воображаетъ, что онъ открылъ послѣднюю метафизическую основу ихъ. Въ силу этого воображаемаго открытія онъ превращаетъ уже условіе или зависимость двухъ явленій въ тожество,—и вотъ готово его положеніе, что душа есть продуктъ дѣятельности моз-

га. Но сколько важна предпринимаемая въ этомъ случаѣ задача со стороны матеріализма, столько легкомысленно и поспѣшно рѣшеніе ея. Не будемъ разочаровывать матеріалистовъ въ совершенной невозможности рѣшить подобную задачу, какъ невозможно рѣшить физику подобнаго же вопроса, какимъ образомъ возникаетъ матерія; замѣтимъ только, что въ видимой связи физіологическихъ функцій мозга съ психическими явленіями матеріализмъ находитъ именно не болѣе, какъ ближайшее дополняющее физическое условіе этихъ явленій, — какъ вообще, спрашивая о началѣ извѣстнаго явленія, мы всегда на самомъ дѣлѣ ищемъ только послѣднихъ дополняющихъ условій, при содѣйствіи которыхъ явленіе принимаетъ свою окончательную форму. Превращать же взаимную условную зависимость двухъ явленій въ ихъ тожество-совершенно не научно, потому что какъ бы далеко мы не простирали эту зависимость двухъ параллельныхъ явленій, онѣ никогда не сдѣлаются тождественными—это аксіома, вѣрность которой также не подлежитъ сомнѣнію, какъ вѣрность той математической аксіомы, что двѣ параллельныя линіи, продолженныя въ безконечность, никогда не пересѣкутъ одна другую. Изъ всѣхъ наблюдаемыхъ нами фактовъ связи души съ мозгомъ, мы можемъ вывести только то крайнее заключеніе, что могзъ своею дѣятельностію обусловливаетъ формы психической жизни,—обусловливаетъ, какъ увидимъ при анализѣ самыхъ этихъ формъ, точно также, какъ движеніе голосовыхъ органовъ обусловливаетъ собою звуки и тоны или извѣстныя степени сотрясенія эфира—различныя цвѣта свѣта для видящаго глаза, т. е. мозгъ обусловливаетъ нашу жизнь, сознаніе и всѣ вообще психическія явленія, по скольку его

дѣятельность уже напередъ имѣетъ своимъ основаніемъ, какъ *существующее данное*, *сознающую* и *мыслящую субстанцію или душу*, проявляющую при его посредствѣ свою дѣятельность. Такое заключеніе наше, въ сущности дѣла, нисколько не отличается, какъ очевидно, отъ собственнаго же вывода Бюхнера, что душа и мозгъ *взаимно обусловливаются*, что первый развивается подъ вліяніемъ послѣдней, точно также, какъ мускулъ развивается чрезъ упражненіе и проч. Такой выводъ Бюхнера или положительно не имѣетъ никакого смысла въ его системѣ, или дѣлая его, Бюхнеръ самъ же разрушаетъ этимъ, въ самомъ основаніи, свою матеріалистическую доктрину. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, душа могла бы объусловливать жизнь и развитіе мозга, какъ и всего тѣла, если бы она не была *нѣчто отличное* отъ того и другаго, въ самой себѣ не только имѣющее опору своей дѣятельности, но и подчиняющее этой дѣятельности бытіе и дѣятельность другаго объекта? Такой выводъ противъ матеріализма мы можемъ сдѣлать тѣмъ съ большимъ правомъ и смѣлостію, что и самая основа органической жизни, ея морѳологическихъ явленій и въ особенности тѣснѣйшаго внутренняго единства животныхъ организмовъ и человѣческаго организма въ особенности лежитъ, какъ мы видѣли при разборѣ этихъ явленій, по ту сторону всякой механико-химической комбинаціи элементовъ, что всѣ тщательныя физіологическія наблюденія и разныя проявленія психической жизни несомнѣнно удостовѣряютъ, что таже душа, которая на высшей ступени своего развитія сознательнымъ образомъ дѣйствуетъ для поддержанія и образованія организма, въ самомъ началѣ существованія человѣка, во время своего безсознатель-

наго состоянія, развиваетъ свой тѣлесный организмъ, какъ будущее орудіе своей дѣятельности. Отсюда совершенно естественною и понятною становится и зависимость души отъ тѣла. Тѣло не есть только механическое орудіе души, которымъ она распоряжается по своему произволу, не подчиняясь его вліянію; напротивъ, оно есть существенное условіе обнаруженій ея духовной жизни, соединеніе ихъ есть соединеніе глубокое, внутреннее; всѣ наши способности, чтобы дѣйствовать, имѣютъ нужду въ органахъ и находятся подъ ихъ вліяніемъ. Напрасно, такимъ образомъ, нѣкоторые огорчаются изслѣдованіями физіологіи, какъ будто она можетъ ослабить основу духовнаго порядка, открывая дѣйствіе матеріи на духъ, — разумѣется не въ такой степени, какъ это воображаетъ себѣ матеріализмъ,—но также, еще болѣе напрасно матеріализмъ думаетъ видѣть въ этомъ опору своей доктринѣ. Что возрастъ, полъ, болѣзни, разныя патологическія измѣненія мозга и вообще все имѣющее вліяніе на мозгъ вліяетъ и на психическую жизнь,—все это объясняется простымъ и извѣстнымъ всякому, самому тупому уму, понятіемъ зависимости души отъ тѣла,—зависимости, основывающейся на тожествѣ или единствѣ личности человѣка, а не на томъ, чтобы душа была продуктомъ органическихъ функцій, какъ проповѣдуетъ Бюхнеръ. Пусть же поймутъ, наконецъ, матеріалисты ту простую истину, что зависимость души отъ тѣла или точнѣе, ихъ взаимная зависимость—есть фактъ, требующій объясненія, а не объясненіе факта.

Такъ же не состоятельны и частнѣйшіе доводы Бюхнера, приводимые имъ въ доказательство причинной, генетической зависимости психическихъ явленій отъ

мозга. Во всемъ видна та же поспѣшность умозаключеній и та же страсть—представлять все въ преувеличенномъ видѣ, которыми Бюхнеръ отличается во всей своей системѣ. „Весь рядъ позвоночныхъ животныхъ, говоритъ Бюхнеръ, представляетъ намъ въ восходящей и нисходящей линіи тѣсную параллель между развитіемъ мозга и разумностію, такъ что человѣкъ, существо высшее по своей разумной силѣ, имѣетъ и мозгъ и абсолютно и относительно наибольшій". Въ этомъ фактѣ сравнительной анатоміи Бюхнеръ видитъ могущественное доказательство, что душа есть продуктъ дѣятельности мозга. Но прежде вывода этого слѣдствія Бюхнеру нужно было бы еще доказать, что мозгъ есть *единственный органъ* духовной дѣятельности. Бюхнеръ вообще держится того физіологическаго положенія, что мозгъ есть единственное и исключительное сѣдалище души, всякаго рода ощущеній и чувствъ ([1]), а между тѣмъ современная физіологія и сравнительная анатомія, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, положительно доказываетъ, что это есть только глубоко укорененный предразсудокъ, не имѣющій для себя основаній ни въ опытахъ первой, ни въ данныхъ—второй ([2]). На сравнительную анатомію постоянно ссылаются, дѣйствительно, когда ея данныя могутъ служить доводами въ пользу положенія, что головной мозгъ есть единственное сѣдалище сознанія и ощущенія; но ее спокойно оставляютъ безъ вниманія, когда она прямо противорѣчитъ этому мнѣнію. „Допустимъ безъ оговорокъ, говоритъ

([1]) Force et Matière, p. 142.

([2]) Volkman, „über Nervenphisiologie mathmofsliche Disposition des Nervensystems" (Handwörterbuch der Phisiolog. R. Wagners. Bd. II S. 508—514 Ср. физіологія обыденной жизни. Соч. Г. Льюиса, т. II гл. XV.

Льюисъ, что обзоръ классовъ позвоночныхъ животныхъ обнаруживаетъ замѣчательное соотвѣтствіе между объемомъ и развитіемъ мозга и между силою и разнообразіемъ умственныхъ отправленій, хотя свѣдущій анатомъ могъ бы указать намъ при этомъ на многіе затруднительные случаи: но спрашивается, чтó намъ дѣлать съ фактомъ, что множество животныхъ обнаруживающихъ ощущеніе и волю, вовсе не имѣютъ головного мозга, что даже между рыбами мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, одну, у которой нѣтъ и слѣдовъ его (и зоологи могутъ открыть ихъ и болѣе), такъ что мы должны или признать, что Amphioxus и всѣ безпозвоночные суть чистыя машины, безъ всякаго ощущенія, безъ всякой сознательности, или мы должны допустить, что сознательность возможна и безъ того органа, который выдаютъ за ея исключительное сѣдалище ([1]). По этому, мнѣ кажется, заключаетъ англійскій физіологъ, что сравнительная анатомія рѣшительно противорѣчитъ мнѣнію, будто мозгъ или другая какая либо условная масса есть исключительный органъ чувствительности или сознательности, къ тому же заключенію ведутъ, по изслѣдованію Льюиса, и всѣ физіологическія опыты и наблюденія ([2]). Положеніе Бюхнера, такимъ образомъ, что психическая жизнь есть продуктъ дѣятельности мозга теряетъ самую физіологическую основу для себя. Но допустимъ, что цѣлый мозгъ или какая нибудь часть его могутъ быть исключительнымъ органомъ ощущенія, сознанія и всей вообще психической жизни: выигрываетъ ли чрезъ это что-нибудь матеріализмъ? Опять прежде допущенія положенія, что измѣненія мысли про-

---

([1]) Физіол. обыд. жизни. Соч. Льюиса т. II, стр. 76.
([2]) Тамъ же,—стр. 80.

порціональны или соотвѣтственны измѣненіямъ мозга, нужно было бы сперва потрудиться опредѣленно узнать отъ какого именно обстоятельства въ мозгѣ зависитъ фактъ мышленія? Между тѣмъ этого-то ни самъ Бюхнеръ не опредѣляетъ и едвали другой кто нибудь изъ матеріалистовъ возмется опредѣлить (¹). Бюхнеръ, какъ мы видѣли, ссылается при этомъ то на объемъ и вѣсъ мозга, то на форму, число, глубину мозговыхъ извивовъ, то, наконецъ, на химическій составъ его; но ни всѣ вмѣстѣ, ни каждое въ отдѣльности изъ этихъ указаній не выдерживаетъ сколько нибудь безпристрастнаго анализа. Нечего и говорить, что ссылаться вдругъ на всѣ эти обстоятельства мозговой субстанціи въ объясненіе производимыхъ будто бы имъ психическихъ явленій,—значитъ, говоря прямо, уклоняться отъ точнаго дознанія дѣла. Но можно ли и въ частности на которое нибудь изъ нихъ указывать, какъ на дѣйствительный существенный факторъ душевныхъ явленій? И прежде всего,—объемъ и вѣсъ мозга нисколько не могутъ служить какимъ нибудь вѣрнымъ масштабомъ для сравнительной анатоміи, при измѣреніи степени силы и энергіи духовныхъ явленій; въ этомъ сознается и самъ Бюхнеръ въ одной изъ частныхъ своихъ статей, говоря что мозговая масса и степень разумности у человѣка и животныхъ стоятъ совершенно не въ прямомъ отношеніи другъ къ другу (²). Правда, Бюхнеръ объясняетъ это тѣмъ, что мозгъ есть центральный органъ не для однихъ только духовныхъ отправленій, но и для движенія и что въ основаніи мозга лежатъ многія ча-

---

(¹) Leib nnd Seele. S. Schaller. Weimar. 1858 S. 10—11.

(²) Aus Natur und Wissenschaft. Studien, Kritiken und Abhandlungen D-r. L. Büchner S. 292.

сти, совершенно не имѣющія никакого отношенія съ разумностію (¹) и этимъ объясненіемъ думаетъ защитить видимое соотношеніе мозга съ разумностію, — но это объясненіе, совершенно справедливое физіологически, на самомъ дѣлѣ только еще болѣе убѣждаетъ, что объемъ и вѣсъ мозга, увеличивающагося въ постепенной градаціи позвоночныхъ животныхъ, отнюдь не могутъ служить основаніемъ для того вывода, что большая или меньшая степень силы психическихъ разумныхъ явленій зависитъ отъ этой стороны мозговой субстанціи. По крайней мѣрѣ, вопреки увѣреніямъ Бюхнера, человѣкъ, существо высшее по своей духовной силѣ, на самомъ дѣлѣ имѣетъ мозгъ и абсолютно и относительно, примѣнительно ко всей его организаціи, отнюдь не большій чѣмъ у другихъ животныхъ: такъ свидѣтельствуетъ самъ г. Фохтъ (²). Что касается числа, глубины и извилинъ мозговыхъ извивовъ, то и съ этой стороны матеріализмъ имѣетъ еще менѣе научныхъ доказательствъ въ пользу своего положенія. Такъ, по наблюденіямъ Камилль Дареста, число и глубина этихъ извивовъ вовсе не имѣютъ постояннаго отношенія къ напряженности умственной дѣятельности у животныхъ (³). Льюисъ рѣшительно возстаетъ противъ этого мнѣнія— приписывать степень разума, которою обладаетъ человѣкъ или животное, количеству и глубинѣ мозговыхъ извивовъ. Это мнѣніе, говоритъ онъ, сдѣлалось столь популярнымъ, что я, быть можетъ, возбужу удивленіе, утверждая, что оно *лишено всякаго научнаго основанія.*

(¹) Ibidem. S. 293.

(²) „Человѣкъ". Мѣсто его въ мірозданіи и въ исторіи земли. Лек. К. Фохта, пер. Катина, Спб. 1865 г. стр. 73—74.

(³) Физіологія обыд. жизни. Соч. Льюиса, т. II, стр. 82.

Вопервыхъ, по этому воззрѣнію умственная дѣятельность, которая безъ сомнѣнія есть *отправленіе*, становится простымъ *свойствомъ*, независимымъ отъ анатомическихъ соотношеній, а допустить это было бы очень ненаучно. Во вторыхъ, хотя количество сѣраго вещества (извивы мозга наполняетъ сѣрое вещество) и можетъ опредѣлять количество развивающейся силы, оно не можетъ служить мѣриломъ для достоинства отправленій. Въ третьихъ, точныя измѣренія доказываютъ, что это мнѣніе вовсе лишено прочнаго фактическаго основанія. Г. Бальярже, указываетъ Льюисъ, произвелъ рядъ тщательныхъ измѣреній, изъ которыхъ явствуетъ, что съ умноженіемъ сѣраго вещества не усиливается умственная дѣятельность, а напротивъ того усиливается съ умноженіемъ бѣлаго вещества [1]. Такимъ образомъ, число и глубина извивовъ, равно какъ съ тѣмъ вмѣстѣ и количество самой сѣрой субстанціи, на большее или меньшее количество которой Бюхнеръ особенно указываетъ, какъ на непремѣнное химическое условіе большей или меньшей степени разумности, совершенно не представляютъ собою, по точнымъ изслѣдованіямъ физіологіи, ничего твердо опредѣленнаго по отношенію къ явленіямъ психической жизни, что давало бы не только право сказать, какъ говоритъ Бюхнеръ, что эти явленія состоятъ въ причинной, генетической связи съ ними, но даже и ставить въ болѣе или менѣе близкую параллель эти морфологическія и химическія особенности мозговой субстанціи съ этими явленіями, какъ матеріальное условіе развитія ихъ. Такъ осторожно, замѣтимъ кстати, нужно довѣрять Бюхнеру, относи-

---

(1) Тамъ же, стр. 82; ср. Nachrichten v. d. Universität zu Göttingen, 1860, № 7.

тельно самыхъ, приводимыхъ имъ, физіологическихъ положеній — хотя физіологія и была, кажется, предметомъ его профессіи. Бюхнеръ, впрочемъ, утѣшаетъ себя и своихъ читателей, что видимыя нами пробѣлы между самыми положеніями матеріализма и ихъ оправданіемъ на дѣлѣ, исключенія, при этомъ встрѣчающіяся и проч. основываются только на недостаточности нашихъ познаній относительно тончайшей, микроскопической анатоміи мозга какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ его положеніи и что, стало быть, будущія болѣе обстоятельныя анатомическія и химическія изслѣдованія докажутъ несомнѣнно точный параллелизмъ между организаціею мозга и жизнію души ([1]). На это замѣтимъ, что съ какими бы точнѣйшими особенностями устройства мозговой субстанціи, химическими и морѳологическими, ни познакомили насъ будущія изслѣдованія анатомовъ и физіологовъ, безконечное, неизмѣримое разстояніе между физіологическими функціями его и психическими явленіями не сократится для насъ ни на одну іоту; никогда, никакой анализъ нерва, говоритъ Льюисъ, не прольетъ свѣта на чувствительность ([2]); матерія всегда останется матеріею; самыя микроскопическіе элементы дѣятельности мозга также будутъ не похожи на чувствительность, на радость или глупость, какъ и его большія массы. Напрасно также Бюхнеръ питаетъ надежду, что, можетъ быть, и психическую дѣятельность мозга можно будетъ объяснить посредствомъ *электричества*, обнаруживающагося, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ нервахъ,—что чрезъ ближайшее изслѣдованіе доколѣ не извѣстной намъ природы этой

([1]) Aus Natur und Wissenschaft, S. 293.
([2]) Физіологія обыд. жизни, т. II, стр. 49.

силы для насъ объяснится и истинная природа психическихъ функцій. Вообще уже ссылаться на наше невѣденіе того или другаго, скажемъ словами А. Вебера— чтобы такимъ образомъ дать подпору чему-нибудь совершенно не мыслимому или прямо безсмысленному, есть столь не достойный аргументъ, что имъ можно оправдать все, хотя бы самое нелѣпое; разсуждая по такой логикѣ, можно вѣрить, пожалуй, что и люди могутъ дѣйствительно ворожить, а столы предсказывать такъ какъ намъ доколѣ еще неизвѣстно, какъ далеко могутъ простираться въ своей дѣятельности естественныя силы природы. А главное—если мы дѣйствительно не знаемъ, какъ говоритъ Бюхнеръ, самой природы силы электричества, какъ и другихъ силъ, то границы дѣятельности ея намъ почти въ точности извѣстны, и потому не можемъ приписывать ей такія невозможныя для нея явленія, какъ явленія психическія. Такимъ образомъ, еслибы даже матеріализму удалось доказать, что мозгъ есть единственный и исключительный органъ душевной дѣятельности,—что тѣ или другія измѣненія его пропорціональны или соотвѣтственны измѣненіямъ мысли и сознанія, онъ не выиграетъ чрезъ это ничего. Собственно генетической причинной связи между этими измѣненіями мозга и сознанія онъ не можетъ доказать никогда, и это понятно; потому что измѣненія мысли и сознанія мы наблюдаемъ чрезъ внутренній опытъ и наблюдаемъ не какъ измѣненія мозга, но какъ нѣчто совершенно другое,—поколику оно отражается въ разныхъ представленіяхъ и понятіяхъ, составляющихъ содержаніе нашей мысли и сознанія. Съ другой стороны, достаточно предположить, что мозгъ есть условіе мышленія, не будучи его причиною, для того, чтобы всѣ

упомянутые факты, относящіеся къ организаціи мозга и ихъ отношенію къ мысли, получили гораздо болѣе основательное и понятное значеніе, чѣмъ какое хочетъ придавать имъ матеріализмъ, поставляя мозгъ факторомъ мышленія. Несомнѣнный психологическій фактъ составляетъ то обстоятельство, что человѣческое мышленіе, въ настоящихъ условіяхъ жизни человѣка, таково по своему свойству, что оно не можетъ совершаться безъ ощущеній, образовъ и знаковъ, получаемыхъ отъ внѣшняго міра; по сему естественно необходима, съ одной стороны, нервная система, для того что бы сдѣлать возможнымъ для души не матеріальной получать разныя ощущенія, образы и знаки изъ міра матеріальнаго; съ другой — необходимъ также нервный центръ или мозгъ для сосредоточенія этихъ психическихъ отправленій. При такомъ пониманіи, мозгъ является и необходимымъ условіемъ души въ ея отношеніи къ тѣлу и внѣшнему міру и необходимымъ органомъ для тѣхъ образовъ и знаковъ, безъ которыхъ невозможно совершающееся подъ формами пространства и времени мышленіе ума человѣческаго. Понятнымъ становится отсюда также и то, что, точно также какъ поврежденіе органа зрѣнія лишаетъ насъ возможности одного изъ богатѣйшихъ источниковъ нашихъ познаній о внѣшнемъ мірѣ, то или другое поврежденіе цѣлаго мозга или какой либо его части должно естественно сопровождаться также для души потерею возможности совершать безпрепятственно, въ полной интенсивности и цѣлости, свое мышленіе и всю вообще психическую жизнь. Чѣмъ же — ссылаемся на здравый смыслъ всякаго — подобное пониманіе отношенія мозга къ дѣятельности души менѣе основательно, или менѣе соотвѣтствуетъ точнымъ на-

блюденіямъ психологіи, чѣмъ положеніе Бюхнера, будто душа есть продуктъ дѣятельности мозга? Напротивъ, какъ показываетъ дѣло, такое положеніе Бюхнера остается не только ничѣмъ не основаннымъ, фантастическимъ положеніемъ, но и прямо, какъ увидимъ, противорѣчитъ всѣмъ даннымъ внутренняго опыта, тогда какъ высказанное нами пониманіе отношенія души и мозга, вытекая строго изъ самыхъ этихъ данныхъ, остается съ тѣмъ вмѣстѣ въ полномъ согласіи и съ сравнительною анатоміей и физіологіей, на сколько только данныя той и другой изъ нихъ могутъ служить основаніемъ къ заключенію о душѣ.

Не будемъ долго останавливаться на другихъ менѣе важныхъ и заслуживающихъ вниманія возраженіяхъ Бюхнера противъ бытія субстанціальнаго духа человѣческаго; каковы напр., возраженія, основанныя на извѣстныхъ опытахъ Флурана, вырѣзывавшаго мозгъ у куръ и голубей и такимъ образомъ, по выраженію Бюхнера, отдѣлявшаго скальпелемъ ихъ душу по частямъ,—на анатоміи мозга въ его патологическомъ состояніи,—на ослабленіи памяти и вообще энергіи духовныхъ силъ человѣка въ старости и проч. (¹). Всѣ эти опыты и наблюденія столь неопредѣленны, условны, непостоянны, что при выводахъ изъ нихъ необходима, какъ замѣчаетъ Льюисъ, крайняя осторожность (²). „Мнѣ кажется, говоритъ Льюисъ объ опытахъ Флурана и о подобныхъ же опытахъ Лонже,—что здѣсь совершенно невѣрно понимается значеніе опыта, когда изъ того, что за пораженіемъ какого нибудь органа слѣдуетъ разстройство извѣстнаго отправленія, заклю-

(¹) Force et Matière, p. p. 115, 120—121, 133.

(²) Физіологія обыд. жизни. Соч. Льюиса, т. II, стр. 74.

чаютъ, что отправленіе это принадлежитъ сказанному органу. Все что можетъ внушать подобный фактъ—это предположеніе; а въ настоящемъ случаѣ предположеніе оказывается ложнымъ,—и ложность его доказывается тѣмъ, что иногда отправленіе совершается и въ такихъ случаяхъ, когда органа вовсе не существуетъ. Опытъ и патологія ясно говорятъ противъ этой гипотезы (1).“ Такую же оцѣнку произноситъ надъ опытами Флурана и другой знаменитый физіологъ—I. Мюллеръ: Флуранъ заключилъ изъ своихъ опытовъ, говоритъ онъ, что мозговыя полушарія суть единственные центральные органы ощущенія. Но это не есть законный выводъ изъ его чрезвычайно интересныхъ наблюденій, которыя, какъ замѣтилъ Кювье, доказываютъ прямо противоположное (2). Если такъ говоритъ физіологъ, то тѣмъ съ большимъ правомъ можетъ возразить психологъ на выводы Бюхнера изъ опытовъ Флурана: ужели вовсе не существуетъ все то, что въ своей дѣятельности можетъ быть нарушено или задержано? Умъ, самый тупой, пойметъ—говоритъ Фрогшаммеръ—что этого не бываетъ. Если душа человѣка, вслѣдствіе поврежденія органовъ своего проявленія, можетъ быть нарушена или задержана въ своей нормальной дѣятельности, то это обстоятельство еще не даетъ никакого основанія отрицать ея существованіе, въ томъ предположеніи, что есть другія основанія, которыя утверждаютъ ея существованіе (3). Еще менѣе матеріализмъ имѣетъ права выводить что нибудь опредѣленное въ пользу своей доктрины изъ данныхъ патологической анатоміи

(1) Физіологія обыд. жизни. Соч. Льюиса, т. II, стр. 103.
(2) Тамъ же, стр. 92.
(3) Menschenseele und Phisyologie S. 6—7.

мозга во время умопомѣшательства. Тутъ сами анатомы ведутъ свои изслѣдованія такъ сказать ощупью. Одни указываютъ на найденныя ими измѣненія; другіе вовсе ничего не находятъ. Такъ, по изслѣдованіямъ Лерэ, одного изъ знаменитыхъ Аліенистовъ, поврежденія въ мозгу умопомѣшаннаго встрѣчаются только въ томъ случаѣ, когда къ умозамѣшательству присоединяется еще другая болѣзнь, напр. общій параличъ. Сверхъ того, замѣченныя поврежденія до того различны между собою, такъ неправильны и мало постоянны, что трудно принять ихъ за истинныя причины умопомѣшательства. Съ не меньшимъ основаніемъ ихъ можно принять за послѣдствія, причиненныя теченіемъ болѣзни ([1]). Что касается, наконецъ, ослабленія памяти и энергіи силъ душевныхъ въ старости, когда самый организмъ человѣка упадаетъ въ своихъ силахъ и дѣятельности, то это обстоятельство, съ одной стороны, совершенно удовлетворительно объясняется изъ общей связи души и тѣла между собою, а съ другой—имѣетъ столько исключеній, весьма часто замѣчательныхъ, что не выводы какіе-либо нужно дѣлать изъ нихъ, а остается только созерцать, какъ бы лицомъ къ лицу, жизнь безсмертнаго духа человѣческаго во всемъ его величіи и торжествѣ надъ плотію. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не удавалось видѣть или слышать о подобномъ торжествѣ духа надъ плотію напр. въ болѣзненныхъ состояніяхъ человѣка? „Но посмотрите, говоритъ Эрнестъ Навиль, на самихъ матеріалистовъ на практикѣ,—особенно на матеріалистовъ врачей. Какъ они поступаютъ? Они не ограничиваются предписаніемъ лекарствъ, но совѣту-

---

([1]) Le Materialisme Contemporain en Allemagne, p. 117—118.

ютъ одному больному не бороться слишкомъ съ впечатлѣніями, другому—рекомендуютъ быть бодрымъ, не оставаться съ самимъ собою, противиться впечатлѣніямъ, переступающимъ границы правды и разсудка. Что это такое? Комедія у постели больнаго? Кому это—матеріи ли, что ли, даются, такіе мудрые совѣты? Нѣтъ, здѣсь матеріалистъ обращается къ разумной и свободной силѣ, которую неизбѣжно предполагаетъ у подобнаго себѣ. Этотъ матеріалистъ—человѣкъ, и если бы онъ хотѣлъ оставаться послѣдовательнымъ своему ученію, ему нужно было бы передѣлать свой умъ" (1). Такъ, самая совѣсть, вмѣстѣ съ общимъ смысломъ, котораго она есть высшее обнаруженіе, протестуетъ противъ матеріализма даже у тѣхъ, которые проповѣдуютъ, его!

Нужно, какъ говорятъ, всякому заблужденію давать возможность высказаться вполнѣ, до конца: тогда ложь выдаетъ сама себя, во всей своей наготѣ и безобразіи. Такъ именно выдаетъ Бюхнеръ и себя и свою матеріалистическую доктрину, когда онъ пытается объяснить намъ самый процессъ мышленія и сознанія согласно съ своими матеріалистическими воззрѣніями на душу. Эта попытка краснорѣчивѣе всякихъ опроверженій говоритъ, далеко ли проникаютъ матеріалисты съ своимъ свѣточемъ въ область духовной жизни человѣка и можно ли сдѣлать что-нибудь въ познаніи этой области безъ принятія души, какъ самостоятельной, отдѣльной отъ тѣла и духовной субстанціи.

Приступая къ объясненію процесса мышленія, Бюхнеръ, прежде всего, вооружается противъ извѣстнаго,

---

(1) „Православное обозрѣніе", февраль, 1862 г. стр, 166—167.

высказаннаго Фогтомъ сравненія, что мысли находятся въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени, или урина—къ почкамъ, находя его очень не удачнымъ. Бюхнеру, какъ видно, не нравится такое грубое и фантастическое представленіе, какимъ образомъ мозгъ изготовляетъ мышленіе. Но на этотъ разъ мы думаемъ защитить г. Фогта противъ нападеній Бюхнера. Въ этомъ случаѣ, Бюхнеръ, нанося ударъ другому, поражаетъ ближе всего самъ себя. Съ матеріалистической точки зрѣнія, пониманіе Фогтомъ процесса умственной дѣятельности мозга безукоризненно.—Всякое матеріальное, чувственно воспринимаемое измѣненіе въ чемъ либо непремѣнно обнаруживается, какъ долженъ согласиться Бюхнеръ, какимъ нибудь чувственнымъ же, матеріальнымъ явленіемъ. Такъ же точно и мозгъ, какъ матеріальная чувственно-воспринимаемая субстанція, производя своею дѣятельностію мышленіе, долженъ обнаруживать эту свою дѣятельность какимъ-нибудь чувственнымъ продуктомъ — выдѣленіемъ или разложеніемъ чего-либо. Кромѣ того, сила, по Бюхнеру, есть свойство матеріи и мы вообще наблюдаемъ дѣятельность силъ только по тѣмъ или другимъ перемѣнамъ, замѣчаемымъ въ вещахъ. Такимъ образомъ, какъ бы мы ни разсуждали, во всякомъ случаѣ, оставаясь строго вѣрными матеріалистическимъ началамъ, мы неизбѣжно должны согласиться съ Фогтомъ, что мысль мозга есть непремѣнно, въ такой или иной формѣ, *чувственный продуктъ*, какъ желчь есть продуктъ печени,—и только какимъ-нибудь не благопріятнымъ обстоятельствамъ мы должны приписать то, что мы не видимъ этаго продукта, или онъ такъ неуловимъ по своей тонкости, что ускользаетъ даже и для вооруженнаго

микроскопомъ глаза. И чѣмъ же хуже, наконецъ, такое пониманіе процесса мышленія мозговаго, какъ процесса выдѣленія, другихъ физико-химическихъ процессовъ, къ которымъ прибѣгаетъ самъ же Бюхнеръ для объясненія того, какъ мозгъ изготовляетъ психическія явленія? Какъ бы-то ни было, Бюхнеръ не хочетъ раздѣлять образа мыслей Фогта,—и въ этомъ мы согласны съ нимъ, хотя, повторяемъ, представленіе Фогта находится въ полномъ согласіи съ началами системы Бюхнера,—и онъ, отказываясь отъ этого представленія, долженъ былъ бы, строго говоря, отказаться на всегда и отъ своей попытки объяснить намъ мышленіе и всѣ вообще психическія явленія изъ одной механико-химической дѣятельности мозга. Но такъ ужъ, видно, всеобща и сильна наклонность въ грѣшномъ мірѣ человѣческомъ—видѣть сучецъ въ очахъ брата своего и не замѣчать бревна въ своихъ собственныхъ! Менѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, грубое и фантастическое объясненіе психическихъ явленій изъ дѣятельности мозга представляетъ намъ самъ Бюхнеръ въ замѣну объясненія Фогта?

„Мысль, духъ, душа, напротивъ того (въ противоположность именно урины и желчи) не имѣютъ, говоритъ Бюхнеръ, ничего *матеріальнаго*, не составляютъ какой нибудь матеріи, а есть только объединенное *сцѣпленіе различныхъ силъ*, продуктъ взаимодѣйствія одаренныхъ силами или качествами элементовъ. Мозгъ, выдѣляя мысль, не выдѣляетъ никакой при этомъ матеріи; онъ производитъ нѣчто, что не выдѣляется, *не пребываетъ* матеріальнымъ; но исчезаетъ въ моментъ самого произведенія; выдѣленіе изъ печени, изъ почекъ происходитъ безсознательно, безъ нашего вѣдома, и не-

зависимо отъ высшей дѣятельности нервовъ; онѣ выдѣляютъ матерію осязаемую; дѣятельность мозга не можетъ, напротивъ, совершаться *безъ сознанія, безъ сознанія полнаго;* онъ выдѣляетъ притомъ не *матерію*, но *силы* (¹)". Итакъ, вотъ нѣсколько существенныхъ оракульскихъ изрѣченій Бюхнера, показывающихъ намъ, какъ онъ понимаетъ генетическую, причинную связь между мозгомъ и продуктомъ его дѣятельности—психическими явленіями. Сравнивая эти изрѣченія Бюхнера съ извѣстнымъ уже сравненіемъ Фогта, видишь, что, тогда какъ этотъ послѣдній ставитъ свою матеріалистическую задачу и рѣшаетъ ее прямо и честно, первый—Бюхнеръ—запутываетъ ее во множество странныхъ, непримиримыхъ съ началами собственной же его системы, понятій, изъ которыхъ нѣкоторыя при томъ могутъ быть понятны развѣ для привычекъ воображенія, но никакъ не для здраваго смысла. Не будемъ спорить съ Бюхнеромъ о томъ, можно ли такъ безразлично употреблять, какъ онъ употребляетъ, эти три понятія: душа, духъ, мысль; это уже тонкости, которыя матеріалисту можно простить. Обратимся къ болѣе существенному. Прежде всего, какъ можетъ Бюхнеръ называть душу, духъ и мысль неимѣющими *ничего матеріальнаго*, т. е. сверхчувственными, духовными, послѣ того, какъ самъ же провозглашалъ, что ничего сверхчувственнаго вовсе и не существуетъ, и слѣдовательно оно никогда не можетъ быть и предметомъ нашей мысли и сознанія? Стало-быть, говоря здѣсь о сверхчувственномъ, онъ выходитъ изъ предѣловъ своей системы и невольно и безсознательно высказывается въ пользу спиритуа-

(¹) Force et Matière p. p. 136, 133.

лизма. Правда, Бюхнеръ считаетъ душу, духъ и мысль *не матеріальными*, какъ сцѣпленія или сумму различныхъ силъ; но, въ предѣлахъ его системы, это только пустая игра словами. Сила, по понятіямъ самаго Бюхнера, есть свойство матеріи; слѣдовательно она есть также нѣчто матеріальное; потому что представлять себѣ матерію съ свойствомъ нематеріальнымъ и такимъ образомъ прямо противоположнымъ по своему существу, есть, очевидно, такъ называемое contradictio in adjecto. Если же сила должна быть нѣчто *не матеріальное*, не зависимое отъ матеріи и привходящее къ ней только для своего чувственнаго проявленія, то этимъ подрывается въ самой основѣ вся матеріалистическая система Бюхнера; нѣтъ болѣе матеріализма, а существуетъ спиритуализмъ или идеализмъ. Такъ противорѣчитъ Бюхнеръ самъ себѣ! Но въ этомъ ли единственно противорѣчіе его? Какъ можетъ онъ, далѣе, вообще представлять себѣ *мысль* какъ только *сцѣпленіе различныхъ силъ*, тогда какъ самый первый членъ собственной же его системы гласитъ, что силы суть свойства матеріи, съ нею всегда неразлучны, и какъ отдѣльное отъ нея даже не могутъ быть и мыслимы? Мозгъ, говоритъ Бюхнеръ, выдѣляетъ силы; но мозгъ есть также матерія: какимъ же образомъ матерія, хотя бы и организованная въ мозгѣ, можетъ отдѣлять отъ себя свое свойство, отъ вѣчности ей присущее и отъ нея неотдѣлимое, равно какъ и сила—отдѣляться отъ нея? Что же значитъ послѣ сего пресловутая аксіома Бюхнера: „нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы?“ Отъ одной тайны переходимъ къ другой, еще глубочайшей: мозгъ, по представленію Бюхнера, производитъ нѣчто, что̀ не выдѣляется, не пребываетъ

матеріальнымъ, но исчезаетъ въ моментъ самого произведенія. Что это такое значитъ? Мозгъ, какъ матерія, и можетъ производить только матерію,—это во-первыхъ; затѣмъ, если продуктъ мозга исчезаетъ въ моментъ самаго же произведенія, то какимъ же образомъ возможно наше познаніе чего-либо? Все, что мы хотимъ знать и усвоить, должно непремѣнно имѣть пространственное или временное, хотя бы и моментальное, существованіе Еще новая тайна: дѣятельность мозга, утверждаетъ, Бюхнеръ, не можетъ совершаться безъ сознанія, безъ сознанія полнаго. Но какимъ образомъ онъ имѣетъ право напередъ уже предполагать сознаніе, какъ готовое данное, сопровождающее дѣятельность мозга, когда дѣло и идетъ собственно о томъ, какимъ образомъ мозгъ производитъ изъ себя сознаніе, мысль и проч. Такимъ образомъ, въ каждомъ положеніи своемъ Бюхнеръ или самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ самъ себѣ, или высказываетъ понятія, рѣшительно неудобопонятныя. Предъ каждымъ положеніемъ его здравый смыслъ невольно долженъ задать себѣ множество вопросовъ, отвѣта на которые напрасно будемъ искать у Бюхнера. И попробуйте, послѣ всѣхъ этихъ положеній, дать себѣ ясный и положительный отчетъ, что же такое *мысль*, *сознаніе* и пр., объяснить которыя намъ берется Бюхнеръ: содержаніе этаго отчета равняется совершенному нулю. Таково и все содержаніе матеріалистической психологіи. Душа, съ ея непостижимыми силами—раждать ощущенія, сознаніе, совершать мышленіе и пр., остается недоступною ни для какихъ притязаній матеріализма—вывести ее изъ простой физико-химической дѣятельности мозга.

Послѣ собственной напрасной попытки Бюхнера объ-

яснить процессъ мышленія по началамъ своей системы, мы не будемъ входить въ обстоятельный разборъ другихъ психическихъ явленій и въ анализѣ ихъ природы показывать, какъ мало объяснимы они въ предѣлахъ одной физіологіи. Ограничимся общими замѣчаніями о несоизмѣримости психическихъ явленій съ явленіями міра физическаго, — несоизмѣримости, которая необходимо предполагаетъ собою бытіе иной духовной силы или субстанціи, какъ источника ихъ. Мы совершенно противъ того, нерѣдко встрѣчаемаго, мнѣнія ([1]), что въ несоизмѣримости, отсутствіи всякой аналогіи между физическими и психическими явленіями, вовсе не лежитъ достаточнаго основанія—относить ихъ къ двумъ разнороднымъ субстанціямъ — матеріи и душѣ (слова Лотце), что, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что матерія мыслитъ и ощущаетъ, не болѣе заключаетъ въ себѣ противорѣчія, какъ и то, что матерія притягиваетъ и отталкиваетъ (слова Фрауенштедта). Извѣстна научная аксіома: въ дѣйствіи можетъ существовать только то, что дано въ его причинѣ; всякій излишекъ содержанія, являющагося въ дѣйствіи, такъ какъ онъ можетъ произойти изъ ничего, есть чудо, которое нужно изъяснить изъ непрестаннаго творчества Божія. Для логически умозаключающаго разсудка правило: ex nihile nihil fit не имѣетъ и не должно имѣть никакихъ ограниченій и исключеній. На этомъ правилѣ основываются, какъ справедливо замѣчаетъ А. Веберъ (§ 190), всѣ наблюденія и открытія науки. Физика никогда не достигла бы до открытія электричества, магнетизма, или

([1]) Напр. у Лотце: Medicinische Psychol. oder Physiologie der Seele, б. 13—14; ср. Фрауенштедта: „Несостоятельность матеріализма", стр. 253—254. (Труды кіев. д. академіи, іюнь, 1864 г.)

закона тяжести,—или химія—до новыхъ неизвѣстныхъ элементовъ, еслибы та и другая не руководились строго этимъ правиломъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Если, какъ говоритъ Фрауенштедтъ, простымъ указаніемъ различія между матеріальными движеніями и духовными отправленіями не опровергнешь матеріализма, потому что матерія, приведенная въ движеніе въ мозгу и въ нервахъ, можетъ быть способна къ мышленію и ощущенію, то чѣмъ же, спрашивается, и опровергать его послѣ этого? Тогда матеріи можно приписать и проповѣдуемую Фрауенштедтомъ волю въ природѣ, организующую мозгъ, и все, что угодно. Наука имѣетъ дѣло не съ міромъ возможнаго, но съ міромъ дѣйствительнаго, существующаго, и изученіе этого дѣйствительнаго, существующаго міра явленій опирается, по свидѣтельству самихъ естествоиспытателей (1), на единственномъ абсолютномъ принципѣ, управляющемъ нами и поддерживающемъ насъ, о которомъ мы имѣемъ сознаніе à priori, — томъ именно, что каждое явленіе имѣетъ свой абсолютный детерминизмъ, т. е. необходимо опредѣляется извѣстными, опредѣленными условіями; этотъ абсолютный детерминизмъ въ условіяхъ явленій составляетъ руководительный принципъ всѣхъ опытныхъ наукъ. Въ виду такого принципа, составляющаго conditio sine qua non науки, чѣмъ же неосновательно и ненаучно будетъ заключеніе отъ несоизмѣримости, разнородности психическихъ явленій съ явленіями физико-химическими къ существованію особой, духовной субстанціи, какъ ихъ спеціальной причины? По смыслу указаннаго нами абсолютнаго детерминизма яв-

(1) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 68—72.

леній, „какъ скоро дано какое бы то ни было естественное явленіе, экспериментаторъ никогда не можетъ допустить, чтобы произошло измѣненіе въ обнаруженіи этого явленія безъ того, чтобы не вошло въ то же время новыхъ условій въ это обнаруженіе“ (1). Безъ сомнѣнія, руководясь этимъ правиломъ, химія не находитъ возможнымъ возводить химическое соединеніе и разложеніе веществъ къ простымъ механическимъ силамъ притяженія и отталкиванія, но считаетъ необходимымъ предположить существованіе особой силы—силы химическаго сродства; физика также отличаетъ въ матеріи явленія молекулярныя отъ явленій, совершающихся въ цѣлыхъ массахъ; и тѣ и другія возводитъ къ двумъ различнымъ силамъ — силамъ такъ называемымъ молекулярнымъ и силамъ, принадлежащимъ тѣламъ или силамъ массъ. Но что́ съ такою отчетливостію и точностію выполняется въ области физическихъ явленій, совершенно забывается или даже болѣе—самымъ насильственнымъ образомъ попирается,—и къ сожалѣнію не одними матеріалистами, — когда дѣло касается разнородности условій, лежащихъ въ основаніи явленій психическихъ и физіологическихъ. Кажется, ясно для всякаго, что психическія явленія, какъ они извѣстны намъ по внутреннему опыту, суть явленія совершенно особаго рода, которымъ нѣтъ аналогій ни въ физическихъ, ни въ физіологическихъ опытахъ и наблюденіяхъ, и ближайшимъ образомъ въ физіологической дѣятельности мозга, къ которому матеріализмъ пріурочиваетъ ихъ. Уже простое, чисто чувственное ощущеніе, т. е. простое нервное возбужденіе, какъ

(1) Тамъ же, стр. 70.

скоро оно *ощущается*, какъ скоро, значитъ, изъ раздраженія нервныхъ волоконъ *преобразуется въ ощущеніе* запаха, звука и пр., есть новое, несоизмѣримое съ причиной, послужившей для него поводомъ, явленіе чисто уже психическаго характера,—явленіе новое не только по формѣ, но и по содержанію. Ощущеніе свѣта вовсе не похоже, конечно, на билліоны волнообразныхъ колебаній свѣтоваго эѳира, о которыхъ говоритъ намъ физика, какъ причинѣ свѣта; и разсматривая однѣ только сотрясенія эѳира, мы не найдемъ въ нихъ ничего подобнаго тому ощущенію, какое они производятъ въ зрителѣ. Точно также каждый токъ есть такое качественное ощущеніе, въ которомъ совершенно нѣтъ и напоминанія о количествѣ сотрясеній воздуха, возбуждающихъ ощущеніе тона. Однимъ словомъ, какое бы мы ни взяли ощущеніе, оно есть нѣчто совершенно другое, чисто качественное, интенсивное въ противоположность представляемому при этомъ количественному экстенсивному. Но если таково уже ощущеніе по своей природѣ, то что же сказать о другихъ психическихъ явленіяхъ,—явленіяхъ высшаго порядка? Радость и печаль, желаніе и отвращеніе, способность сохранять въ себѣ прошедшія состоянія и стремиться къ нимъ, способность соединенія представленій въ понятія, понятій въ сужденія, сужденій въ силлогизмы и этихъ послѣднихъ въ систему, наконецъ явленія сознанія и самосознанія и пр., — все это и другое развѣ имѣетъ для себя что либо аналогичное въ физіологической дѣятельности мозга? „Соберите—скажемъ словами Э. Навиля—всѣхъ физіологовъ міра, дайте имъ вѣка времени для ихъ работъ, предоставьте въ ихъ распоряженіе инструменты самого безукоризненнаго совершенства, са-

мые лучшіе микроскопы, и потомъ спросите у нихъ объясненія словъ: *хотѣть, желать, бояться, надѣяться.* Еслибъ физіологи не были людьми, еслибы они не знали смысла этихъ словъ, какъ знаете вы, какъ знаю я, благодаря внутреннему свидѣтельсгву сознанія, совершенно независимо отъ ихъ спеціальныхъ занятій, то имъ было бы невозможно, совершенно невозможно даже понять предлагаемаго вопроса" ([1]). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: между физіологическими процессами и явленіями психическими всюду лежитъ глубокая пропасть, и естествознаніе можетъ перескочить чрезъ неё, но никогда не можетъ наполнить. Наблюденіе наше, самое тщательное, не находитъ въ психическихъ явленіяхъ ни пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, ни фигуры, ни цвѣта, ни звука, ни запаха, ни вкуса, ни тяжести, ни температуры, — словомъ, всего того, что встрѣчаемъ мы непремѣнно въ явленіяхъ міра матеріальнаго; едва ли кто-нибудь согласится также утверждать, что въ ассоціаціи или конструкціи психическихъ явленій имѣютъ силу и значеніе или законъ уменьшенія силы сообразно квадратамъ разстояній, или законъ химическаго сродства, или законы механики и пр. Напротивъ, вся вообще ассоціація психическихъ явленій основывается на чисто качественныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ; имѣетъ, конечно, значеніе при этомъ и количественная сторона этихъ явленій, но только въ связи непремѣнно съ качественною и подъ ея преобладающимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, если допустить даже, что всѣ психическія явленія, въ своемъ первомъ моментѣ, могутъ быть сведены на физіологическое движеніе нервовъ и

([1]) „Православное обозрѣніе", февраль, 1862 г. стр. 165.

мозга, то тѣмъ не менѣе обнаруженіе этихъ явленій нашему сознанію представляетъ сравнительно съ физіологическимъ процессомъ, послужившимъ поводомъ къ нимъ, такую радикальную перемѣну и въ ихъ формѣ и въ содержаніи, что возводить ихъ къ одному и тому же детерминизму условій вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ можетъ только научная недобросовѣстность, преднамѣренная фальшь. Пусть физіологъ вооружится самымъ могущественнымъ микроскопомъ, такъ что онъ въ состояніи будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ и мозга, тѣмъ не менѣе эти движенія, пока они будутъ существовать только для внѣшняго опыта, т. е. пока они будутъ только пространственными движеніями матеріальныхъ элементовъ, останутся просто одними движеніями и не дадутъ ни малѣйшаго понятія объ ощущеніи, представленіи, мышленіи, сознаніи и пр. Научнаго, аналитически—понятнаго перехода между этими движеніями и психическими явленіями никогда не отыщетъ ни одинъ смертный въ мірѣ. Есть стало быть,—естественное, прямое заключеніе отсюда,—по ту сторону наблюдаемыхъ нами физіологическихъ процессовъ *особое, самостоятельное существо*, обладающее этою непостижимою для внѣшняго опыта силою—превращать, количественныя, пространственныя движенія нервовъ въ высшей степени интенсивныя, качественныя явленія, сохранять эти явленія въ себѣ, обнаруживать ихъ по первому востребованію, радоваться или скорбѣть по поводу ихъ, стремиться обогащаться ими, связывать ихъ въ одно гармоническое цѣлое и пр. Такое заключеніе наше должно быть неизбѣжнымъ и неподлежащимъ никакимъ ограниченіямъ, такъ какъ для логически-умозаключающаго разсудка правило: ex nihile nihil fit не

имѣетъ, какъ мы сказали, никакихъ ограниченій и исключеній при изъясненіи міра явленій и экспериментаторъ никогда не можетъ допустить, чтобы произошло измѣненіе въ обнаруженіи извѣстнаго явленія, безъ того, чтобы не привзошло новыхъ условій въ это обнаруженіе. Какова природа этого особаго, самобытнаго существа, каковы специальныя условія и законы его дѣятельности и пр., — рѣшить эти вопросы можетъ только обстоятельный анализъ спеціальныхъ явленій психической жизни и физіологъ можетъ отвѣчать на нихъ совершеннымъ незнаніемъ; но что это существо необходимо должно быть по ту сторону физіологическихъ процессовъ мозга, какъ особый дѣятель, развивающій изъ себя особый, совершенно несоизмѣримый съ физіологическими функціями мозга, міръ духовныхъ, нравственныхъ явленій,—эта истина должна стоять выше всякихъ сомнѣній столько же для физіолога, сколько и для спеціалиста— психолога.

Такимъ образомъ, какъ скоро къ изученію психическихъ явленій приступаютъ со всею добросовѣстностію научнаго изслѣдованія и это изслѣдованіе ведутъ по всѣмъ правиламъ научнаго метода, отрицаніе существованія души, какъ духовной, личной субстанціи, хотя и связанной съ тѣломъ по своимъ проявленіямъ, но независимой по своему бытію, становится положительно невозможнымъ; къ признанію бытія ея ведутъ неизбѣжно всѣ данныя внѣшняго и внутренняго опыта и наблюденій надъ психофизическою жизнію человѣка Всѣ усилія матеріализма ниспровергнуть истину бытія души всегда были и будутъ тщетными: на сторонѣ этой истины всегда будутъ и голосъ совѣсти и голосъ истинной науки. Борьба за бытіе души, скажемъ сло-

вами Р. Вагнера, прекратится развѣ только съ прекращеніемъ существованія человѣчества ([1]).

Мы закончили разборъ матеріалистической системы Бюхнера въ ея существенныхъ, главнѣйшихъ моментахъ. Приступая къ этому разбору, мы указали причины появленія матеріализма въ современной Германской естественной наукѣ,—сказали именно, что онъ есть болѣзненный плодъ неестественнаго, крайняго раздѣленія между философіей и естествознаніемъ, вслѣдствіе котораго въ первой фразы взяли перевѣсъ надъ фактами, а во второй на оборотъ, масса нахлынувшихъ съ успѣхами естествознанія необработанныхъ фактовъ перепутала понятія натуралистовъ, чуждыхъ полнаго всецѣлаго образованія, и потому естественно неспособныхъ къ сколько-нибудь всестороннему философскому воззрѣнію на вещи. Матеріалистическая система Бюхнера, какъ мы могли убѣдиться, оправдываетъ этотъ взглядъ во всей его полнотѣ. Разбирая эту систему, мы видѣли, что все зло въ ней происходитъ отъ того, что авторъ ея, на каждомъ шагу, переступаетъ предѣлы точной науки, всюду физику переводитъ въ метафизику. Гдѣ причина этого? Она лежитъ именно въ той недостаточности полнаго всецѣлаго образованія, которое состоитъ не въ обогащеніи только своей памяти фактическимъ знаніемъ, но и въ широтѣ и энергіи мысли и взглядовъ на вещи, въ умѣньи—давать

([1]) Der Kampf um die Seele von Standtpunct der Wissenschaft. R. Wagner, 1857, S. 1.

каждой вещи ея дѣйствительное значеніе въ кругу другихъ вещей, обнимать ее своимъ сужденіемъ со всѣхъ сторонъ, подвергать ее критическому философскому анализу на основаніи здравыхъ метафизическихъ и логическихъ началъ, и которое одно способно удержать человѣка въ предѣлахъ благоразумія и осторожности при сужденіи о разныхъ предметахъ знанія человѣческаго, идти вѣрнымъ путемъ къ истинѣ и искать вѣрныхъ средствъ къ ея достиженію. Понятно послѣ сего и то, гдѣ надобно искать противоядія противъ увлеченія подобными теоріями, какія проповѣдуетъ Бюхнеръ и его единомышленники. И въ наукѣ и въ жизни общества самымъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ реагентомъ противъ этого увлеченія можетъ служить распространеніе здраваго философскаго образованія. Такъ думаютъ и лучшіе между представителями самой науки естественной, — напр. Р. Вагнеръ, Шлейденъ и др. Школа должна полагать основаніе этому образованію преподаваніемъ философіи во всѣхъ ея отрасляхъ; литература должна поддерживать и популяризировать это образованіе. Тогда только, съ лучшимъ ознакомленіемъ и представителей науки естественной и общества съ философскими принципами міровоззрѣнія, можно будетъ ожидать прекращенія путаницы понятій и взглядовъ у первыхъ и — увлеченія подобною путаницею со стороны послѣдняго; тогда только физика не будетъ переходить въ метафизику, но и та и другая будутъ твердо помнить старинное мудрое правило, сколько въ жизни, столько же и въ наукѣ: „ne sutor ultra crepidam".

